

Метафора – это средство восстановить единство мира, опираясь на поэзию.

Ханна Арендт

Метафора есть такое образование,
которое находится в поисках своего смысла

Мераб Мамардашвили

Владимир Ермаков
Немногое

Стихи

ББК 84Р2

Е 82

Е 82 Ермаков В.А.
Немногое. Стихи. – Орел: АПЛИТ, 2020. –
352 с.

ISBN 978-5-904446-__-

В этой книге собраны лучшие стихотворения поэта и эссеиста Владимира Ермакова, написанные автором за период с конца 60-х годов прошлого века по настоящее время. «Немногое» впервые представляет творчество поэта в хронологическом срезе – по страницам десяти книг.

ББК 84Р2

Дизайн – Альбина Ермакова

Фото на суперобложке и фронтиспise –
Людмила Домарацкая

© Ермаков В.А. 2020

© Ермакова А.А. 2020

© Домарацкая Л.Р. 2019

© Агентство печати

литературы «АПЛИТ» 2020

Стихи

из книг

Прогулки в сумерки
1997

Повторение пройденного
1998

Безвременник
2001

Как бы книга
2003

Разноголосье
2006

Созерцание руин
2011

Осадок дня
2011–2015

В поисках утраченной метафизики
2016

Филин на развалинах
2017

Между прежде и после
2019

ПРОГУЛКИ В СУМЕРКИ

автопортрет в ночном окне

Ночь. В стекле отраженье. Это
мой нечаянный автопортрет.
От прикуренной сигареты
на лице мерцающий свет.
Свет слукаен, а тьма исконна, –
и когда огонек погас,
стал невзрачен лик, как икона,
что писал пустой богомаз.

Кто иной, на меня похожий,
сквозь меня глядится в окно? –
Разглядеть в себе образ божий
мне, агностику, не дано.
Ум во тьме, и душой не светел...
Но слепое зеркало лжет:
это поверху прах и пепел, –
в глубине искра божья жжет!

Я храню в себе это жженье
как залог живого огня...
Отраженье – как отторжение
меня темного от меня:
я – иной! отныне и присно
я иной у себя внутри...
Отраженье, как бледный призрак,
исчезает в свете зари.

ш а г и в н о ч и

памяти отца

Снега скрип под окном.
Кто там еще не спит?
В переулке ночном
скрип скрип скрип

Выгляну – лишь следы
стайкой прозрачных рыб.
Дале, из темноты:
скрип скрип

Шедший во тьме пропал
там, где следов загиб.
Город спит, как и спал.
скрип

Поезда дальний стук.
Осыпается с лип
снег. Напрягаю слух:

.....

в е с н а с в е т а

8

Время тайной капелью стекает назад,
беспрчинно утративши прочность.
И у встреченной женщины в серых глазах
непохожесть на прочих.

Все ложится на сердце: и ветер, и вздор
воробьев, восхитительно наглых.

В серой луже, заполнившей в оттепель двор,
отражается ангел.

Пролетая, он плачет над всеми людьми,
но – светло, но – легко, без печали.
Этот мир, этот миф, этот век, этот миг, –
все, поверьте, в начале.

Пусть пустырь на пути
с прошлогодним репьем, –
не печальтесь, блуждая по кругу:
возлюбите всех женщин и всех воробьев
и простите друг другу.

м а р т

Солнце по снегу стелется блеском,
сильным и резким в зеркале лужи.
Мокнет дорога, а в перелесках
с ночи забыто чуточку стужи.
В чересполосице грязи и снега
конь, отощавший на зимней диете,
тащится краем дороги; телега
шатко и валко едет и едет.
Сонный осинник в зябкой низине.
Голой березы промах и прочерк.
Воздух пропитан сладким и синим,
и золотым, и печальным, и прочим...
Что-то вершится. Скрытно и втайне.
Звякнув, ледышка свалится с ветки:
то ли подтаяв, то ли задел кто...
ветка взметнется, вздрогнет – и станет.

В своре грачиной, вскруженнай мартом,
каждый горланец хочет быть первым.
Оперный ворон, мрачный, как Германн,
перья встопорщив, требует: “каррту!”...

Скудный мой край, где все ладно и кстати –
лога продольность, тихость лесная.
Горло остудит и перехватит –
боль или счастье? право, не знаю.
То ли простужен, то ли пристыжен.
Я на природе бываю нечасто.
Крошится, крошится в корочке наста
путаный след, безнадежно простывший.

К вечеру тени вычертят грани,
карты проталин в поле разметят.
Над перелеском выплывет ранний
полупрозрачный мартовский месяц.

явл ени е в есны

Але

Сквозь воздух, окрыленный снегом,
проходит март. Сердя старух,
протянемся незримым следом
тревожный, сладкий, странный дух.

Кричат грачи до темноты,
а к ночи – страстные коты
в стремлении к любовным негам.

Теплеет свет. Восторгом глазу
сверкает спорая капель

и в ре-мажор пустую фразу
долдонит в талую купель:
весна идет – и весь тут сказ!
все сказано миллионы раз...
и не услышано ни разу.

Из года в год одно и то же:
об эту пору дар тепла
на почве, на коре, на коже
являет дивные дела.

Пусть в чуде нету новизны,
блажен, кто дожил до весны,
увидел свет – и к свету ожил.

п а с т о р а лъ

О, летняя идиллия!
Все – за город! скорей,
туда, где мак и лилии,
репей и лук-порей.

Там бродят за околицей
и ягоды едят;
там соловей заходится,
и комары зудят;

из леса эхо дразнится,
ручей бежит резвой, –
и стрекозе без разницы,
чем занят муравей...

О, дачная экзотика!
Короткая гроза.

Бредут под пестрым зонтиком
старуха и коза.

Сверкнуло... прогремело – и
вновь небеса тихи, –
но кошка ошалелая
забилась в лопухи.

Пахнет прохладной прелостью
тропа через овраг...
О, Боже! сколько прелести
во всем, что просто так.

л е т н и й в е ч е р

Медных лучей стаккато слышно едва ли...
Солнечный мед стекает в ладанку дали:

там горизонт фиолетов по золотому.
Теплое тело лета – соты истомы.

Капля росы в купаве блекнущим бликом.
На костерке вскипает чай с голубикой.

Эхом уходят годы в счете кукушки.
Ивы глядятся в воды тихой речушки.

Есть на что опереться: здесь, над рекою,
обретается в сердце точка покоя.

Лето печаль пролечит, – с прочим я слажу.
Так обобщает вечер сложность пейзажа.

Ластится ветер к ивам, стелется логом.
Хочется быть счастливым. Хоть ненадолго.

Отлетает усталость, сродная пыли.
Что же от нас осталось там, где мы были?

Жаль, что не в нашей власти магия буден.
Что сохраним от счастья там, где мы будем?

Костерок догорает. Пепел как проседь.
Над окраиной рая звездная россыпь.

в о с п о м и н а и е о л е т е

Поверить в ясность – и не прогадать.
Еще не время темным кривотолкам.
И, кажется, почила благодать
на этом дне, торжественном и долгом.

Впустую осыпается пион.
Он огорожен спорым огородом.
Пусть воздух кислородом упоен,
но ветер пресыщается свободой,

с которой одуванчики летят
бесцельно, как потерянные души...
И переосмысленье бытия
еще возможно, но уже не нужно.

Впустую тайный ангел прилетал,
лишь ненадолго задержавшись рядом,
где тайн девичьих длится ритуал
(а имена им – благодать и радость).

Слова мерцают, словно угольки,
их ворошат внимательные жены,
чье жесты нежны, паузы легки,
зрачки ясны, но мысли отрешенны.

И чад беспечный дачных шашлыков...
И вин сухих хрустальная помеха...
И юность окликает стариков,
но мир широк – и не дождаться эха.

о с е н ь

Дление теней, тление листьев,
неизъяснимый таинственный трепет.
Осень в России. Время проститься.
Плачьте, прощайтесь... Время не терпит.

Бог испытует ли нас в эту пору?
Здесь на четыре стороны света
по окончанию столько простору!
столько свободы! ... да выхода нету.

Долгие дали – голод для глаза.
Вид на окрестности – не оторваться.
Освобожденье пространства от массы, –
вот описание осени вкратце.

Но не по сути. Метанье метафор,
с птичьей поспешностью сбившихся в стаю.
Дрожь упованья. Ужас утраты...
[Все, что угодно: строчка пустая].

Чахлая озимь. Стежки-дорожки.
Брошенный трактор. Ворон на страже.
Пустошь разрытых кладбищ картошки –
вот состоянье души и пейзажа.

Медленный луч в мираже паутинки.
Воздух пропитан печалью и медом.
Лет летаргический божьей скотинки –
тихого ангела – мимо, пролетом.

Русская пагуба – тяга к побегу.
Сердце заходится сладостной болью.
Хочется вечности, свежести, снега...
Ангел залетный, ты не за мной ли?

Ветер, тоскуя, пажити лижет.
Что еще живо, – взыскует спасенья.
Небо всех ниже и Бог людям ближе
в бедной России в вечер осенний.

Тропка терпения в поле потери.
Духа толика в пригоршне праха.
У очевидца осенних мистерий
мужества чуточку больше, чем страха.

К ночи никто не выходит из дома.
Осень. Сиротство зверей и растений.
Острые звезды. Холодной истомой
тление листьев, дление теней.

ЭТЮДЫ И ЭСКИЗЫ

1. СТАРИННАЯ АКВАРЕЛЬ

И воскресает этот мир...

Георгий Иванов

Почти законченный этюд
с энтузиазмом дилетанта
с натуры и не без таланта
изображает старый пруд.
Над купой ив и вехой ели
сияет палевый закат.

Должно быть, автор акварели
читал Руссо и верил в ад, –
но в этой жизни ведал толк...
Видать, продумав все заране,
живописал нам уголок
в тени дерев; на первом плане
рыбак, упитанный тушица,
склонил к воде свою уду,
и барышня сошла к пруду –
нет, не купаться, не топиться,
а грезить над водой... Видать,
художник не искал сюжета,
имея цель посредством света
явить земную благодать.

И вышло то, что чудом вышло:
по минованье стольких лет,
я вижу то, чего уж нет, –
и даже, кажется, что слышу
и шорох ветра по листам,
и шелест волн по кромке ила...
Как будто было что-то там,
что быть умело и любило.

2. лубок

... Бушует вьюга.

Вся тройка в сторону с испуга

Шарахнулась ...

Николай Некрасов

Кто бы подумать мог...
Что-то задел в душе
выгоревший лубок –
давних времен сюжет.

Здравому смыслу чужд,
да и как символ – пуст:
сон о России. Чуть
несоразмерен (пусты...),

образ возник в виске
и веющим воском стек
в форму лубка: в возке
стынет седой седок.

Слышь? ... бубенец звенит –
а отголоска нет.
Мчится возок; за ним
волки нелегких лет.

Снег. Степь да степь кругом.
И горизонт в крови.
В этом кругу крутом
жизнь и смерть – визави.

Конь коренной, лети!
Вожжи, ямщик, отбось!
Сколько ни быть в пути –
не пропадем, авось...

Сон, как стон, обволок,
в кровь холодок гоня:
Бог не выдаст, и волк
не загрызет коня.

Страх и азарт погонь;
случай как тать в нощи...
Всяк себе – волк и конь,
сам – седок и ямщик.

О, этот долгий путь!
След седины к виску –
через чужую жуть
и сквозь свою тоску.

3. картинка с вороной и ангелом *Владимиру Витюкову*

Ворона с подранным хвостом
свершает раннюю прогулку
(туда-сюда по переулку)
в пространстве скудном и пустом
между забором и кустом.

Я, рано вставши, встречь иду
(дабы в делах не быть урону),
но с точки зрения вороны,
меня имеющей в виду,
я лишь препона на ходу.

И, прорезая полутьму
(зимою поздно рассветает),
над нами ангел пролетает, –
но дела нет до нас ему
сейчас, и год, и век тому...

Как мироздание огромно!
В нем всякой твари место есть.
И никому из нас не в честь,
что разошлись во время оно
и я, и ангел, и ворона.

4. гравюра в готическом стиле

Вечер. Купа деревьев.
Обнаженные кроны.
Отягощая ветви,
громоздятся вороны.
Их здесь, наверно, сотни,
а вдоль дороги – тыщи!
Выпь на болоте стонет.
Во поле волки рыщут.
Нищий угрелся в стоге.
Тать заскучал в засаде.
На столбовой дороге
всадник. А кто же сзади?
Стоит лишь приглядеться, –
за верховым в кортеже,
как в карнавальном действе
маски одни и те же:
смерть в обличье скелета,
дьявол, монах и шлюха...
Дальше – убыток света.
Дальше – упадок духа.
В чертовом хороводе
человеками вертит
totentanz: в переводе
с готского – *пляска смерти*.

То ли слеза во взгляде,
то ли комок у горла...
Далее представляйте,
ежели вам угодно:
рыцарь не увернется
от стрелы из засады,
и воронье взметнется,
клочьями сажи из ада.

5 . м е с т о б е з д е й с т в и я
Владимиру Быкову

Сад. С одичавшими вишнями.
Мокрой листвы нелады.
И над дорожкой зависшая
тень не избытой беды.

Дом. Далеко не развалина.
Но нежилой – неживой.
И домовыми оставленный,
и позабытый молвой.

Тусклые стекла. Случайные
шорохи. Мышь у стены.
Долгое эхо молчания –
апофеоз тишины.

В зеркале длинная трещина.
В блюдце засохший творог.
В раме красивая женщина.
В щели сквозной ветерок.

Он поиграл паутиною
и растворился в дому...
Время, что нами покинуто,
не заселить никому.

6. двойной эскиз
Борису Войнову

Дом одурманен концом.
Знать по всему: распад.
В земле вросло крыльцо,
и зарастает сад.

Если здесь кто и живет,
явно гнезда не вьет,
ибо на каждом кусте
мерзость и запусте...

Где же гений сих мест?
Редко, – дымок из труб.
Если кто сварит суп,
сам три дня его ест.

К ночи в окошке свет,
но никого на порог.
Кажется, ближе Бог,
чем ближайший сосед.

Кто-то бродил в дому,
Что-то писал – кому?
Но не хватило строк
и на один листок:

круг мифозданья все уже ...

все-таки: быть или не ...

*Родина! Бес тобой кружит,
не отражаясь ни в луже,
ни в запыленном окне...*

*все мы некстами и вчуже
в этой печальной стране...*

7. эскиз в серых тонах

Николаю Силаеву

В село неслышно
закрался вечер.
По серым крышам
скребется ветер.

В стрехе сарая
пичужек стая.
А хата с края
стоит пустая:

крыльцо забито;
вокруг ступенек
шуршит сердито
сухой репейник.

Едва трепещет
ракиты корона,
как сетка трещин
в грунтовке фона.

Пора глухая;
пейзаж убогий:
за лопухами
овраг глубокий;

он полон мраком,
тоской нетленной...
За тем оврагом
конец вселенной.

ХОЖДЕНИЯ ВОКРУГ И ОКОЛО

1. у х о д о т с е б я

За право слоняться без толку,
за прелесть безделья с утра, –
я отдал сознание долга,
что счастьем казалось вчера.

Не то, чтоб совсем беззаботен;
тревожен, а все-таки рад, –
как будто и вправду свободен,
и равен, и каждому брат.

Не жду ни призыва, ни вести;
что выпадет, то и приму.
Ах, было бы сердце на месте,
а горе найдется ему.

Судьба, оборвавшая нитку,
куда-то заводит, маня...
И женщина в шали внакидку
с улыбкой глядит на меня.

Туман оседает на крышах;
бледнеет и тает луна.
А женщина солнечно рыжая,
а шаль зелена, зелена...

2. прогулка в дожде

Выйди из дома в дождь,
в тот, что пронзает ночь
и повергает в дрожь, –
ту, что сдержать невмочь.

Воздух насквозь промыт.
Тускло бликует лист.
В декорации тьмы
голый фонарь – статист.

Пусть этот выход – жест;
пуст, словно возглас “О!”, –
все же в нем контур есть
образа твоего.

“О” – эта поза рта
обозначает крик.
Но вокруг немота.
Только деревьев скрип;

только неровный шум:
дождь барабанит в жесть...
Руки ломает шут.
Впрочем, и это – жест.

О, как наивен ты!
Разве здесь что всерьез?
Капельки злой воды
в роли незваных слез.

Клоуном-удальцом
(Глупость! Бравада! Блажь!)
ветку стряхни в лицо
и по лицу размажь.

Странствуй по ветру. Вот
высокомерный мост:
снизу река течет,
не отражая звезд.

Чья это тень видна
над чернотой воды:
канатоходец над
пропастью – разве ты?

Что же ты ждешь? Пора.
Ах, как тебя трясет!
Это была игра.
Просто игра – и все.

Прятки с самим собой,
лишним среди людей.
Скерцо прогулки – сбой
в ритме ночных дождей.

3. прогулки в сумерки

Эта невзрачность – размывом в тени.
Невралгия дождя.
Эти осенние серые дни
властвуют, не щадя.

Этот пустырь, именуемый сквер.
Деревянный бронхит.
Ветер намокший скребется в траве
и жестянкой бренчит.

Ветка шарахнется прочь, обронив
капельки злой воды.
Вот вам пейзаж и осенний мотив, –
наблюдений плоды.

Как этот мир переполнен – но пуст;
полон – но пустяков!
Вот воробыи, населившие куст.
Лужа с битым стеклом.

Вот человек, нелюбимый никем,
словно бы пес ничей, –
прячущий в поднятом воротнике
опустенье очей.

Не по зубам, очевидно, ему
черствый хлеб бытия.
Вдали уходя, он заходит во тьму.
Кажется, это я.

Тени плотней. Опустенье тропы.
Мой одинокий след.
*Ладно, – сказал я себе, – погибни,
скоро выпадет снег.*

4. ангел сумерек

В тающем шуме рек,
в зыби на грани сна, –
музыка ранних сумерек;
та, что едва слышна.

Полутьма, полусвет.
Что за час? Никакой.
Над незамерзшой рекой
сгорбленный силуэт.

Там, где пологий брег,
самой кромкой скользя...
Кто же ты? – *Имя рек.*
Имя скажи! – *Нельзя.*

Вдруг он раскрыл крыла
и воспарил в зенит.
Как я хочу за ним!
Да не могу. Дела.

Холодно. Надо мной
темная немота.
Надо идти домой
и накормить кота.

Надо забыть, что над
той немотой... Бог весть!
Суть прогулки – возврат
в место, какое есть.

5. ночная прогулка

Свети, фонарь, всю ночь свети,
даря данность переулку, –
дабы всем, сбившимся с пути
земного, совершить прогулку

в тупик; короче говоря,
тупицам никогда не рано
рискнуть пройтись от фонаря
(на сленг: *наобум, без плана*)

до фонаря (здесь смысл иной:
утраты смысла); этой ночью
кровь взбудоражена весной,
и манит так, что нету мочи

терпеть – ведь в четырех стенах
(*границах пустоты обжитой*)
не запереть подспудный страх
не сбыться... прочь, наружу! vita

est via (нет, *наоборот:*
дорога это жизнь, вестимо)...
шарахнется бездомный кот,
в подъезде переживший зиму;

скрипит качель среди двора
(звук *муторный сквозь сумрак мутный*),

и с четырех сторон ветра –
поди, пойми, – какой попутный...

Куда ж нам плыть? – спросил поэт
и не нашел в себе ответа.
От фонаря (*раз цели нет*)
до фонаря – достанет света,

чтоб обогнуть унылость луж,
пройти меж ямой и забором, –
а там тропа. Пустырь. К тому ж
луна сияет над простором,

который, в сущности, тупик.
Куда ж нам плыть? Куда угодно.
Без разницы. Кто как привык.
От фонаря, сиречь: свободно –

куда глаза глядят, а взор
в башку передает виденье...
Свобода воли, впрочем, вздор;
есть лишь *свободное паденье*.

Ну надо ж! – эдакий цинизм
профессорский: назвать свободой
движенье камня сверху вниз
или Муму из лодки в воду.

Пустырь спускается к реке...
Коль цели нет, то нет и воли.
Мы все – Муму. На поводке
у времени. Гуляй, доколе

беда, невзгода, дьявол, Бог,
рок, случай, травма бытовая

не остановят; у дорог
конца, обычно, не бывает.

Прогулка затянулась. Вот
бледнеет ночь, впадая в кому.
Дезавуируя уход,
я поворачиваю к дому.

(*Так мы блуждаем век подряд,
явленья путая с вещами:
тот быт, в котором мир погряз,
бездытности не возмещает;*

*но не порвать постылых уз,
но никуда из них не деться...
оставь надежду, став на путь,
ведущий к старости из детства*).

Из тупика, из пустыря,
из всех прогулок без отрады –
 тот, кто вернулся, – это я?
Но зеркало не скажет правды.

6. возвращение с прогулки

30

Год без надежды на лучшее.
Праздно прогулянный год.
Что ни прогулка, то, в сущности,
несовершенный уход.

Эта прогулка окончится
так же: возвратом домой,

в пыльный покой одиночества,
скучно обжитого мной.

Все здесь привычно, – измерено
так, что не надо огня:
малость пространства и времени, –
та, что вмещает меня.

Книги, что все еще дороги.
Кресло поближе к окну.
Призраки, тени и шорохи
делят со мной тишину.

В окнах свершает движение
ночи холодный кристалл.
Вот на стекле отражение...
Боже! какой же я стал:

хмурый и чуточку сбрендивший,
в некоем смысле – *чужой*.
И никого в собеседниках.
И ничего за душой.

Явится – и не задержится
(стоит лишь веки свести)
образ таинственной женщины.
Кто ты? Не помню. Прости.

Копится тяжесть под веками,
и запустенье в дому.
Надо уйти бы – да некуда.
Некуда. Поздно. К чему...

7 . п р о м е н а д
иронический пафаграз к циклу “Прогулки”

Кто знает, как устроен мир?
Есть мнение, что жизнь – дорога.
По ходу странствия земного
я потерял ориентир.

В итоге оказавшись над
бореньем долга и природы,
реализую дар свободы
и совершаю променад.

На счастье или на беду
брedu без вести и без цели,
как все хотели, но не смели;
и я не смел, а вот – иду.

Иду вразвалку, не спеша,
забыв о доблести, о славе.
Забыть о долге тоже вправе,
коль неприкаяна душа.

Свою никчемность не тая,
гуляй, душа, коль выпал случай, –
блуди, покуда не прискучат
все впечатленья бытия.

Покуда свет в глазах моих,
все, что увижу, то привечу.
Какая женщина навстречу!
Вот та. И эта... Сколько их!

Нет, я страстями не горю:
живу с прохладцей, как попроще.
А коли кто огня попросит –
уж извините... не курю.

И не сочувствую. Увы.
Мир безразличен и случаен,
поскольку полны мелочами
пространство, время, я и вы.

Все, что вмещает интеллект
(вернее, что он не вмещает,
явленья путая с вещами), –
случайный след напрасных лет.

Так что ж – бежать, разинув пасть,
за сворой ошалелых шавок,
чей вид смешон, а жребий жалок...
Идите к богу! Бог подаст...

Нет, жизнь – базар. И любо мне
слоняться где и как попало, –
застрять у книжного развала,
поговорить о старине.

Вот сквер, а там ларек торчит,
где можно съесть неторопливо
сосиску, сыр – и выпить пива...
холодное! и чуть горчит...

Гуляка праздный вне суда.
Заблудшие не имут фальши.
Вздремнув на травке, двину дальше.
Какая разница – куда.

Куда глаза глядят. Без вех.
Надежных нет – ну и не надо.
В неспешном темпе променада,
глядишь – и скоротаю век.

о странствующих и странных

Стежки-дорожки.
Елки да палки.
И бересклет.
Свету в окошке...
Куры да галки.
Конский скелет.

Пусто и грустно.
Тени в тумане.
Долгие дни.
От захолустья
до глухомани
лиха одни.

Настежь дорога
по бездорожью
ныне и днесь.

Гость у порога.
Кто ты, прохожий?
Бог тебя весть...

Беглый иль леший?
Ладно, не веришь –
ну и не верь.
В душу не влезешь,
далъ не промеришь...
Вот тебе дверь.

Хлеб вот и брага.
Скудно и просто –
да ни за грош.
Там, за оврагом,
первая росстань –
и куда хошь.

Странствуй свободно.
Это ль не доля?
Это ль не рай?
Будь кем угодно.
Если не болен –
не помирай.

Кто ты – неважно.
Ныне напрасны
разум и страсть.
В этом пейзаже
не потеряться, –
только пропасть.

Ныне в России
вера не в радость,
служба не впрок.
Если не в силе,
если не в правде –
где ж тогда Бог?

Может быть, бродит
с разною рванью,
спит в лопухах...
Бог наш в свободе
от притязанья
быть без греха.

Вера не в прибыль
тем, кто для неба
землю забыл.

Где бы ты ни был,
кем бы ты не был –
благо, что был.

Воля поманит,
и потянусь я
через года
от глухомани
до захолустья
и в никуда.

русский путь

Ветлы кривые, ветры косые...
Все – безвозвратность, все – бездорожье.
Быть человеком – значит в России
быть фаталистом. Все в воле Божьей

в этой земле, не в подобие прочим, –
самой последней, горькой и лучшей:
смерть – на миру, бытие – в одиночку,
горе – по плану, счастье – на случай.

36

Все, чему должно, то и случится.
Сколько ни веку – не много, не мало.
А на душе безнадежно, но чисто:
хлеба б хватило, да силы б достало...

Требовать свыше – дьявола тешить,
зрячным хотеньем судьбу искушая.

Чудо и юдо, небыль и нежить –
все уживется, – Россия большая...

Ладно. Ужо перебьемся до лета, –
жалок сей жребий или велик ли.
Выбор-то есть: от креста до кастета.
Рады бы в рай... да и здесь попривыкли.

Путь наш запутан и нескончаем,
без перспективы, без оберега.
Но на губах, истомленных молчаньем,
благословение первого снега.

из россии, с любовью

Люблю отчизну я...

Михаил Лермонтов

Мой край, Россия... В проруби звезды.
Загадочна душа, да образ страшен
напрасного и праздного труда.
Что, не красна? А в гроб кладут не краше.

Века в порочных грезах о святом
алкала бытия, чураясь быта.
Русь босиком исхожена Христом
и сапогом Антихриста избита.

Не сомневаясь в пользе мер и кар,
власть примеряла невиновных к винам;
и Дух святой мешался с духом винным
в один национальный перегар.

Мой бедный край, где властвует тунгус,
доныне дикий, в дикости упорный –

как царь, как комиссар, как жлоб, как гнус...
Здесь памятник – ему! Нерукотворный,

поскольку труд и плод теряют связь.
Слезам не веря, не жалея пота,
на кой-то хрен осушены болота, –
но твердь ползет, проваливаясь в грязь.

У мертвых рек гнилые берега.
Поля злым ветрам отданы на милость.
Повсюду запустенье. И снега.
(Хотя сей год снегов не уродилось).

Родная почва выродилась в грунт,
пока мы пред Европою форсили
любовью к Родине, – зане любовь в России –
не приведи Господь! – уж лучше бунт.

Здесь злоба с болью сходятся в упор.
Здесь у з/к наколоты погоны.
Здесь бабу с возу – весь мужицкий гонор –
кнутом кобылу, и под косогор...

эх, *пропадай!* Не пропадешь в раю:
отыщут, как иголку среди стога...
Но выхожу один я на дорогу,
не удержав равнение в строю.

Здесь чтут Толстого: тезис *не убий*
в законе держат... но блюдут не строго.
Здесь сквернословят в душу, в мать и в бога
так вдохновенно, словно от любви.

Свирепой скоморошине под стать
лихой разгул и пьяная кручинा;
на праведных похабные личины;
днем с фонарем добычу ищет тать.

А ночь долгая. Гори, моя лучина!
Знать, при тебе всю вечность коротать...
В реальности, утратившей причину,
нет смысла жить, нет силы умирать.

Над храмом без креста вороний грай.
Страна тяжелым роком тешит беса.
Мой край, Россия! Ты граничишь с бездной –
и мы переступаем через край.

триптих о чаше

1.

Цикута выпита. До дна. Пустая чаша
прокатится по камню мимо ног
собравшихся вокруг друзей Сократа.
Он говорит им (прерываясь чаще,
но сохраняя безупречный слог),
что от него положена награда

(за то, что исцеляется от жизни)
Асклепию: он должен петуха,
и перепоручает долг Критону.
– Да, да, – Критон смущен: – Но ты скажи мне...
и сглатывает: что за чепуха?!

ирония, невместная по тону

в трагедию. Аполлодор рыдает.
Сократ умолк. Античности конец!
Напрасно судьи мудрость не простили
философи. Афины их трудами
хиреют. Потерявшийся птенец
порхает в потрясенном перистиле...

Представим в виде символа посуду,
вокруг которой обвилась змея;
что мудрость? – мед, впитавший силу яда:
мед исцеляет тело от простуды,
цикута – от ошибки бытия.
Но исцеленье не дает отрады.

2.

Пред тем, как стражи взяли и связали,
Христос молился. Голову склоня,
Христос, надломлен предстоящим горем,
просил Отца небесного: – *Нельзя ли,*
чтоб эта чаша минула меня?!
В Его молитве чувствовалась горечь.

Он стал искать опору. Не в Петре ли?
– *Ты здесь ли, Петр? Иаков, Иоанн!*
Приидите и бодрствуйте со мною;
сей час Моя душа скорбит смертельно...
Они ж (писал Матфей, что не был зван)
заснули от печали. Кто ж виною,

что в час, претерпеваемый однажды,
Сын Божий был так одинок и слаб,
познав тоску и муку человечью?

Потом, с креста, он жаловался: *жажду!* –
и губку протянул усердный раб,
пропитанную уксусом и желчью.

Но ни одна из версий протокола
не сохранила шепота: – *Я пью*
за то, чтоб искупить прифоду вашу...
Ему пронзили ребра. Из прокола
вода и кровь сбегали по копью
в заботливо подставленную чашу.

3.

Мне в зеркалах видны чужие лица.
Через стекло окна взгляну во тьму
и отвернусь в тоске, не взвидев свету;
решась метафизически напиться,
пустую чашу со стола возьму...
Откупорить, по добруму совету,

бутылку водки и забыться... или
перечитать, что сохранил Матфей?
что выдумал Платон, плодя идеи?
Что толку! только горстка книжной пыли
осядет в забубенной голове –
ни эллина нам нет, ни иудея, –

как нет ни благодати, ни закона;
вот и не жаль ни мира, ни себя.
Поскольку век насыщен миражами,
являет откровение икона:
три ангела задумчиво сидят
вокруг чаши – на троих соображают.

Никто не платит жизнью за надежду,
и чаша причащения пуста.
Мне кажется, что время нашей эры –
лишь пустота между потом и прежде.
Не з纳вшим ни Сократа, ни Христа,
нам не дано ни мудрости, ни веры.

ТРАУРНЫЙ ТРИПТИХ

1. памяти отца

Дверь неприкрыта в доме.
Возле стены венок.
Мамины слезы – вдовы:
– *Ты опоздал, сынок...*

Что мне ответить маме?
Что она говорит!!
Рядом, в холодной спальне,
свечка всю ночь горит.

Тихое, тихое тело
(вечный порез на щеке...) –
так, как мама хотела, –
в форменном пиджаке.

Звезды в оконной раме.
Свет Рождества окрест.
И на Введенском храме
снегом украшен крест.

Тени скользят над бездной.
Времени нет конца.
Спит городок уездный,
где больше нет отца.

2. памяти иосифа бродского

Кто познал цену слова,
 тот заплатит ее, не ропща.
Совершенного вида глагол
 не подвержен превратностям встречи.
Если точка в конце предложения
 в написании значит: *прощай*,
только таинство чтенья
 совершит воскрешение речи.

Вознесение слова есть чудо.
 А за Господом не пропадет.
Ибо кто, как не Он, повелел
 не числу быть, а слову в начале.
Мимо храмов, базаров и кладбищ
 пилигрима язык доведет...
Оправданье поэта –
 дар хожденья по водам молчанья.

3. памяти виктории василевской

Проползает поземка у входа,
 и на свежем снегу – ни следа...
 В феврале високосного года
 в мире холодно, как никогда.

День грядет, и разделит нас гранью,
 за которой ни дат нет, ни вех.
 И тепла, и любви, и дыханья
 на земле не хватает на всех.

Будет срок – и свой дом мы покинем,
чтобы встретиться ... где-нибудь – там.
Одевается кладбище в иней, –
будто свет примерзает к крестам.

Догорит пред иконой свеча ли,
розы белые лягут к кресту –
не растаявший иней печали
обрамляет в душе пустоту.

м у з ы к а

Когда нет правды меж людей,
когда нет пользы от ученья;
когда любая из идей
теряет прежнее значение;

когда рассудок из голов
как будто тихой сапой смылся,
и развелось так много слов
что многим не хватает смысла, –

осталась музыка! – залог
того, что чудо выше правил;
того, что не оставил Бог
нас, горемычных, – не оставил!

В ней голос свыше льнет к ушам,
как вызов нам и зов из рая...
Слезами отойдет душа,
осадок горький растворяя, –

легка, печальна и чиста
и к небу музыкой влекома,
даст обновление чертам
уставшим, стершимся, знакомым, –

и окрыленный силуэт
проявится в раскрытой двери,
и явится фаворский свет
в ажурных витражах деревьев...

Нам заповедан путь наверх
по заколдованныму звуку.
Все, разлученные навек,
вернутся в музыке друг к другу.

Когда ж настанет судный час
векам, беспечным и печальным, –
предстанет музыка за нас...

Но выше музыки – молчанье.

ж е н щ и н ы в о к т я б р е

В кругу горизонта, как в чаше весов,
ожваченный кризисом веры,
мир пуст и протяжен. По кромке лесов
шатаются шалые ветры.

45

На пашне густеет лиловая мгла,
в ложбинах тумана длинноты,
и первая изморозь пала в луга
покровом ажурной работы.

Линяет берез золотое руно:
вот-вот обнажится основа.
Но все, что вокруг, по значению равно
чему-то вне круга земного.

Октябрь беспощаден, как бунт голытьбы.
Вот сходятся ветры на вече...
А женщины ждут и страшатся судьбы,
и вяжут из шерсти овечьей.

В С К О Л Ь З Ъ

Я за тебя молюсь
с ревностью иноверца.
Жалость вползает в сердце,
как холодный моллюск, –
освобождая боль
через митральный клапан.

Если б я мог – заплакал.
Не о тебе – с тобой.

Вот ты, слизнув слезу,
улыбаешься – мимо,
в небо, где клочья дыма
и облака ползут.
Дождь, пройдя над жнивьем,
ниспадает на рощу...

Как мы живем! На ощупь.
Боже, как мы живем!

под знаком скорпиона

На исходе полудня
тень крадется к душе.
Нас никто не полюбит.
Не успеет уже.

Будет некому плакать.
Будет не за что клясть.
Радость жизни по капле
мимо нас растеклась.

Ах, как хочется – залпом!
И об стенку стакан...
Только солнце – на запад.
Только сердце – в закат.

Тьма еще не кромешна,
только день от дня
в этом мире все меньше
и все меньше меня.

Оттого нелюдимы
поле, роща, река
и плавущие мимо
облака...
облака...

л е т е й с к и й с н е г

Пришла зима, имея бледный вид...
Год из судьбы – как будто бабу с возу.
Я выдохнул вслед осенний спирт,
взамен на трезвость первого мороза.

Я вышел вон. Из власти темноты
мир проявлялся робко. Осторожно
ступали в снег бродячие коты,
принюхиваясь нервно и тревожно.

Рябина тлела, и снегирь алея.
Мне грудь на вдохе острый холод полнил.
Я помнил, что о чем-то сожалел,
а вот о чем – уже почти не помнил.

У погруженных в воды Леты тел
теряется сознание границы.
Я шел и шел, а снег летел, летел, –
листая жизнь на чистую страницу.

Я был свободен. Прошлое не жгло,
распавшись на прекрасные мгновенья.
Я шел куда-то... время следом шло,
и снег летел – летейский снег забвенья.

событие снега

Трудно поверить в драму,
где автор и персонаж
совмещены событием.
Например, событием снега,
падающего в декабрь...
нет: снисходящего с неба
в память,
в стихотворение,
в этот холодный пассаж.

Сказать о себе не должно
можно только как об ином.
(Я заключаю в скобки
себя как автора текста).

Выюжит.
И в этом нечто,
схожее с мистикойекса:
соединенье в пространстве
тел, заселенных сном.

Тихий,
как пьяный ангел,
город проходит
сквозь снег.

Красный зрак светофора
гипнотизирует автомобили.

Но кто остановит время,
которое мы любили?

Скоро кончится век...

Персонаж ловит снег в ладони –
как будто озноб в горсти
ему прибавляет реальности:
я был, я есть и я буду.

Здесь зарождается нежность,
подобная скрытому чуду:
нет ничего безнадежного,
все еще можно спасти!

В тесном пространстве текста
всегда возможен возврат
туда, где мерцает смысл,
где строка стекает в отточие...

На перемену сюжета
персонажу не хватит мочи.
(*Как и автору, впрочем;*
автор не автором).
Персонаж погружен в событие,
завершенное в языке,
где исполнен иного значенья
процесс выпаденья осадков.
– *Тебе холодно, милая?*
– *Нет, мне тревожно и сладко...*
(Скоро кончится век,
скоро кончится...
бьется в виске).

Что ж, сюжет обозначился.
Двое идут в декабре,
раздвигая метель,
проходя под *нельзя* светофора.
Снег летит, словно время.
Они понимают, что скоро,
скоро кончится век –
вот уже декаданс на дворе.

В этом искусственном мифе
взгляд исчезает из глаз;
содержанье меняет форму;
ускользают из очертаний
артефакты, факты и люди.
Век, как незримый “Титаник”,
тонет в бездонной вечности.
С нами или без нас?

Этой строкой прокатится
твой трамвай номер три.
Ты – внутри, утомленная
временем, снегом, стихами.
На подмерзшем стекле
осаждается наше дыханье...
Напиши мое имя;
напиши – и тихонько сотри.

Нет разрешенных вопросов.
Нет запрещенных тем.
Наше время исчерпано.
Кончено странствие наше.
Автор вписался в тему,
ощущив себя персонажем
в тексте, написанном кем-то:
Богом или Никем.
В дискурсе постмодерна
эта мысль далеко не нова.
Зеркала отражают маски;
я себя среди них не узнаю.
Осаждаются в долгой памяти
незнакомые воспоминанья,
мимо последней строчки
летят
иные
слова ...

СТИХИ ИЗ СТАРЫХ ТЕТРАДЕЙ

1. волк

ОРЕСТ: Я сам – свобода!

Жан Поль Сартр «Мухи»

Не покорствуя моде,
не петляя следа,
к небывалой свободе
я стремился всегда.
Не герой и не гений
(чего нет – того нет), –
но впечатан мне в гены
вольный волчий билет.
Кто не куплен на корме,
тем неволя не долг;
я не в своре! я – кроме:
не собака, а волк!

Обдираясь о грани
безграничного зла,
я зализывал раны –
зато рук не лизал.
Выл на лунные чары,
надрывая кишки;
драл овец из отары,
заходил за флагшки...

Стерты зубы о годы.
Зов природы ослаб.
Я добился свободы –
и теперь ее раб.

Ни на что не пригоден,
ни при ком, не причем:
окаянной свободе
обручен – обречен.
Но и в ауре мрака
голос крови не смолк:
все же я не собака,
не собака... Я – волк!

2. с о л д а т с к а я п е с н я

Отшумели песни нашего полка...
Булат Окуджава

Кто знает, что нам уготовано, –
над кем из нас ворон кружит?
Над полем, засеянным мертвыми,
слепые проходят дожди.

Ну кто ж за солдата поручится?!

С убитых не взыщешь долгов.
На белый мундир подпоручика
дождинки ложились легко.

Мы шли, словно дождики, весело, –
теряли в строю интервал.
А нас через рамку прицельную
внимательный глаз выбирал.

Повзводно с нас прошлое снимется,
все разом – хвала и навет.
Земля в теплоту свою примет нас,
как мать – всех сравнявши навек.

3. линия судьбы

Срываю вереск. Осень мертвa.
Гийом Аполлинер

Я так давно уже не верю
ни в стихотворство, ни в вино,
но ощущаю как потерю
все то, что мне не суждено.

В самом себе до дна изверяясь,
вверяю душу миражу;
я вновь и вновь срываю вереск
и мертвой осенью дышу.

Уйти б от горя, след кровавя,
укрыться в дебри... Если бы
еще раз вывезла кривая
в ладони линия судьбы!

4. гусарская песня

Где друзья минувших лет?
Где гусары коренные?
Денис Давыдов

Заржавлены в ножнах клинки из Толедо,
и тянет сквозняк из далеких столетий, –
а те, кто запретного жаждал отведать,
на зов и на вызов уже не ответят.

Увязла атака копытами в пашне,
и падали навзничь товарищи наши...
Трава прорастает по следу пропавших,
и ветер последнего слова не скажет.

Мы юность прожgli в упоенье угара.
Последнее солнце уже за горами.
В вечерних полях пропадают гусары, –
как в пуншевом пламени синем сгорают.

А сумерки все холодней и лиловей.
Все кончено... Все начинается снова!
И те, кто запретной отведали воли,
еще не сказали последнего слова.

5. осень античности

Умер Великий Пан.
Сообщение кормчего
из Пелопоннеса

Седая осень. Рощи опустели.
Мгла на земле, и сердцу нет защиты.
Пан умер. Тело Пана разыщите.
Пока слетелься грифы не успели.
Теперь и нам осталось сроку мало.
Неверный ветер панику разносит.
Пан умер. Умер. Панихидой осень.
Земля промерзла, и листва опала.

з и я н и е

I

Время в Риме проходит
много иначе, чем...
Гордая кариатида
подпирает провал плечом.

Голубь Венеры, нагадив
у нее на плече,
что-то клюет в подножии:
бьет перед ней челом.

В Риме время стекает
с кровью в стоки арен
или с дерьмом в клоаку.
Тут всех дорог конец.
Небо над Вечным Городом –
блеклая акварель.
Все остальное графика –
сепия или свинец.

Или скульптура – пустоты
с мрамором изнутри.
Все вокруг симулякры,
попросту – муляжи.
Даже, представьте, храмы.
Храмы, чьи алтари
отмечают зияние:
место, где надлежит

быть эпифаний (...). Боги
не желают являть
ни благодати, ни гнева.
Пусто. И пусть жрецы
миф адаптируют к миру –
моралите не в лад.
(Разве что вышние пакости
взяты за образцы).

И человек – зияние.
Симулякр. Пустота,

в которой блуждают токи
напряжения меж
существованьем и сущностью;
меж довольством скота
и недовольством ангела
(падшего). Здесь рубеж

Зла и Добра. Когда бы
не аллергия на
аллегории, можно
сравнивать модус свой
с полостью в плоти пространства,
в которую времена
отложились как мусор, –
то есть культурный слой.

Тайна Рима в зиянии,
явленном как ореол.
Всяк здесь, подобно атланту,
держит свой потолок.
И если не каждому печень
раздирает орел,
голубь уж точно каждому
напакостил, сколько смог.

II

Время в Риме проходит
по распорядку дня
невыносимо медленно –
словно сочится сквозь
окаменелость духа
(то есть через меня)
в трещинку мироздания,
где я торчу как гвоздь,

поржавевший и скрюченный –
от любовной тоски.

Клодия, Клодия, Клодия...

Ты как лунный удар.
Я не могу исцелиться.

Мне – поверишь! – мерзки
стали места забвения:
форум и лупанар.

Ты не простушка, милая,
хоть в структуре проста, –
неуязвима для времени
вольным покорством судьбе.

О, моя беспечальная!

Клодия, ты – пустота,
в которую я запрятал
свою печаль о тебе.

Я не могу исцелиться,
то есть стать целым вновь.

Мне тебя не хватает,
и больно от пустоты.
Хочешь, поведаю, Клодия,
что такое любовь?

Это зияние в сердце.
Меня восполняешь ты.

То, что собой заполнено,
не проникает дух.

То, что опустошается,
обречено тоске.

Клодия, мы с тобою –
это *одно из двух*.

Боль от любви блаженней,
чем изощренный секс.

Я тебя помню телом...
твой предутренний пот,
тяжесть грудей и легкость
выдоха: ты есть я.
При воссоединении
разнополых пустот
наполняется сущностью
формула бытия.

Дом для жилья пригоден
лишь потому, что пуст.
Ни смертному, ни бессмертному
не обжить пирамид.
Клодия, жизнь замыкается
в пустоте твоих уст:
дух, дуновенье, дыхание...
Остановленный миг.

III

Время в Риме проходит
так же, как и везде.
Все проходит! – печалился
иудейский пророк.
След человека пишется
вилями на воде.
Духом, как и дыханием,
не запасешься впрок.

И ни любовь, ни мудрость
не прибавляют нам
прочности в онтологии.
Мы – пустоты в пустом.

Смерть дана как зияние:
 промельк мгновенный над
черным пламенем бездны –
 и ничего потом...

Что собой представляет
 погребальный обряд –
перформанс? тщету искусства
 спрятать прореху под
пеленою значения?
 Ритуал, обойдя
сопротивленье сознания,
 предрешает исход.

Кто поверил в конечность,
 сделал неверный шаг,
ибо для атеиста
 неодолим гипноз
полого симулякра –
 все равно, саркофаг
или тесовый ящик
 с флером бумажных роз.

В мысли дана отсрочка:
 перетекая в мысль,
мы сохраняем сущность...
 но где существуем мы?
Прах возвратится в землю,
 а дыхание ввысь;
что касается духа...
 дух касается тьмы.

В вере дана надежда:
 страх, поменявший знак,
дразнит виденьем рая –
 нечто из ничего

где-то среди нигде...
Боги, хотя бы так!
Или как-нибудь. Только
не потерять бы всего.

Что меня держит в мире?
Сотня прекрасных строк,
вкус поцелуя Клодии,
апория о стреле,
шелест дождя по крыше...
Жаль, не дается впрок
трепетное сияние:
счастье быть на земле.

в е к п р о с в е щ е н ь я ,
о н ы й ж е г а л а н т н ы й

*Глядя, как дружно идет человечество
по пути философии наслаждения,
я радуюсь, что маркиз де Сад
не устает и в XXI веке.*

Виктор Ерофеев

Поцелуй утомляет бесцельностью.
Скучно. Пресно. Усталость уст.
Импотент-маркиз услаждает плоть,
обихаживая плетью дам.
Для него так болезненна радость,
а для них так полезна грусть.
Звезды тонут в озере парка,
но ничуть не теплеет вода.

Вот звезда залетела в мансарду:
стол пробив, на полу горит,
огорчая педанта-ученого, –
ему жаль стола и ковра,

но обиднее, что суеверие,
именуемое *метеорит*,
опровергло запрет Академии:
*ergo*¹⁾, где-то в системе дыра...

Облачившись в рваную мантию,
литератор бредет в бордель,
где убийца в подвязках розовых
гладит кошку и пьет бордо,
а кюре, знатока разврата,
тонко радует выбор дев:
что пикантней – слепая дурочка
или женщина с бородой?

Богослов донес на философа,
утверждавшего: времени нет;
бытие есть процесс дискретного
перехода фактора в факт.
Экзекутор куда охотнее
почитал бы скабрезный памфлет.
Не вникая в то, что написано,
подшивает и прячет в шкаф.

На шкафу медный бюст Вольтера
и младенец-урод под стеклом;
сочетанье, конечно, странное;
*voila*²⁾, но таков уж век:
и бретер, продырявив вам печень,
не забудет отдать поклон,
постулируя в жесте мнение,
будто стиль и есть человек.

Классицизм уравнял в значении
ясность мысли и тьму страстей.

¹⁾ ergo – следовательно (лат.)

²⁾ voila – что поделаешь (фр.)

Отвергая модальность *должен*,
век стравил *могу и хочу*.
В парке гости грустят под Генделя.
Из травы кричит коростель.
На конюшне маркиза с конюхом...
арапчонок держит свечу.

Так изысканны мода и музыка!
Так отменны стихи и супы!
Выходя за пределы *spectrum'a*¹⁾,
разлагается высший свет.
А народ прибывает в невежестве
до критической массы толпы.
А закон пребывает в ничтожестве,
потому что закон – не Завет.

Дух эпохи, отравленный скепсисом,
предпочел персону лицу.
Сочетая механику с мистикой,
умирал, как и жил, – легко.
Этот век чарует беспечностью, –
той, с которой он шел к концу
столбовой дорогой истории –
словно призрак Манон Леско.

конец философического путешествия

Я не знаю ни слова,
что б не было тронутого фальшью.
Я не знаю пути,
что б не путал все дальше и дальше –
ведь конец путешествий
не цель, а усталость и срок.

¹⁾ spectrum – совокупность значений (лат.)

Чем вы клялись в сердцах?
Все обеты судьба развязала.
Верх равняет к нулю
деловая нервозность вокзала, –
о, козлы отпущеня!
калики проезжих дорог!

На перроне темно,
в переходе невзрачно и сырое.
Ветер странствий стихает
в подземной пещере сортира, –
словно в этот тупик
своят странников все поезда.
В туалете зловонье и дым,
и по стенкам граффити:
зарифмованный мат
и скабрезный рисунок: две тити, –
и подписано имя
(наверное, порнозвезды).

Дым отечества... Сладок ли?
В легких бензиновый выхлоп.
Над массивною дверью
красиво написано: *выход*,
но на ручке подвешено криво
циничное: выхода нет.
И с такой же кривой и циничной
ухмылкой вполпьяна
бомж, прижившийся здесь,
на приезжих взирает с дивана,
а за ним надзирает вполглаза
молоденький мент.

*Я вернулся в мой город, знакомый... –
Старуха со шваброй
Я вернулся в мой город... –
мне под ноги тряпкою шваркнет.
Я вернулся.... Вернулся.
Вытри обувь. Ты дома. Ты рад?
Руки поднял к лицу,
подышал на озябшие пальцы.
Рад? Не знаю, не знаю...
Обрадуюсь, все может статься.
Я взглянул в свое сердце,
а в сердце сквозная дыра.*

*Я взглянул сквозь дыру
в направлении к прошлому. Пусто.
Только ретроспектива
с утраченным временем Пруста,
где предметна безмерность,
где мерой случайный предмет.
О, неточность мгновений,
мгновенные точки пунктира!
Что навязло в глазах
в обозримой кунсткамере мира? –
не срастание смыслов,
а лишь нарастанье примет.*

*Ладно. Я возвратился.
Толпа раздраженных скитальцев,
матерясь и пихаясь,
спешит из проточного зальца
на вокзальную площадь,
на форум залетных ветров.*

кто хватает такси,
 кто к автобусу тяжести тащит.
Я – пешком. Весь пропахший чужбиной,
 а все ж не пропащий,
не забывший дорогу домой,
 под покинутый кров.

Я вернулся тайком,
 как агент, проваливший заданье;
я не смог разомкнуть
 заколдованный круг мирозданья.
Квадратурою круга
 на картах пути бытия.
Если крикнуть *прощай*,
 с горизонта аукнется *здравствуй*.
В парусах Одиссея
 ветер скептика Екклесиаста,
что всегда, покружив,
 возвратится на круги своя.

Блудным сыном вхожу
 в обворованный осенью город.
Листья жгут... Вот, огонь развели –
 а телец не заколот.
Дым отечества лезет в глаза
 и слезит их, слепя.
Ветер в рваных карманах.
 Лицо прорисовано грустью.
Вот и сказке конец.
 Я-дурак по оси обернулся,
превратившись... во что?
 Может быть, наконец-то в себя.

Я у дома. Обшарпан подъезд,
и ступеньки оббиты.
Все же главное – центр,
а не дальние точки орбиты.
Путешествия, птиц перелеты,
миграции стад –
все земные дороги
подобны порочному кругу.
Я стучусь в свою дверь,
и во мне повернулись друг к другу
тот, кто жаждал уехать,
и тот, кто вернулся назад.

ПОВТОРЕНИЕ ПРОЙДЕННОГО

СТИХИ ПОД ВОПРОСОМ

В здимой тьме бытия
выбор пути не прост.
Верю ли в Бога я? –
это не тот вопрос.

В медленном тлене лет
вплоть до последнего дня
мне не найти ответ –
верит ли Бог в меня?

ВИДЕНИЕ ТЬМЫ

Эта ночь... чернотой напиталась вода;
звездным пеплом над миром пыля,
тьма проходит повсюду, накрыв города,
и леса, и поля...

Эта ночь... дальше носа не видно ни зги,
будто взгляд завязался узлом;
будто черт проверяет на страх и на сгиб,
а быть может – на слом.

Вдох задержится в горле, а вздох на губе;
этую тьму не откроет *сезам*.
Человек пролагает маршруты в себе
по следам; по слезам

не рожденных детей и отверженных жен...
Упадая в ладонь головой,
человек потрясен, устрашен, поражен –
тьма объяла его.

Он хотел бы надеждою страх превозмочь
и поверить, что невдалеке
кто-то движется встречь через долгую ночь
со свечою в руке.

п е й з а ж с п р о х о ж и м

К вечеру похолодало.

Перед пролитием вод
тучи по небу мотало
и провисал небосвод.

Осень! Досада и жалость...
Ветер впадает в кураж...
Все полиняло и сжалось
в неприхотливый пейзаж,
полупустынный к тому же;
только подвыпивший муж
бодро шагает по лужам,
будто и нет этих луж.

69

Осень в артериях бьется,
ветер гуляет в груди, –
горе веревочкой вьется...

Камо грядеши – гряди.

н е п о г о д а

Анне

1.

Непогоже... Наложено вето
на явление света: качается
мокрый мрак, размывающий качества
и границы предметов.

Непохоже на лето. Однако,
это просто вопрос настроения.
Мокредь нравится сорным растениям
и губительна злакам.

Дождь. И денно, и нощно. Негоже;
столько сырости – право, излишество.
Масса вымокших листьев колышется
вдоль ветров... Непогоже.

2.

Оскользаясь по глинистым лужам,
оступаясь по краю дорожному, –
словно два персонажа из прошлого,
идут странные мужи.

Одежонка плоха, и не греет.
Знать по виду – не здешние жители.
Ликом схож с Николаем-святителем
тот, который старее.

Им вослед даже пес не пролает.
Старичок то вздохнет, сбившись с поступи,
то чихнет и шепнет: – *Прости, Господи...*
– *Будь здоров, Николае...*

3.

Непогоже. Разверстые хляби.
И ни полем, ни торными трактами
не пройти – не проехать без трактора
ни за водкой, ни к бабе.

Бездорожье расхожестью грязи
беспросветности дня уподоблено;
зря взрывает бразды по колдобинам
заблудившийся “газик”.

Непогода как форма напасти.
Чем-то мы небесам не потрафили...
А шофер поминает по матери
предержащие власти.

4.

Этот вид из окна на дорогу
угнетает однообразием;
дух, как голубь, витает над грязями...
Муза! сделай-ка грому.

Помолчи. Пусть колеблются свечи, –
круг домашности в округе дикости;
так, за гротом и томиком Диккенса
коротается вечер

в полуодреме под вытертым пледом...
Пусть во тьме за окном бесы тешатся, –
здесь возможно достичь безмятежности
незадавшимся летом.

история любви на фоне истории

1.

Русская надрывная отрада –
ворошить забытое в золе ...
Домик в пять окошек по фасаду
на Введенской улице в Орле.

Пошлый скучный рай начала века.
Все тут на слуху и на виду.
Встретились два юных человека
на гулянье в городском саду.

О, пора студенческих вакаций!
Предвечерний сладостный дурман...
Здесь, под белым маревом акаций,
заязался призрачный роман.

Что она? Кокетством не владея
и игры сердечной не верша –
гимназистка, грэза, орхидея –
хороша лишь тем, что хороша.

Он ей объяснился. Без успеха.
Ерничал, но был уж сам не свой.
Флирт, провинциальная утеха,
стал началом страсти роковой.

Возле пыльных зарослей сирени,
не сдержав смятения души,
умолял, упавши на колени, –
устрашил... но больше насмешил.

И тогда, пресытившись печалью,
сломленный растерянный и злой
он поцеловал ее перчатку,
встал с колен и скрылся с глаз долой.

Бросил курс. Родные не простили.
Резок стал и резв не по летам.
Год иль два скитался по России,
по ее притонам и скитам.

Декаданс как опиум курился
в навьих чарах века и вина.
Он бы спился или застрелился,
если б не германская война.

Уж она доучит и проучит, –
да не даром... Жив еще пока
пороха понюхавший поручик
N-ского пехотного полка.

К жатве смерти привыкают просто.
Та привычка – общая вина.
Раскололся век, и в эту пропасть
рухнула великая страна.

И не стало родины и дома...
А судьба по лезвию вела
от чумного Питера до Дона
и потом, с боями, до Орла.

2.

Город взят был с ходу, и с угаром
он смотрел с неясною тоской,

как, кичась, ахтырские гусары
гарцевали вдоль по Болховской.

После церемонии парада
под оркестр, фальшивящий в надрыв,
на тропинке городского сада
свел их ностальгический порыв.

Так они друг друга повстречали,
разрывая рока круговерть:
женщина, познавшая печали,
и мужчина, повидавший смерть.

По слободкам пулеметы били,
комья глины били о гробы...
Боже правый, как они любили!
Будто бы спасались от судьбы.

Веры нет, и нервы на пределе.
Красный контрудар неодолим.
Лишь одна неполнная неделя
случаем дана для счастья им.

Осень девятнадцатого года.
Под свинцовый ветер октября
над путями русского народа
полыхала красная заря.

Отшла эпоха роковая,
нам оставив мертвые слова.
Кажется, он умер в Парагвае.
Кажется, она еще жива.

Ох, тяжел в России жребий женский!
Станет вспоминать – в глазах темно.
И тогда на улице Введенской
заполночь горит ее окно.

Уж кому какая вышла доля.
Кончено! и что ж теперь пенять...
Все мы в божьем мире в божьей воле.
Господи! ну как Тебя понять?!

день чудесный

Мороз и солнце...

Александр Пушкин

Воздух наполнен веселым мерцаньем,
снежная пыль облетает ладони...
Лучшее нам не дано в обладанье,
но предоставлено для созерцанья.

Для (*продлевая*) мгновение взгляда,
воображенье находит опору
в образе: снег – совершение обряда
сияния чуда: искры как споры

звезд путеводных; удел очевидца –
быть потрясенным счастливым ознобом:
благословен божий дар удивиться
нежным пылинкам, снежным сугробам.

Вот я иду, увлеченный сугубо
странными играми – салочки? прятки? –
словно ко лбу прикасаются губы
девочки? перышки ангела? (*вряд ли...*).

В полуулыбке растерянно щерясь,
в полувесомости сущего грузно
я прохожу сквозь сияние (*чрез!*) –
то жизнерадостный, то смертегрустный –

ибо проходит сияние (*мимо!*),
и не свершается, что мы хотели...
Вот и февраль, завершающий зиму,
завтра развалится вялой метелью.

с л е з ы м а р т а

О чем ты плачешь? Что с тобой?
Давид Самойлов

Капели звон, как зов извне,
сквозь сон проходит, дух тревожа.
Ты счастлива, и все же... Все же –
о чем ты плакала во сне?

Раздернув шторы, у окна
застынешь с влажными глазами:
исходит сладкими слезами
твоя безгрешная вина.

Что счастье? – соразмерный быт.
Его избытка не оплатишь.
Есть то, что есть. Зачем ты плачешь
о том, чему не должно быть?

Расслабься, поведя плечом.
Разброд весны – удобный случай,
привычным счастием прискучив,
всплакнуть как будто ни о чем.

Причин тому в природе нет.
В саду топорщатся побеги,
и в растревоженные снеги
ложится розовый рассвет.

л у н н о с т ь

В черных кружевах ночного сада
темных мотыльков пасется стадо.

Дунул ветер, мягко и несильно.
Вздрогнул лист, и скрипнула калитка.
Невзначай украсившись росинкой,
на тропинке обмерла улитка.

Млечный Путь проходит над полями.
Заливает тихие поляны

лунность. Очарованная жаба
хочет быть царевною-лягушкой,
быть любимой... если бы да кабы
тело духу не было ловушкой!

Пахнет тиной. Веет чем-то древним.
По вершинам замерших деревьев

проплывают тени – невесомы,
словно мимолетные виденья:
может быть, недремлющие совы,
может быть, неопытные ведьмы.

Звездное мерцанье небосвода.
Всенощное таинство природы.

Шорох трав и созреванье вишен
вне метафор, формул и понятий.
Лунной ночью человек излишен...
если он, конечно, не лунатик.

з н о й

Русла улиц в сухом расплаве
светотень делит надвое,
и, обжегшийся на асфальте,
ветерок дует на воду.

Жар стоит прозрачной стеною...
Полновластного лета пленница,
сходит медленно фея зноя
вниз по лиственным лестницам.

Никнут розы с поблекшим шиком
лепестками венозными,
а завистливые пушинки
зависают над розами.

Западая на вздох боками,
но храня в мордах выдержанку, –
по газонам лежат собаки
с языками навытяжку...

ОСЕННИЙ ЦИКЛ

1. ЭСКИЗ

Лист падает, звеня...
жаль, что не слышен звон, –
и вдаль скользит змея
реки в чешуйках волн:

от проблесков воды
глаза не отвести...
но – желтые цветы
у августа в горсти.

Смеркается, – и тот,
кто ход времен творит,
уж пробует на тон
осенний колорит.

2. ДВОЙНОЙ ЭТЮД

Лес пахнет грибами и тиною;
притих: ни *ay*, ни *ку-ку*.
Паук перекрыл паутину
пустую тропу к роднику.
Сгущается мрачная аура
в осеннем лесу, – потому
машины с зажженными фарами
спешат через раннюю тьму.

* * *

Невзрачная драма старения:
в морщинке скучая слеза...
Творец на ошибки творения
уже закрывает глаза.
Намаявшись за день идеями,
душа отдохнет, уходя
по темной воде сновидения
под шорох ночного дождя.

3. осенний мотив

О, эти дни томительные, эти
цветные листья... осень, наконец!
И воздух холоден, и горек леденец
воспоминанья об ушедшем лете.

Припомнится: *Пора, мой друг, пора!*
Куда – пора? Куда-нибудь. Далече;
где первый встречный скажет:
– *Добрый вечер,* –
и впрямь желая мира и добра.

Всетише страсти,
медленней движенья.

А взгляд рассеян, в дали уходя, –
где перспектива в ретуши дождя
открыта для игры воображенья.

Что будет дале? Для чего загад, –
прими, что есть, не взыскивая строго.
– *Любезный друг, куда сия дорога?*
– *Да как любая, сударь, – на закат.*

4. листопад

О, вестник осенний! Он всюду; он там,
где ветер и небо... Он – рядом.
Плакучей березы увядший фонтан
не даст утоления взглядам.

Пусть счастья не вышло, и участь не та,
жалеть о не бывшем не надо:
смотри же, какая вокруг красота! –
последний парад листопада.

Туман растворяет пространство; луна
как ломтик лимона в отраве.
И медленно, словно проекция сна,
листва ниспадает на травы.

И облако дождиком тянется вниз,
а в сердце печаль и отрада.
Пора возвращенья на землю. О, снись
и снись мне, пора листопада!

5. повторение пройденного

Строку тропинки повторя
среди расхожего раздора,
пройдем туда, где для разбора
дана страница октября.

По следу стершихся замет
припомнить легко и просто:
не повторенье, но потворство
всем заблужденьям прошлых лет.

Невзрачен вид, и тем верней
воображенье превозносит...
но мы оставлены на осень
за нерадивость прежних дней.

Вспорхнет помарками с листа
грачей неряшливая горстка
над предложеньем перекрестка
с местоимением креста.

6. поздней осенью

Горизонт разорен;
роща потрясена:
в голых остовах крон
зыблется тишина.
Что тут судить-рядить
попусту вкривь и вкось?
лучше в тиши бродить,
лес проходя насквозь.

Что так виски болят?
Вечер в глазах рябит,
словно поранен взгляд
красной дробью рябин.
В следе сыра земля.
Жмутся к тропе кусты.
Дале – поля, поля...
до черноты пусты.

Время темным тонам.
Тихий час овладел
этой землей, что нам
осуждена в удел.

7. ноябрь

Простудою под ребра
пришла пора дремот.
Пейзаж полуразобран:
закрыто на ремонт.

Простор –
крутым,
отпетым,
отчаянным,
иным;
а нам –
дремать под пледом
и просто быть больным:

потеть, пить чай с малиной,
с натугою дышать,
скучать над книжкой длинной
и ничего не ждать.

КАМЕРНЫЙ КОНЦЕРТ

Але

1. мелодия для клавесина

Затушеваны дали дождем, и неброско
оттененный пейзаж в цвете выражен слабо;
упрощение рощ до эскиза, наброска
карандашного, словно для памяти, дабы

сохранить перспективу; способность рельефа
к постоянству – опора в осенних разлуках...

Огибая холмы, речка тянется влево,
и загадочный лес громоздится за лугом.

В том лесу, где темнеет за час до заката,
где петлистая тропка сквозь чащу продета,
ты оставила лешему брошку с агатом
и намеренно спутала стороны света.

Но у времени только одно направленье,
и не спрятать утраты в покровы приличий:
наши прежние виды затянуты ленью,
нежный ангел увяз в паутине привычек.

Но однажды, наскучив гаданьем на блюдце,
ты очнешься и скажешь: – *Мой друг, не пора ли
нам вернуться обратно? Быть может, найдутся
все пропажи, – и годы, что мы потеряли.*

2. а д а ж и о

*Мы с тобой в Адажио Вивальди
Встретимся опять.*
Анна Ахматова

Словно с неба ноты падали,
таяли, звучали...
Источали соты памяти
горький мед печали.

Эти звуки, эти образы –
узнаны едва ли –
не для нас ли были собраны
“Осенью” Вивальди?

Словно перья голубиные,
свежей кровью липки, –
льнут к рукам... не плачь, любимая, –
это соло скрипки.

Если нам достанет мужества
для иного быта –
в эту осень, в эту музыку
дверь всегда открыта.

3. рондо

Тающая луна...
Пыль на траве седа...
Ты получил сполна,
что заслужил: себя.

Мысли круговорот,
словно пластинки сбой.
Бродит ученый кот,
цепь влача за собой.

Пал туман пеленой,
плавно поля плена.
Медленный круг земной
кружит вокруг меня.

Стук колеса о стык.
Дрогнул ударный слог.
Кажется, этот стих
катится между строк.

Вектор стиха – возврат
ветра на круг утрат;
жест разведенья рук
лишь расширяет круг.

Лунный холод седин
пал, виски серебря.
Ноль – это знак *один*,
замкнутый на себя.

Ты – монолог без слов.
Память, за шагом шаг,
вертит калейдоскоп,
и осколки шуршат.

Слышатся голоса,
смолкшие навсегда.
Пала в траву роса...
Стала в зенит звезда...

4. капричо

В ночи начинается нечто...
неладное. Ветер творит
спирали: и воздух заверчен,
и вдох словно вход в лабиринт.

Беззвучно взрывается выюга,
мешая низы и верха;
из рваного тучного выюка
летит ледяная труха.

В порочном и замкнутом круге
себе же навстречу мечась,
метель направления крутит
и путает *здесь и сейчас...*

* * *

...А где-то за выюжной завесой
есть дом, где все лампы горят,
и окна от бешенства бесов
кресты переплетов творят.

Там женщина грезит, годами
скользя в летаргическом сне;
о позднем свиданье гадает
и греет вино на огне.

Там время не властно над местом:
концы и начала свело.
Движенье становится жестом...
И зеркалом стало стекло.

РУССКИЙ ДИСКУРС

1. тиши да гладь...

Лампочка вполнакала
тела под потолком.
Кошка, косясь, лакала
кислое молоко.

(Кошка по кличке Вася,
ласкова и глупа...).
Чайник шипел на газе
и никак не вскипал.

Книжка упала на пол, –
и скучна, и толста.
Дождик было закапал,
да тотчас перестал.

Можно задернуть шторы.
Как на дворе темно!
Кончился день. Который?
Ах, не все ли равно...

Выпили чай с блинами.
Семечки стали грызть.
Как эта жизнь банальна...
(Васька! куда ты? брысь!).

На короля гадали, –
вышло нехорошо.
Словно кого-то ждали,
да никто не пришел.

Но никому не к спеху.
В сетке секунд – века.
Полночь тиха, как эхо
сдержанного зевка.

Там, где асфальт повыбит,
есть кабачок в глухи;
я забрел туда выпить
за упокой души.

Тот, кто лишился дома,
здесь обретает быт;
здесь человек другому
как никогда открыт.

Видно, прочтя по роже,
что я ищу в вине,
некто, со мною схожий,
с ходу признался мне:

– Знаешь, я верю людям,
хоть и обжегся, бля...
Резко: – Ну, ладно, будем!
Будем, – ответил я.

Глухо свели стаканы.
Подняли – ни за что.
Вздрогнули кадыками.
Закурили... Взошло...

Снова было налито.
Разговор завели.
Он утешал: – Пошли ты...
Я, невпопад; – Пошли!

– Ну, подставляй стакан-то.
И, не сведя концы,
прочитировал Канта.
Я ему Лао Цзы.

Клубы дыма висели.
Кто-то ругался в матъ.
Бляди к столу подсели.
Мы их не стали гнать.

Сколько – скажи на милость! –
горемык от ума...
А за окном сгустилась
осень – и стала тьма.

3. посошок на дорожку

Ври, коль уж начал, складно.
Пей, сколь налил, до дна.
Если души нет, ладно, –
ну а как есть она?!

Что я отвечу, грешный,
стражникам райских рощ?
Спросят: *камо грядеши?* –
в смысле: *куда ты прешь?*

Что я отвечу? Братцы,
крест я на вас кладу!
Некуда мне деваться,
я уже был в аду.

Там, где рожден был мамой,
в обетованной мне
самой душной и самой
равнодушной стране.

Там без любви работа,
там любовь без труда;
трезвому нет оплата,
пьяному нет стыда.

Ест ли тоска-паскуда,
есть ли ночлег в хлеву, –

так я и жил, покуда
верил, что я живу.

Спился – похоронили,
спели *шумел камыш...*
Иже вы херувимы...
Кыш, вертухаи, кыш!

ANNO DOMINI
(картинки истории)

*Что такое человек? –
раб смерти, гость в своем доме,
мимо проходящий путник.*
Алкуин

1. о странствующих и
путешествующих

Равнины, теснини, холмы и отроги,
да вечная пыль – уравнительный грим.
Дороги, дороги, дороги, дороги –
все в Рим.

Солдаты, ученые, шлюхи, уроды,
паломники, лекари, воры, купцы,
ваганты, крестьяне, попы, нищеброды,
гонцы,

монахи, жандармы, мошенники, судьи,
бродяги, бездомные, бомжи, бичи...
Пространные веси, в них странные люди –
ниччи.

Границы, разъезды, посты и таможни...
Все дальнее уходят дороги судьбы...
А те, кто в дороге – сбежавшие Божьи
рабы.

Кто в Рим, кто обратно. Томя и тревожа,
но выбор дороги всегда впереди.
Решай, куда хочешь, потом сколько сможешь –
иди.

Но время свершится, исполняются сроки –
И странник дойдет до предела, дай Бог!
Дороги, дороги, дороги, дороги...
Порог.

2. средневековье

Кровлю собора по краю
нахально обсели химеры.
Ангел, летящий мимо,
топорщит крыло в вираже;
заглядевшись в осколки радуги,
загустевшие в витраже,
едва разминулся с бесом...
В среднем теченье эры

от Рождества Христова
до торжества готовален
мир еще не настолько
расчерчен и разграфлен, –
и в нем вполне вероятны
пережитки былых времен:

русалки, единороги,
люди с двумя головами.

В бурном житейском море
церковь – ковчег спасенья.
В магнитном поле молитвы
паруса, покрывающие неф,
напрягают нервиры свода...
напрягается каждый нерв
познанием Господа в боли,
разделенной на всех и всеми.

Так принимают причастие, –
а также чуму и проказу.

Воле Божьей покорна
каждая Божья тварь.
Подвижники неподвижности –
мужик, монах, государь –
имена существительные:
они составляют фразу

силой Господня глагола.
В мире властвует догма, –
суроно, но справедливо:
в общем богатстве бед
каждый имеет долю;
пастущий рожок и корнет
настроены одинаково.
Все на земле не дома.

А жаль... Уж так благодатна
земля – и щедра дарами.
Ручьи с целебной водою
текут из-под рудных глыб.

Струятся синие реки
в серебряных блестках рыб.
Поля то зерном желтеют,
то нежатся под парами.

Землей и водой безраздельно
владеют король и графы.
Ни пастырю и ни пахарю
усердье в трудах не впрок:
церковь берет десятину,
сеньор собирает оброк;
король взимает налоги,
а судейские штрафы.

Округа почти пустынна.
За ней следят с интересом
бароны с большой дороги –
те, что носят с собой
все свое достояние;
их ремесло – разбой.
Всадник, скачущий ночью,
не снимает руки с эфеса.

В чащах, обильных зверем,
бродяги и браконьеры
прячутся друг от друга,
от кар лесничих и чар
неуловимых леших
и оборотней-волчар,
кои владели лесом
в среднем теченье эры.

Чуть свет – монахи к молитве,
а рыбари на ловлю;

оратаи шагом за плугом,
а рыцари рысью на рать.
Жить в грешном мире трудно,
зато легко умирать:
сдал грехи исповеднику,
и с чистой душой на волю

*Божью... Из глубины
я воззвал к Тебе, Боже!
Боже, услыши мой голос...*
Вторя строке псалма,
глухо ударил колокол.
Всадник съезжает с холма;
гул достигает сердца –
и отзывается дрожью.

Всадника бьет ознобом,
страх застrevает в порах.
Но близится час рассвета;
уже занялась заря
нового времени: в келье
заштатного монастыря
один любознательный инок
выдумал черный порох.

3. ночь в порту

Портовый город. Красота залива
изгажена изрядно за века.
День зноен, шумен, долог. Ночь на диво
прохладна после ливня и легка.

Такая ночь не предвещает бедствий.
Спит город, сберегаемый судьбой.

Такая ночь! Почти без происшествий:
дуэль, убийство...ну, еще разбой.

Спят нехристи, а паче христиане.
Спят с женами, служанками, без баб.
Спят рыцари и мытари. Сквозь ставни
в ночную тишину стекает храп.

Бесстыдный бес приснился старой dame.
Школьяр бордель покинул без гроша.
Блуждали предрассветными садами
любовники, коты и сторожа.

Патруль, ругаясь, шлепал через лужи,
а вор затвор пытался побороть.
Поклоны бил аскет, спасая душу,
а узник бил клопов, спасая плоть.

Гипнос, сын Ночи, пролетал над миром...
А в старый порт, через туман и тьму,
без лоцмана вошел корабль из Тира –
привез зерно, паломников, чуму.

4 . ч у м н о й г о р о д

Ворота на запоре. Карантин.
Вороны на воротах – знаки страха:
черны, жирны, наглы – как грех монаха...
Чума, чума! А бургомистр, кретин,

открыл тюрьму! Нет, чтобы всех повесить...
Что делалось! Разграблены дома
и погреба всех нобилей. Чума
и мор на всех! Часы пробили десять,

и в переулке гулком и пустом
скрипит телега, медленно и тупо;
рука у одного из черных трупов
в такт всем ухабам дергалась крестом –

кощунственным благословеньем смерти
смущая тех, кто все еще здоров.

Возница мертвых сваливает в ров:
на тело черви, а по душу черти.

Пей вволю, кум! Греши со мной, кума!
Как ни суди, в аду мы будем вместе.
Неведом срок, зато конец известен.
Что наша жизнь? Схождение с ума.

Дрались в отбросах крысы, псы и дети
И дохли среди гнили и дерья...
Мы лишь потом узнали, что чума
не самое ужасное на свете.

5. падение столицы

Поникли знамена, уставшие биться
по ветру средь ора и над
ордой. Узурпатор вступает в столицу
под трубы – по трупам. Сенат

собрался. Без кворума, в час пополудни
мужи присягнули. А меж
тем стоки краснели от крови. Был труден
тот день, завершивший мятеж

резней – гекатомбою миру. И мясо,
закланное в жертву, смердит...

Скользя на крови человеческой массы,
эпоха вползла в зенит.

6. сцена в трактире

- Ты говори, философ, говори.
Пусть грязен стол, а ужин груб и мерзок,
но я плачу, и не благодари...
- Не буду. – Ха-ха-ха! ты горд и дерзок;
ты знаешь, кто я? – Как тебя не знать.
- И не боишься? – А чего бояться?
я стар, начальник; мне уж сорок пять, –
порог для философии и пьянства.
- Оставь. Ты жил в грехе и мятеже;
за все прощен. Стоит благое лето
Господне. Наш великий вождь уже
лад водворил... – Ад отворил? – За эту
остроту ты рискуешь потерять
свободу, и не только! Меньше года,
как ты ушел от палача... – Не трать
угрозы зря. Я сам моя свобода.
- Ну, ладно. Ты хотел нас убедить
в том, всего важнее в мире пахарь,
его охота сеять и плodить
детей? – Не только. Больше верность праху
всех пращуров его, зарытых в почву:
лишь этой связью плоть времен жива.
- Ты прав, философ. Это очень точно:
народ навоз. – Ты исказил слова
мои во зло! я говорил о связи
земли и неба; человек итог
истории, единство множеств. – Разве?

у каждого свой жребий и свой бог.
– Нет, Бог один, и Божий мир един;
он дан на всех, а собственность есть кража...
– Нет, ты не образумлен, сукин сын,
как я сперва подумал. Стража! стража!

7. казнь

Утро. Город. Окраина. Площадь.
Лица в окнах. Лотки. У столба
псы, осел, задремавшая лошадь.
Дети, шлюхи, монахи: толпа.

На лотках пироги, мясо, пиво.
Драка. Шум. Суeta. Толкотня.
Тень от башни по кругу. На диво
день хорош – на заказ! Злоба дня:

скрип повозки, ругательства стражи –
прочь с дороги! – толчки алебард.
Вот он! вот он! прекрасен и страшен...
На колени! *Помолимся, брат.*

Плаха. Крестик и четки монаха.
Барабаны. Пергаментный лист.
Запах смерти, конвульсия страха...
Черный бархат и белый батист.

Выкрик. Сдавленный шепот. Движение.
Эшафот. Алый плащ палача.
Солнца блик. Тишина. Напряжение.
Взмах меча.....

8. исход

Никому не дано
долго выстоять на
границе соблазна, но
воля выбрать дана
меж *еще* и *уже*.
Ежели Бога нет,
что ж так тесен душе
ребер сводчатый неф?
Плоть тяготит костяк;
так уязвима, ведь
око за око! – так
было – и будет впредь?
Каждый сам себе враг,
сам себе господин;
тот, кто идет во мрак, –
никогда не один.
Переворот ума
как поворот во тьму.
Кто-то сойдет с холма;
некто вслед ему, –
ростом на полверсты
тень пред собой гоня
в ночь, где горят костры.
Страж уснул у огня;
в драном шатре мудрец
спит, словно смех средь слез;
сбив на очлег овец,
дремлют пастух и пес;
спит в пещере пророк,
и вещий ворон с ним...
только не спит порок,
темным огнем гоним.

Зло не загнать под спуд
и не сдержать: оно
скоро прожжет сосуд,
в коем заключено.
Вспомни Ветхий Завет:
Мне отмщенье, и Аз...
Бог, которого нет,
с нас не спускает глаз.

9. хронограф: последний лист

Допрежь явились знаменья. В столице
средь бела дня при ясном небе в церковь
ударил гром небесный и расплавил
серебряную чашу для причастья
и поразил попа и двух из причта;
в Иванов день у прачки народился
хвостатый заволошенный младенец
и, прежде чем урода удавили,
успел сказать кощунственное слово
и всем на страх зловеще ухмыльнуться.
Так множились таинственные знаки,
что стало ясно: быть беде, и скоро.
Всю осень шли дожди, и очень рано
такие вдруг ударили морозы,
что замерзали на лету вороны,
и зверь в лесу, и нищие у храмов.
Такого старожилы не упомнят,
такого в древних хрониках не сыщешь.
Потом все вздоржало до предела;
начался небывалый прежде голод:
хлеб стал за четверик по золотому;

на Рождество мещане ели кошек,
в Великий пост и крыс переловили;
настали дни отчаянья и злобы,
и (*страшно молвить!*) даже людоедства:
на улицах и вдоль дорог лежали
обтянутые кожею скелеты,
у коих озверевшие безумцы
пытались выгрызать остатки плоти.
С началом лета вышло облегченье.
Но ненадолго. Бысть чума с Востока.
Ослабленные голодом сelenья
выкашивал сей мор наполовину.
А уцелевшим лихо от разбоя,
который воцарился от бревластъя,
поскольку государь законный умер,
а узурпатор, захватив столицу,
ее наполнил ужасом и горем,
отдав под волчье попеченье стадо.
Не стало ни морали, ни закона.
Наместники творили, что хотели,
перемежая грабежи и казни,
и на глазах мужей, когда-то славных,
их дочерей к разврату принуждая.
Сенаторы, философы, стратеги
заточены, убиты иль в изгнаны.
Все рушится: бессильны магистраты,
и армия без чести разложилась
на банды мародеров... (*Матерь Божья!
не разумею... я, смиренный инок,
ничтожный, недостойный, скудоумный –
не разумею: нам ли это кафа,
или за все злодейства от Адама
пришел День гнева, вышел срок расплаты –
но ныне чаша бед полна сверх меры*).

В Империю, сломив сопротивление
центурий, верных долгу и присяге,
ворвались орды варваров. Пожаром
они прошли от севера до юга;
и земли, благодатные доселе,
по следу их являли вид пустыни.
(Иные говорят о них: бич Божий).
Когда они ушли, из бездны ада
повылезло кошмарное отродье,
а во главе злодей и святотатец,
посмевший называть себя Спаситель, –
но некий маг, его проведав имя,
сочтя число, узнал: пришел Антихрист.
Ложь утверждая, водворяя ужас,
он шествует по городам и весям;
и люди, потерявшие надежду,
ему целуют ноги, присягая
отныне Злу, сквозь блеск и благовонья
не различая дьявольского смрада.
Знать, переполнился сосуд Господня гнева,
Христос отвел от грешников десницу,
и Дух Святой всему исчислил меру.
Исполнились пророчества: свет меркнет,
и дальше нет ни времени, ни места
для покаянья, паки для спасенья.

10. вальпургисева ночь

103

Вступала ночь в свои права.
Из дебрей ухнула сова.
Без ветра вздрогнула листва –
и снова тишина.

Мерцает тихая река,
и, прорезая облака,
светла, прозрачна и легка
в ночи плывет луна.

И суть явлений такова,
что не вмещает голова
понятий, – ибо все слова
истерты суетой.
И, страх не в силах побороть,
слабеет дух, слабеет плоть.
Настала ночь (*храни Господь!*)
Вальпургии святой.

Молитесь, честные отцы!
Свет колдовской во все концы.
Вот замка старого зубцы.
Вот одичавший сад.
Провален мост в заросший ров,
но страннику на робкий зов
скрипит заржавленный засов...
О, нет! Назад, назад!

Вот лог, где был повешен жид.
Вот бор, где старец ворожит.
Туман лежит, и путь кружит –
знать, лешему во власть.
Да где ж конец? Пора, пора...
Вдруг тень зловещего бугра:
ужели Лысая гора?!
Теперь совсем пропасть...

Грехи мои! Спасенья нет.
Вот озарил багровый свет

козлоподобный силуэт.
Изыди, Сатана!
Вокруг него кошмарный сброд –
богопротивный хоровод
гротескных тел и жутких морд, –
вся ночь им отдана.

Ужасный шабаш до утра:
под сенью красного костра
разверзлась черная дыра
кощунства-мятежа.
Они целуют черта в зад:
присягу принимает ад,
и не найдет пути назад
пропаща душа.

Так вот откуда жуть окрест, –
печать проклятья этих мест.
Но Бог не даст – свинья не съест.
Сгинь, сгинь, нечистый дух!
Призвав молитву на уста,
крест по обряду в два перста, –
во имя Господа Христа...
И прокричал петух.

И разорвались цепи зла.
Взлетев, рассыпалась зола.
Кошмар исчез, и ночь ушла
за бледною луной.
И, светлой радостью даря,
в лазури золотом горя,
струится ясная заря
в прекрасный мир земной.

СТИХИ БЕЗ НАЗВАНИЯ

1.

Я любил тебя, сколько мог,
идеал различая в идоле, –
и такой, как задумал Бог,
только Бог и я тебя видели.
Звездный сторож сыграл отбой;
опускается веко месяца...
До свидания! Бог с тобой!
На земле нам уже не встретиться.

2.

Сошла волна смятенья чувств,
оставив сор в душе и шаткость
ума – я заново учусь
жить просто так и соглашаться
со всем, случившимся со мной, –
и уклониться не посмею,
когда настигнет и сомнет
девятый вал любви последней.

3.

Взорвется ветер, снег гоня...
Сорвется с петель ветхий ставень...
И мой урочный день настанет...
А тот, что дальше – без меня.
И я забудусь в глубине
времен – бессловен и бесславен...
Когда меня не будет с вами, –
поговорите обо мне.

СТИХИ БЕЗ МУЗЫКИ

1. посвящается платону

*Я слышал от одного мудрого человека,
что теперь мы мертвы,
и что тело – наша могила.*

Платон

Всякая очевидность искажает чистые формы.
Вещи-в-себе покрыты ржавчиной мнений. Однако
явления здимого мира имеют характер знаков;
суть гармонии мира – алгебра. Формула нормы

была заложена в плане первого дня творенья.
Но не число, а слово было в самом начале.
Свет как идея счастья. *Тень* – оттенок печали.
Древо – возрастанье. *Озеро* – озаренье.

А роза вовеки – роза! И в *розовости*, и прежде.
(*Платоновы отраженья дрожат в гефаклитовых реках*).
А человек как идея не воплощен в человеке, –
он лишь цель в перспективе веры, любви, надежды.

Статуи тех, кто верил, расставлены по ранжиру
на площадях и в храмах, в лицейских садах и возле:
Герой, Полководец, Классик – как архетипы в бронзе,
праздник идеализма; скептикам не до жиру.

Так вторая природа произрастает из первой.
Изобретая кумиры, общество обрастают
культурой, словно коростой. Век живет *образцами*
вместо *образов* (эйдос). О, времена! О, нервы!

* * *

Амуры не имут сраму. Психея страдает психозом.
О, нравы! Любви небесной
сильнее любовь земная.

*Я знаю, – сказал философ, – что я ничего не знаю:
ни времени, ни пространства, ни имени этой розы!*

*Первопричина мира вовсе не прихоть божья.
Облако станет тучей и ляжет дождем на камни.
Мыслить о сущем трудно, что до самопознанья... –
мыслитель скальпелем Оккама
врезал себе подвздошье.*

Он плакал, и злые слезы текли по небритой роже.
Уста, что алкали меда, пересыхали от воска.
Он умирал, возрождался и воплощался – но плоско:
в максиме о пещере, в афоризме о розе.

На площади торговали. В порту суда разгружали.
Где-то играли на лире. Скверно ругался кто-то.
Благоуханье розы мешалось с запахом пота.
Очень щемило сердце, и сандалии жали.

Философ, входящий в реку, споткнулся:
вода замерзла.
В сознании загноилась апория как заноза:
Ахилл догнал черепаху!
Пронзенный стрелой Зенона,
он жертвует тени Платона воспоминанье о розе.

2. разрушение руин

*Развалины есть праздник кислорода
и времени. Новейший Архимед
прибавить мог бы к стафому закону,
что тело, помещенное в пространство,
пространством вытесняется.*

Иосиф Бродский

Место вокруг человека ему никогда не впору.
Время течет, и время набивается в поры
кожи и трещинки камня;
под псевдонимом *возраст* возрастаёт, пока не
образует руины.
Быть – значит: быть подверженным.

Небытие стерильно.

Объекты конечны. Представьте:
...берег... развалины храма...
В роли оракула – море: неразборчивость храпа
волн, на алтарный камень
падающих как жертвы
Хроносу. Боги смертны,
а камни никак не предвзяты к собственной форме
и месту – в кладке и кроме.

Субъекты тоже конечны. Покуда субъект реален,
он собой представляет напластованье развалин.
От первобытности детства сохраняется мало:
тактильные ощущенья – плоти, влаги, металла;
и подверженность боли, и приверженность вреду;
трепет самосознанья...

Все, что угодно Фрейду.

Основы, как и устои, размывает проточное время.
По лабиринту сознанья блуждают чужие мненья.
Порывы тоски, как птицы, как суматошная стая
над распашкою мозга с бороздами извилин,
где прорастают мысли... – или не прорастают
в сухости книжной пыли.

Мышление взнуздано логикой,
но если узду ослабить...

Сорные травы лезли сквозь слабину в асфальте
сквера, где мы сидели с поэтессой Ириной
и неспеша курили
дешевые сигареты “Язва” (а может “Астма”),
разрушая здоровье и рассуждая о разном.

Образ не равен слову; литература – руины!
Ирина сказала: – *Чашку я со стола уронила.*
Третий день все лежат осколки... –
и глубоко затянулась. Я подумал: о, сколько
безысходности в факте распада красивой чашки
на никчемные части,

подобные прочей дряни,
набросанной на тропинки
сквера, где препирались природа и энтропия.
Начала сходились с концами на макушке июля.
Из зарослей пахло гнилью, а небеса сияли,
озаряя руины
империи, ныне разбитой на части,
как чашка Ирины.

Крысы бегут из развалин,
когда приходит бульдозер.
Что остается людям? Вера в лечебной дозе.
Надежда на то, что руины новый век обустроит.
О том, что себя изжило, поэту жалеть не стоит,
когда хоть одна его строчка
(хотя бы вот эта)
переживает поэта.

СТИХИ БЕЗ ЛОГИКИ

1. сон о розе

*С фонарями сновидений
мы бредем во тьме кромешной...*
Ольга Седакова

Конь на скаку подковой бьет как в кремень кресалом;
искры гаснут по следу – но ни звука не слышно;
всадник с холма съезжает к зябкой реке, – русалка
вдоль по лунной дорожке встречь проезжему вышла.

Падает с хрупких пальцев гроздь серебряных капель;
разбегутся кругами мелкие волны, чтобы
в полупрозрачные линзы пали и вновь пропали
отраженные тени – словно сполохи злобы.

Вдруг вздымаются воды: открывается омут,
где осьминоги, рыбы, раки и всякие гады
копошатся по руслу, вязкому и пустому.
Волны хлынут на берег, сокрушая преграды.

Тяжкая темная влага затопляет подвалы
близлежащего дома, брошенного жильцами
в страхе (*и страх остался*); порчеными плодами
плавают мертвые мыши, и гнилушки мерцают.

В зале раскрылись двери: тянет сквозняк над полом.
Медленно гаснет люстра (*все в тишине*) – и будто
тысячекрылые птицы, книги слетают с полок;
с тех, что падают навзничь, осыпаются буквы.

Трепет пройдет по шторам,
дрожь пробежит по стеклам.
Всхлипнет ветер, как тенор с перерезанным горлом.
Форточка распахнется (*без причины*) – и клоком
загустевшего мрака в зал залетает ворон.

Буквы, словно букашки, расползаются в щели;
ворон клюет с размаху те, что нерасторопней, –
красным зрачком сверкая, дергая набок шеей
(*символ мудрости или вестник из преисподней?*).

Лунный свет прибывает, падает в окна косо,
все вокруг покрывая пылью неуловимой.
Женщина в долгом платье с полуувядшей розой,
не говоря ни слова, мимо проходит... мимо

шкафа с голым скелетом... кошки, уснувшей в кресле
возле разбитых окон... мимо иконы в окладе...
клетки, в которой жаба... чучела птицы (*если
это все тот же ворон?*)... мимо пустой кровати...

зеркала – и не может в зеркале отразиться
(*это страшней уродства! это сильней угрозы!*)...
Сон обрывается. Утро. И в ладони сновидца,
словно черная метка, листик засохшей розы.

2. пробуждение

У свеклы те же сны, что у розы.
Рамон Гомес де ла Серна

Капли срываются с крана в раковину,
коверкая внутренний ритм пространства
сна; так тревожит лунатика карканье
снизу:

проснуться? –
с риском сорваться...

Явь перепишет черновик сновидения набело.
Что очевидно (*воочию явно*) – банально.
Кто-то ходит по крыше.

Вероятно, сомнамбула.
Шаги ... пульсация крови ... капанье крана ...

пунктиры сознания.

Время как прервано: вобрано
снами и переврано.
Стенания за стеной.

Это сновидец, очнувшийся не вовремя,
сорвался с края реальности – в иное.

Червем сомненья – сон Чжуан-цзы о бабочке.
Помните? – пробуждение как страх потери
собственной сути.

От яблони падает яблочко
так далеко,
что в связь их трудно поверить.

Выпроставшись из страха,
из простины,
из смутного
ощущенья провала (*в иное...*) –
проводла драмы
собственной жизни
(*в чем признаваться муторно*), –
думаешь: надо сменить...
что? прокладку у крана.

Мягкие капли, которыми время источится
в этой клепсидре... минута, монета, монада.
Падаю духом.

Так падает плод с червоточиной
с древа познанья
на землю
из райского сада.

“Скорая помощь”
(*сигнал, похожий на кафканье*)
забирает соседа
(*видать, ночью стало худо*);
а над –
по утвержденному Господом графику
поднимается солнце,
и начинается утро.

3. по дороге в китех-град

Владимиру Блинову

Доверяясь лишь чувству шестому,
впадая в тоску и в истому,
на шестой части суши,
где все невпопад, невзначай, –
так легко забывают
долги и дорогу до дому,
и быстрее, чем где-либо,
стынет нетронутый чай.

Жизнь на этой земле
лишена очевидного смысла.
Вопрошая – *что делать?!* –
получаешь ответ: *ни хрена...*
Баба воду несет
в решете, но зато с коромыслом;
знать, не больно умна,
но зато своей доле верна.

Если тонет Фома,
непременно потянет Ерему,
и, родства не припомнив,
кивает Иван на Петра, –
а на том нет креста:
не доспел покреститься до грому.
Кто-то звал к топору;
уж решились... ан нет топора.

Кто-то звал: *караул!* –
но устал караул, разошелся;

а железный матрос
поматросил и бросил страну
в изнурительный бред,
в пустоту продуктовых кошелок,
в полноту лагерей,
в безвозвратную прорву-войну...

Я люблю эту землю
неумело, неложно, непошло,
ненадежно, неплодно...
Так просторы ее велики,
что я в них потерялся.
Где дом мой, затянутый прошлым?
Разбрелись по дорогам
дорогие мои земляки.

Волчье солнце восходит
зеницею ярого ока.
Третий Спас миновал,
а четвертому век не бывать.
По урезу озер,
кромкой сбитым стеклом и осокой,
все дороги ведут в Китеж-град.
Так о чем горевать?

Так о чем сожалеть?
Уж какая кому вышла доля...
Коли взялся за гуж,
так натягивай крепче гужи.
Нет нам знаменья, но –
как присмотришься из-под ладони:
серафим шестикрылый
над крестом перепутья кружит.

4. силуэт человека в пейзаже без временья

Ивану Рыжову

Пейзаж присоблен
к статуе поверженного вождя.
Ели – и те в шеренгу,
на караул. У зданий
фасады без выражения –
как морды. Из-за дождя
прохожих совсем немного;
они занимают задний

план бытия, а на первом
всегда не хватает мест
для человека, поелику
гранитными миражами
искажено пространство.

Площадь. Проспект. Проезд.
Переулки с хрущобами.
Пустыри с гаражами.

На постаментах нация
представляет товар лицом.
Перст, высоко поставленный,
пригвоздил к мозгам панораму:
путь к коммунизму, заросший
тернием и волчцом,
пересекся крест-накрест
с торной дорогой к храму.

Собор, уцелевший как памятник,
разоделся в леса

реставраторов прошлого.

(Рядышком, на обломках
самовластия написаны
нечензурные словеса).

Церковь Спаса-на-Грязи:
крест в небеса обмокнут,

а паперть в земном увязла.

Лукавые божьи рабы –
ивановы и прочие –
духовным похмельем томимы,
теснятся к святым иконам,
словно к кассам, дабы
заказать транзит из Содома
до небесного Ерусалима.

От спретого духа душно;

и вот, не сдержав зевка,
иванов подвигается к выходу.

Посреди литургии верных
иванов сачканет от службы
(безусловный рефлекс совка);
из прихожан – в проходные.

Осень в унылых скверах

властвует, но не царствует.

Не золото, не багрец, –
но гнедые, буланые, пегие
перепонки, клочки, обрывки,
истрепавшись в дожде и ветре,
осыпаются, наконец,
на траву, на тропинки, в лужи:
иванову сие обрыдло;

иванова достала слякоть –
у него ботинки текут,
оттого ему недоступно
очарованье печали
вещей, теряющих модус
существованья ... и тут
иванов попадает из сквера
на маршрут, что задан в начале.

Притяжение былых кумиров
замыкает пути в кольцо,
и в тотальной тени монумента
все прохожие серы: вдруг вы
узнаете в себе *иванова*,
потерявшего имя, лицо,
социальную перспективу
и прописку с заглавной буквы.

Иванов из себя выходит,
потому что выхода нет,
кроме черной дырочки *эго*.
Стоит чуточку постараться...
От наличия человека
остается лишь силуэт:
место в очереди,
пейзаже,
жизни,
времени
и пространстве.

5. город на краю времени

Николаю Силаеву

Ветер гонит газеты
по улицам Новгореграда
с односторонним движением, –
в прошлое нет возврата,
ибо сказано в сводке
с переднего края времен:
операция продолжается
под общим нарукозом заката...
Память пускает по ветру
полову пустых имен.
Что остается в сознании?
Горсточка голых фактов.

В очевидности вскрыт
осложненный процесс нагноений
в тех пустотах, где были
совместны злодейство и гений
изволением власти,
уравнявшей страну по нулям.
С той поры, как Декрет о земле
объявил Землю плоской,
лишь бесплотные тени встают
по бесплодным полям.
Волком завыть бы... да бестолку:
в нетях нет отголоска.

Здесь наш Родос, и здесь
нам приходится прыгать
через грязные лужи.

Прокисшая похоть и прихоть –
вот и все развлеченья.

Подумать: велик ли соблазн?
От падения в лужу слезы
на воде образуется нолик.
Славный Новгореград
никогда не верил слезам,
но каждый гадил и веровал:
кто-то за всех замолит.

Потому тут любовь
тяжела и горька как обида.

Не амурские волны,
а безличная сила либидо
подступает под сердце,
как темная злая вода.

От холодной фригидности
девки на киноплакате
появляется чувство,
что чувства твои – лабуда.

Надо уехать ... но некуда.
Город в глухой блокаде.

Коль без радости грех,
покаянье бездарно тем паче.

Кто-то мочится в лифте,
ругается страшно и плачет
от бессмысленной злобы
с неотъемлемой долей стыда:
все тащил на себя,
а в итоге его обокрали.

Бесполезная жизнь
оказалась длинней, чем судьба.
Баснословное время минуло,
не оставив морали.

Этот город блокирован
собственным страхом потери
застарелых иллюзий.
С темнотой запираются двери
в социальных ячейках;
обитатели копят уют,
словно капельки света...
а тьма голодна и тотальна:
в ней хромают химеры,
и надрывно сирены поют,
сны искушая кошмарами.
Все остальное – тайна.

Этот город отрезан от прошлого.
В тылу саботаж и измена.
Сокровенное, красное, кровное
отпущенено кровью из вены
на свободу от долга.
Скудельный сосуд оскудел –
ни огня, ни мерцанья.
Так ночами в заброшенном храме
бродит дух мятежа,
что остался теперь не у дел.
Паутина в окне растянута –
чертеж разрушения в раме.

Тяжесть бывших ошибок
тянет в тихий омут кручины.

От оброненной в реку времени
несуразно малой причины
виртуальные волны следствий
набегают, словно прибой,
размывая основы.

Не выбрав меж черным и белым,
замороченный город,
уставший тягаться с судьбой,
теряет место в реальности,
сползая в нежить и небыль.

6 . с у м е р е ч н о е с о з н а н и е

Анатолию Загороднему

Жесткие тени полдня
расплылись в мягкие сумерки.
Распустились сомнения;
утверждения умерли.
Посреди одиночества
мной обнаружен кто-то
в точке, где медитация
переходит в дремоту.

Некто с бритвою Оккама,
переученный грамоте,
расчленяет в анализе
цельность жизни, пока
алчность рассудка работает
на скопидомство памяти;
разум, стяжающий истины,
обретает черты сундука

с грудой отрезов опыта;
однако же моль и ржа
..... их поража...
..... тая,
личинки времени – образы –
..... проедают ткань бытия.
..... в дырки сквозит...
..... мечется...
..... дух мой транзит
..... вечности...

Прошлое перегнивает
..... в пустотах нынешних дней,
там, где его пронизывает
..... паутина корней
грядущего; это тайна,
..... и мы умираем в ней.

Сумерки обесценивают
..... позицию наблюдателя;
точка прозренья поставлена:
..... даль очевидно пуста.
Энтропия семантики:
..... знаки значенья утратили,
и падение Трои
..... равнозначно падению листа.

Век привык переписывать
..... черновик события набело.
Каждый порыв душевный
..... книжной пылью пропах;
даже любовь – только слово,
..... оболочка, вокабула –

радужным шариком звука
лопается на губах.

Наступает затмение речи –
предпредельная тишина.
Углубляется степень молчания.
Несказанность напряжена.
Бытие дано как задание, –
но возможность быть не дана.

Это сумеречное сознание:
состояние где-то меж...
Наше точечное присутствие
в бесконечность отражено.
В монолите странного мира
человек пробивает брешь,
но.....

.....
.....
.....

7. комментарии безмолвствующего к тишине

Владимиру Витюкову

Разбирая века за веками,
резонер жестом мрачного клоуна
явит пошлость навроде:
всему свое время, –
и в толпе вперебой закидают,
словно зернышки истины склевывая:
дескать, как это верно!

Всех, развесивших уши, устами –
как птенцов –

словом божьим окармливал
ангел, бывший в опале.

Но – дано в древнеримском уставе
часовым непреложное правило:
на губах держать палец.

Где нам стать – под часами?
на часах? Все равно.

Наше время упущено,
утекло, словно в черные дыры...
эти дыры мы сами.
В глубине тишины

означается облик грядущего
иnobытного мира.

О, живущие в шорах! –
безвиновные или безвольные
беззаботные овцы –
где пастух? кто на страже?
Нет, не грохот, а шорох
на границах безмолвия –
вот что страшно!

Ибо близко *Иное*,
что врасплох застигает всех разом –
муравьев и стрекоз
заодно с моралистом Крыловым.
Вся история, если по Фрейду,
сродни паранойе:
ахиллесова пятница разума –
поразительность словом.

Ибо близко *Иное*, –
и наложены тени грядущего
камуфляжными пятнами случая
на пейзаж перед битвой,
будто в старом офорте.
На полях палимпсеста культуры
в пластиах перегноя
различение смыслов
кончается свалкою случкою
от piano до forte¹⁾.

Отпечаток Господнего пальца –
copyright²⁾ на проекте творения –
истечением времени смылся;
мир как космос распался:
механизм износился от трения
между словом и смыслом.

Если мерить по Марксу,
история это насилие.
Злоба дня зачала и ублюдком беременна;
от кого он –
неизвестно. В распаде высокого стиля
выразители нашего времени
равно киллер и клоун.

Почему мы считаем,
что все совершаются к лучшему? –
несмотря на оплаченный опыт,
лыбы не стали рассудку щитами:
беззащитные перед кликушами,
тратим трепет на ропот.

¹⁾ тихо...громко (ит.)

²⁾ знак авторского права (англ.)

Тише! Время *Иного*.
Оно затаилось у двери.

Оно уже входит, незваное,
не имуще ни вида, ни образа –
и креста нет.

Революция слова.
Все будет означено заново.
Нам имен не достанет.

Нас никто не окликнет.

Время ноль.
Помолчим, привыкая
быть ничем –

отчужденные вечными водами
как осадок в бесформенность ила.
Недоумки века за веками
искушали народы свободою...
Все. Она наступила.

о б р а т н а я п е р с п е к т и в а

Человеку мало́ его место
в пространстве и времени; тесно
ему в государстве и в эре,
в здравом смысле и вере
в святую правду, в эфире
и в атмосферном столбе...

А святому просторно в мире
и очень тесно в себе.

БЕЗВРЕМЕННИК

г е н е з и с

Когда б вы знали, из какого sofa...

Анна Ахматова

Из потерь, обретений, из хотенья добра,
из серебра и тени, из тени и серебра,

из аромата розы, из разоренных гнезд,
из безмятежных взоров и беспризорных звезд,

из медяка в кармане, запятой перед *но* –
или воспоминаний, воспоминаний о...

из укоризны, кори, лекарства и леденца,
из угаря и горя, из потери лица,

из пережитых мгновений, из непрожитых лет,
иже благословений или проклятий вслед,

из сердечной невзгоды, из волненья в крови,
из прогнозов погоды, из процентов с любви,

из поцелая в веко, из соринки в глазу,
из обломанных веток, из ночевки в лесу;

может быть, из сиротства, из тоски вековой,
из процедуры банкротства жизни как таковой,

из воспарений в высси, из низвержений ниц,
из ненаписанных писем и непрочтенных страниц,

из клеветы и лести, прелести и стыда,
из беспричинных следствий и дорог не туда,

из-под изнанки знака, из-за границ языка,
из сквозняков барака, из заиканий з/к,

из пустыни безводной, из формулы H_2O ...
да из чего угодно; возможно – из ничего.

ц е й т н о т

Век низложен.
Безнадежно умы утомив,
отмороженный в оттепель миф
расползается ложью,
и в гнилое болото
озлобленья обманутых масс
осыпается иконостас
позолотой.

Что же после?
Той страны, где увидел ты свет,
той великой империи нет –
как и не было вовсе:
карты дней передернув,
проводили эпоху взашей
и шныряют в тени миражей
мародеры.

Конокрады
коноводят в родимом краю
и, гоняя пегасов в строю,
иноходцам не рады, –

в эскадроне летучем
на поверке не те имена,
ты ж команде “*равнение на...*”
не обучен.

Жить не стоит
там, где волю меняют на хлеб,
там, где храм превращается в хлев,
разделенный на стойла;
при имперском распаде
быть поэтом толпы западло:
паханы приравняли стило
к штык-лопате.

Ты в цейтноте.
А когда перспектива темна,
нелегко удержать музу на
элегической ноте,
ибо вправе Эрато
пренебречь своим долгом, зане
не найти ей дороги ко мне
и обратно.

Ты в раздоре.
Альпинисты, взойдя на Парнас,
объявили, что он не про нас.
У фортуны в фаворе
кто гораздо шустрее;
у твоей же стопы хромота, –
не пропишут тебя, лимита,
в эмпиреи.

Ты в цейтноте.
Время вышло, как вор на гоп-стоп,
и отныне что по лбу, что в лоб
кистенем черной сотни.

Не осталось ни часу
на раздумья, и дверь отперта,
и нельзя пронести мимо рта
этую чашу.

Время вышло,
и надо решаться на шаг
в пустоту, отвечая на “*шах!*” –
хрен вам в дышило!

Как свободы хотелось...
Но булыжники бунта зело
тяжелы, – и божницы стекло
разлетелось.

Надо просто
подчиниться особой судьбе –
божий замысел вызнать в себе
как стратегию роста;
взять проект за основу
и работать, корпя и скорбя,
собирая себя из себя
слово к слову.

Осознаньем
разобраться в осколках стекла
и на цельной структуре стиха
обустроить сознанье –
и раздор пересилить,
растекаясь на все времена
по счастливой случайности сна
о России.

снег в апреле

Когда задувает с севера,
 что-то творится со мной...
От огромной вселенной
 отделен лишь тонкой стеной,
я теряю спокойствие,
 теряюсь семь раз на дню;
стекла дрожат, и мыши
 прекращают свою беготню.

Если одеться теплее,
 то ветер и снег не беда, –
если упадок духа
 томительнее простуды,
можно пройти по аллее –
 той, что ведет никуда,
пока на пути не встанет
 кто-нибудь ниоткуда.

Некто, отличный от прочих,
 словно в петите курсив,
от абзаца к абзацу
 переходящий в трансе, –
некто сбьет со следа
 воспоминаний, спросив:
– Вы не встречали меня,
 которым я не был раньше?..

Это страница книги,
 которую на ночь листал,
мимо всех описаний
 скользя по сюжету крутому, –

это судьба, которая
как бы приснилась другому
персонажу романа,
который героем не стал, –

это вымысел вчуже,
что я в себе угадал:
страх влияния, порчи,
навязчивой темы – вроде
постороннего тела
или козла в огороде:
provokacija, noncens,
несуразность, скандал...

Стать иным, чем случилось.
Переиграть игру.
Из глубины аллеи
навстречу движется... муз?
муза – в образе бабы,
погоняющей мусор
розгами хворостинок,
собранными в метлу.

Так – привычно, умело,
равнодушно, устало –
где-то или когда-то
мама двор подметала
в Болхове, – городишке
на краю мирозданья,
где я грезил о музе,
как о прекрасной dame.

Там ли я разучился
мерить общим аршином
и поспевать за всеми?

Мне доводилось тогда
находить вдохновенье
в заскорузлые холода
в свете настольной лампы,
тихом скрипте мышином.

Ветер стенаł за окнами.

Грезы стекали в сон,
где претензии к миру
вырастали из детских платьиц, –
словно я спал и видел,
что отныне я Робинзон;
словно я знал и верил:
на неделе будет семь Пятниц.

С первого шага не в ногу
и до последнего дня –
через распад просодии,
через развал Союза –
то надменна, то ветрена, –
меня морочила муз...

Мама в меня не верила,
но любила меня.

135

Минувшее (то, что мимо)
и бывшее (то, что было)
разделяет тревожность,
как трещина сквозь кристалл.

Я живу, как задумал, –
но муга меня забыла
ради того поэта,
которым я так и не стал.

Когда задувает с севера,
мне снится одно и то же:
заснеженная аллея
и женщина на ветру...
Снежинки скользят по стеклам,
как мурашки по коже;
будет работы дворникам,
если не стихнет к утру.

А накануне Пятницы
бывает Чистый Четверг.
Можно пойти покаяться –
но из себя не выйти.
Ветер тряпицей тучи
звездные слезы вытер;
стало тихо и холодно,
и белый свет померк.

оттепель

Прилетели и закричали
птицы Сирин и Алконост:
возвещала одна печали,
неурядицы и погост

в чистом поле, – но та, вторая
о любви запела, и мы
вслед за эхом дошли до края
этой долгой гнилой зимы.

Погляди, дружок, на ледышки,
исходящие злой слезой:
вот и оттепель – передышка
перед светлою полосой.

И пока мир летит по кругу
чередой черно-белых лет,
будем жить и любить друг друга,
сколько можно и сколько нет.

Не бери, если двух небитых
за меня дадут, – суждена
ты лишь мне: любовный напиток,
как отраву, испей до дна.

Ты смеешься и губы студишь
свежим ветром, а над двором
вместо пенья волшебных чудищ
оголтелый раздрай ворон.

а пр ель с к и й ф р а г м е н т

Вечер. Апрельский ветер –
тихий, как приыханье –
веет (*какая прелесть:*
веет!); почки тугие
вздрагивают: деревья
вышли из летаргии.
Воздух, еще подмерзший,
чуть отдает духами.
Остановить мгновенье
взгляда, выхода, вдоха;

затормозить по венам
ток возбужденной крови;
стать посреди вселенной
и увидеть (*как внове!*)
мир, в котором важнее
не различья, а сходства.
Как же мы все похожи!
Остановись, прохожий;
незачем торопиться:
все дано здесь и сразу.
Жизнь случается с нами
лишь по первому разу –
и последнему (*кстати,*
это одно и то же).
Предоощущение чуда...
не растратить бы всуе.
Есть достоинство в жесте,
с коим собаки метят
избранные деревья,
обозначая место-
пребывание в мире:
это я существую!
Модус существованья
не различает меры
между предназначением
и случайным касаньем.
Мы свое пребыванье
отмечаем слезами
радости и печали.
Жаль, что слезам нет веры.
Жаль, что тебе, прохожий,
ни до чего нет дела.

Мимо апрель проходит
через одну шестую
часть отмеченной суши,
часть моего удела.
Вот я стою и плачу, –
значит, я существую.

в е ч е р н и й м о т и в

Лишние детали
по сусекам лета
ветер подметает
тщательно и тщетно:

перышки и стружки,
лоскутки и листья, –
все, что было нужным,
все, что стало лишним.

В реках блики гаснут,
небо отражая;
угасает август
жаром урожая.

Рыхлая прохлада
разоряет зори...
Милая! не надо
горевать до горя.

Затворили двери, –
а о нас забыли;
и цепные звери
на луну завыли.

На задворках лета
дрогнула устало
тишина – и где-то
яблоко упало.

б а б ѿ е л е т о

Виктору Калянову

Меж приливами и отливами
повторений или потерь –
почему нам не быть счастливыми? –
не когда-нибудь, а теперь.

Отлегло, что томило загодя.
Отболело, что не сбылось.
Бабье лето... беспечный заговор
против времени – на авось!

Паутина привычки порвана,
и свобода пьянит слегка, –
что копилось, пущено по ветру
в мимолетные облака.

Чьи-то тени приходят по воду,
а вода под цветной листвой...
Нет причины, но вволю поводов
быть счастливыми – век с лихвой...

Лист в ладонь летит, –
красный в крапинку.
Как пророчество: верь не верь –
все проходит... и надо накрепко
запирать за прошедшим дверь.

в е т е р в о к т я б р е

Ирине Барсуковой

Пасмурно, и при этом,
врозвь задевая ели,
ветер идет за ветром,
не оставляя щели.

Дождик упал под вечер,
на темноте настоян.
Ветром шальным повенчан
обморок с нищетою.

Не сосчитать урона.
Так, сотрясая ветку,
ветер шумит, и крона
жертвует листья ветру.

Выйдя из подворотни,
ветер встревожит лужу;
вывернув старый зонтик,
лезет настырно в душу.

Что-то знобит... Наверно,
что-то пришло такое
в темной изнанке ветра,
что не дает покоя.

Тут ты вздохнешь, и острый
холод прихватит гланды.
*Осень, – ты скажешь, – осень
наступила... и ладно.*

осенний дым

Але

Мы вновь сойдемся в солнечной стране,
где будет хорошо тебе и мне,
где никому до нас не будет дела;
там прощены разлука и вина,
и нам дадут иные имена, –
свои мы износили до предела.

А нынче осень, – много дней подряд
в намокших кучах листья не горят,
а только тлеют... Вот и я немею
и стертых слов значения коплю;
и я тебя жалею и люблю, –
но говорить об этом не умею.

Опавший тополь помелом торчит,
и ворон что-то страшное кричит,
воздев крыла, – пророком-нелюдимом;
а я ему не верю: ерунда! –
так тлеет отболевшая беда
и стелется к земле осенним дымом.

всякое дыхание...

Борису Войнову

Листья падают... пора пропадать,
отрываться от ствола в пустоту.
Бог исчислил наши дни, – и в тетрадь
что-то пишет и подводит черту.

Как по осени считают цыплят,
повторяю про себя имена
опустевшие... И листья летят,
наметая немоту на меня.

Загадаю на багряный листок:
долетит он до черты или нет? –
словно может повлиять на итог
совпадение надежд и примет.

Я дыхание в груди затаю:
жребий брошен наугад, – долети!
я поставил, чему быть, на твою
траекторию, на карту пути...

Ходят по лесу ветра напролет.
Все прозрачней дерева день за днем.
В горьких сумерках пичужка поет, –
хвалит Господа, не зная о Нем.

к о н е ц с е з о н а

Владимиру Витюкову

Осень. Опавшей листвы перебор;
шорох по клумбам.
Сумерек старое серебро
с отсветом лунным.

143

Ни уголька под остывшей золой,
в роще ни эха...
Кто с этой дачи, почти нежилой,
медлит уехать?

Тенью находит на брошенный рай
дождик нечастый, –
словно из пальцев выскользнул край
бывшего счастья.

Снова уводит удел кочевой
следом погоде.

Осень, – и кроме нее ничего
не происходит.

Все, чего ждали, случилось уже...
Скрипнут ступени, –
и на дороге, и на душе
патина тени.

в е ч е р н и й ч а ё
сестре Валентине

Заметает. Три ночи, три дня
в горле улицы выюга першит, –
снег гоня от огня до огня...
Год уходит, и век пережит.

В этом доме все ясно давно,
и никто никого не винит.
Налегает метель на окно,
и стекло полегоньку звенит.

Однаков во веки веков
ритуал, согревающий быт:
хоровод голубых огоньков
жалит чайник, и чайник шипит;

кот притих на полу у плиты,
увлеченный мерцаньем окна...
Пусть достанет на всех теплоты,
разговора – и чая сполна.

Сохранить бы тепло до весны
и продлить то, что ясно теперь;
это в юности ждут новизны,
а с годами страшатся потерь.

э т а ж е н щ и н а

Эта женщина слишком добра,
и еще независима слишком;
на ветру ее рыжая стрижка
открывает испод серебра.

Век разит, как Егорий копьем;
змей повержен, – но жив, между прочим;
дух растерян, и быт не упрочен, –
вертоград зарастает репьем.

Повредились в уме времена,
и умножилась тяжесть земная, –
только женщина эта – я знаю! –
ожиданием чуда полна.

Словно в долю она избрала
ремесло утоленья печали, –
так небрежно поводит плечами,
словно хочет расправить крыла...

Все пройдет, как озноб по спине.
Если верить хорошим приметам,
то решение жизни с ответом
без остатка сойдется во мне.

И не жаль уходящего дня,
где я жил так бездарно и бедно, –
снисходительно и милосердно
эта женщина любит меня.

Все ясней очарованный взгляд;
все отчетливей тени мгновенья, –
и легко, как пустые сомненья,
паутинки по ветру летят.

стансы к тени

После разлук и стольких
лет, пролетевших мимо, –
свет в зеркалах и стеклах
кажется мне незримым.

Темных дел мастера мы,
снов своих персонажи:
в фабулу мелодрамы
впутались роли наши.

Лучшая из Офелий, –
где ты, в каком Париже?
даже с башни Эйфеля
я тебя не увижу.

Не дочитав морали,
ставя беду в обиду, –
как мы себя теряли! –
как берега из виду.

Я говорил: люблю, но
я не сказал: останься;
славил тебя прилюдно
и разносил по стансам.

Помню, как пил запойно,
как заедал крапивой;
плачу во сне – и помню,
помню тебя красивой;

помню тебя русалкой,
и на речной излуке
мокрой, холодной, жалкой
пленницею разлуки;

помню, как ты скорбела,
как на память дарила
руту, укроп, вербену,
веточки розмарина...

Время не *что*, а *нечто* –
безымянно, безлично;
если любовь конечна, –
как ей не быть трагичной?

Вкус у любви разлитой
горше вина и тоныше.
Ты в реке Гераклита
лунной дорожкой тонешь;

на краю того света,
розов и переливчат,
лотос в затоне Леты –
как разорванный лифчик...

Э П И Л О Г

Холодна, как гравюра на стали,
ночь, когда совершается рок,
и ступает на старый порог,
кого ждать перестали.

Пес, разбужен, зашелся от злости.
Гость сутулился, пряча глаза, –
а хозяйка, прикрикнув на пса,
загляделась на гостя.

– *Ты... (она не припомнит глагола)*
столько лет! – Столько глупостей, но
все напрасно! – Молчи! все равно... –
скажет сорванный голос.

– *Я не знаю... – О чем ты? – Зачем я*
появился когда-то на свет;
жизнь моя решена, но ответ
не имеет значенья.

А луна, высока и громадна,
заливала сиянием двор.
Било полночь. И тот разговор
был развязкой романа.

Все. Поставлена точка. Приникла
к тени тень. На цепи, одурев,
пес завыл. И захлопнулась дверь,
как прочтенная книга.

п о с л е м у з ы к и

Где кончается музыка,
начинается физика:
с возвращением времени
вспомнится тяжесть тела, –
словно чары развеялись,
и обнажились низкие
истины; в вариациях
как-то исчезла тема.

Было страшно и совестно,
было светло и сладостно;
было что-то обещано...
но ничего не вышло.
Одержимые музыкой
ближе к божьему замыслу:
на измеренье свободнее
и на октаву выше.

У дирижера взмокшего
скелета свело и мускулы;
аплодирует публика,
под ладонью зевая
от недостатка воздуха.
Так кончается музыка, –
ибо она конечна,
потому что живая.

Было – и будто не было;
большего не запрашивай.
Музыка – только музыка;
большего и не надо, –
только одна случайная
нота, в сердце запавшая,
как крылатое семечко
из волшебного сада.

В мире, где настояще
не благодарно бывшему,
воспоминанье музыки
как письмо без конверта, –
только звезда, светящая
из пустоты над крышами,
только листва, летящая
в нотных линиях ветра...

с у м е р к и

Подорожник дрожит на откосе
полинявшего в ливне холма;
это осень, мой друг, это осень
сводит счеты и сводит с ума.
День сужается, и незаметно
свет редеет; еще не темно,
но расходится мир на фрагменты, –
эпизоды немого кино.

В перспективе, нерезкой и мглистой,
престарелая дама, – она

собирает красивые листья, –
безнадежно душевно больна.
Чудо в перьях, потраченных молью,
и с кудряшками в три волоска –
наряду с ревматической болью,
сердце гложет ей злая тоска.
Божья искра, забытая Богом
в пепелище былого костра...
Незнакомка, воспетая Блоком,
то ли бабка ей, то ли сестра.

Столько тлена, мой друг, столько гнили
в том, что было опорою нам...
Муки совести – род ностальгии
по иным, чем прошли, временам.
Отравление осеню – это
неизбытный похмельный синдром;
не с того ли пьют водку поэты
и царапают вены пером?
Разбитной, разудалый, раскосый
ветер-вор без царя в голове,
как заразу, разлуку разносит
по росе, по листве, по траве.

Зарастают погости крестами.
Недовольный судьбой и собой,
подуставший от жизни крестьянин
зачинает последний запой.
Жизнь сурова, мой друг, жизнь сурова.
Все смешалось в осеннем бреду:
из тумана выходит корова,
хризантему жуя на ходу.

Для чего мы насмешкой встречали
пастораль a la russ гососо? –
от печали, мой друг, от печали
пропадает в крови молоко.
Пропадают поля под парами.
Пропадают дороги вдали.
За долами, мой друг, за горами
все надежды и все журавли.

Для чего сожаленья продеты
через память? Видать, неспроста
наши страсти стирают предметы,
оставляя пустые места,
где хоронится или хранится
то, что было и будет не здесь.
Где граница, мой друг, где граница
между тем, чего нет и что есть?
Между светом и тьмой промежуток,
где на скуке настояно зло.
Кроме шуток, мой друг, кроме шуток –
для чего нас сюда занесло?

Несмотря на туман, невзирая
на препоны кривого пути, –
мы доходим до самого края,
для того чтобы крайних найти.
Там, где знаки теряют значение,
многое можно не глядя простить.
Боже правый! Узнать бы – зачем мы
в этом мире? – да негде спросить...

четыре октавы

Ale

1.

Пора прозрения – пора
раздела опыта и груза;
пока рассеянно добра
к тебе задумчивая музा –
небрежным росчерком пера
с души снимается обуза...
но горе следует уму,
никто не знает, – почему.

2.

Какая музыка была! –
и волновала, и вела
по легкой лесенке октавы
от ноты *до* до ноты *после*
которой ничего... когда бы
не уходить, оставаться возле
той музыки, пока слышна...
но наступает тишина.

3.

О, переполненная сплином
и ветром из пустых полей
душа, расколотая клином
недостижимых журавлей –
тебе синицы, данной в руки,
не удержать, не уберечь...
бывают вечные разлуки,
но не бывает вечных встреч.

4.

Эта замкнутость мысли в себе,
недоверие к факту – наверно,
оттого, что под сердцем каверна,
оттого, что прореха в судьбе;
словно шарик над бездной летит
оболочка реального мира,
и душа через черные дыры
в непроглядную вечность глядит.

старым друзьям

Ларисе и Володе Камышаловым

Вот, соберемся – и в гости пойдем
к тем, кто еще не поставил засова
от современников... может быть, снова
мы с полуслова друг друга поймем.

Переступая душевную лень...
Припоминая былые пирушки...
На остановке у шустрой старушки
купим тюльпаны, а лучше сирень.

Сядем в троллейбус и скоро сойдем.
Вот этот дом, где, радушно встречая,
с ходу предложат нам крепкого чая
или – по случаю – вермут со льдом.

Это студеное злое вино,
не торопясь, без особого пыла,
выпьем за все, что хорошего было...
может, и не было, – да все равно.

Как полагается, выпьем до дна
эту заздравную чашу, покуда
жизнь продолжается – экое чудо!
Чудо, что с нами... Жаль, что одна.

Все получилось, чему суждено
(если забыть про долги и потери).
Господи, как же мы все постарели!
Грустно смотреть – и немножко смешно.

Мы изменились. Велик ли изъян?
В горле першил неразбавленный вермут.
Выпьем за счастье, а лучше – за верность
старым надеждам и старым друзьям.

Молодость, глупость, веселый содом –
время по капле из нас выжимало...
Но остается не так уж и мало –
ветка сирени, вермут со льдом.

скверные дни

Жизнь пролетает, –
но тянутся скверные дни.
Скука в отечестве нашем
сильна и великодержавна.
Как безотрадны
и как безнадежно бедны
дни без иного,
чем смена часов,
содержанья.

Мелкие бесы
слетают, как мухи на мед,

на относительный дух,
заключенный до срока в монаде.
Кто бы дал слово немому!
Хотя бы позволил намек...
Сердце раскисло,
как спелый томат в маринаде.

Жизнь пролетает,
как поезд “Оттуда – Туда”,
однообразно (*тик-так*)
отбивая секунды по стыкам.
В щели сквозит пустота,
и остуда стыда
после горячки
изводит ознобом постылым.

Сторож безбожного промысла
спит как сурок.
Дохлая муха
на так и не вскрытом конверте
с надписью: *срочно*;
возможно, что там между строк
ты бы прочел
извещенье
о собственной смерти.

н е н а п и с а н н ы е с т и х и о с м е р т и
Памяти Сергея Андреева

Бывает, что странный свет
пригрезится среди ночи нам...
Я видел вчера во сне
дорогу в Пустопорожье:

непоправимо крива;
чертополох по обочинам;
чересполосица луж,
подернутых нервной дрожью.

Трудно идти одному,
но и довериться некому.

Кариатиды ракит
держат небесную тяжесть.

Строго блюдя закон,
открытый древними греками,
рок покорных ведет,
а непокорных тащит...

Чересполосица строк
растекается кровью по столу,
и замирает перо,
не умея дойти до края.

Истина – это свет,
ошеломивший апостола
на дороге в Дамаск –
свет из окошка рая.

Как отличить слепцу
смятение от наития?

Как ни ясны небеса, –
все-таки небеса же!
От удара судьбы
нигде не найти укрытия:
человек на земле –
подвижная цель в пейзаже.

Мир – это карта мест,
чьи гении их покинули.

Век – это вектор сил,
чей результат одинаков.
На перекресток дорог
ангел смерти пикирует,
как истребитель без
опознавательных знаков.

Вырви чертополох,
корни печали выруби
и витать в облаках
отпусти воздушного змея;
выбрав пустой билет,
не сожалей о выборе:
легче идти никуда,
ничего с собой не имея.

Я хотел написать
о смерти, да вот – не пишется...
Мысли кружат в голове
словно шальные птицы...
Я думаю: мир иной –
логическое излишество;
свет, озаривший нас,
был всего лишь зарницей.

прощание

Чтобы помнили...
Владимир Высоцкий

Пролетают слова, словно пыль на ветру,
всякий прах возвращается в поле...
Не жалейте меня, и когда я умру, –
поминайте без боли.

Пусть положенный камень, забвенья порог,
покрывается патиной пыли.

Я хочу, чтобы помнили несколько строк,
а о прочем забыли.

Ибо всякую речь растворяет молва,
и, как иго, кончается *эго*, –
но когда в эту строчку вернутся слова,
я возникну как эхо.

Из открывшихся скобок и прожитых дат,
по отрывку стиха, по обрывку
словно в вечном огне неизвестный солдат –
я вернусь на побывку.

Это слово, где будет чуть-чуть моего,
на мгновение данного в долю,
тихим выдохом, отанным гласному *о*,
отпустите на волю.

ГОЛОСА НИОТКУДА

1 . и с т о к

Там,
где нас нет –
под небом синим,
в лесу
на берегу реки –
живет,
рассудку вопреки,
кентавр,
влюбленный в птицу Сирин.

Где человек не явит меры
добра и зла, – там нет вины:
в непогрешимости равны
и серафимы, и химеры, –

равновеликой чередой
то, что прекрасно и жестоко,
восходит к общему истоку
за мертвей и живой водой.

Где нет ни голода, ни жажды,
ни преступленья, ни суда, –
там остается навсегда
все, обретенное однажды.

Там каждый по желанью вправе
использовать излишки сна, –
там нет таможенников на
границе вымысла и яви.

О мир иной!
О райский сад!
На поиски разгадки чуда
я вышел некогда оттуда
и не нашел пути назад.

2. э р о с / т а н а т о с

Подожди, не исчезни, помедли,
продлись на чуть-чуть еще,
чтобы хоть на мгновение
мы совместиться могли бы, –
о заплывшее в сон мой
сокровище, зрелище, чудище –
Женщина-Рыба.

Ты откуда, таинственный символ
желанья невнятного,
Мать и Невеста? –
где твой дом – архаический миф
в пересказе Чингиза Айтматова
или ужас Эдипа,
трактованный Фрейдом
как тяга к инцесту?
Растворяются ложные смыслы,
довлевшие тяжко до этого
(Рыба, I love you!),
и когда-нибудь
в дальнем заплыве во тьму,
за пределы запретного,
из последнего сна
я уже не вернусь к опостылевшей яви.
Каждый раз, засыпая,
я надеюсь, что в это свидание
все случится, все сбудется:
ты не останешься девой;
смерть и счастье
в едином челне
в глубину подсознания
бросили невод.
Я, как прежде, хожу меж людей,
но подспудно чужой среди них.
По привычке живу,
но не очень, пожалуй, уверенно, ибо
я храню на губах серебро
лунных, влажных, прохладных
грудей твоих, –
Женщина-Рыба...

3. козел отпущения

Время в пути короче;
не тяготят меня
бедные тайны ночи,
жалкие злобы дня.
Что мне до них? Не так ли
боли моей чужа
неторопливая капля
на острие ножа.

И лопухам в кювете,
и орхидеям цвесь...
Сколько всего на свете! –
да не про нашу честь.
Мне – от краюхи крохи
с мутным глотком реки;
мне – отпущене крови
не за мои грехи.

Все мне в дороге судьи.
Всем я в пути чужой.
Мне бы уйти в безлюдье
за последней межой;
мне бы укрыться... мне бы
в горы, где свет и снег! –
Только чем ближе к небу,
тем холодней ночлег.

4. деревенская ведьма

Ты ждала его, ждала,
ты его ждала –
на горящие дела
век спалив дотла, –

весь недолгий бабий век
зная свой шесток,
непокорный трепет век
пряча под платок.

Оказавшись не у дел
в лабиринте лет,
сокол твой не одолел
всех попутных бед;
от села и до села
тут рукой подать,
но нелегкая несла
не туда, видать.

Выпей зелена вина,
резкого как нож:
нынче полная луна,
ночью не уснешь;
пролети на помеле,
как дурная весть...
может, где-то на земле
справедливость есть.

5. разочарованный странник

Последняя истина продана,
за ложь сожжена палачом, –
паломник вернулся на родину
пустым, как мешок за плечом.
И там, где под сводами вечера
сходились пути и века,
он пал на колени у вечного
целительного родника.

Он пил, и была ему лакома
вода чем-то очень родным, –
и птица кричала как плакала,
летая кругами над ним.
Он верил поверженным идолам,
ни с кем не делил свой удел, –
чужим заблужденьям завидовал,
а собственный путь проглядел.

И вот он вернулся. Размашисто
шагая к родному крыльцу,
он слезы стирал и размазывал
дорожную пыль по лицу...
А годы бежали меж датами,
хватая подачки, хрипя –
голодными псами, кудлатыми
святыми в венках из репья.

6 . п ъ я н ы й к е н т а в р

Когда я упьюсь нектаром
томительного разлада, –
я вижу себя кентавром,
изгнаником из Эллады,
бежавшим от стрел Геракла
в пределы Гипербореи,
где я – как велел оракул –
служу конем и старею.

Химера ума и зверства, –
случайным образом выжив,
непарной перчаткой Зевса
я брошен себе – как вызов;
я выжил зимою лютой,
когда вымерзали реки;

я мог бы здесь выйти в люди,
но люди здесь слишком редки.

Когда я упьюсь... когда я
упьюсь забродившей желчью –
я плачу, я пропадаю
в печали по-человечьи;
а мрак, словно враг, настырен,
черты бытия стирая, –
и в сумерках птица Сирин
поет о пустыне рая.

ДВА СТИХОТВОРЕНИЯ ПОД ОДНИМ ЭПИГРАФОМ

.....
*Поклонник Канта и поэт.
Он из Германии туманной
Привез учености плоды*
.....

И чудеса подозревал.
Александр Пушкин «Евгений Онегин»

1. вид города геттингена

Словно что-то забыто
там, где отроду не был, –
там, где под блеклым небом
пахнет жареным хлебом,
кофе и прочным бытом.

Словно в оные годы
благоразумный гений
города Геттингена
остановил мгновенье,
поначитавшись Гете.

(В храме хоралы пели;
гулко куранты били,
и отголоски плыли;
небо кололи шпили
и вековые ели...)

Город тревожат слухи
о продвижение холеры:
все принимают меры, –
дамы и кавалеры,
кавалергарды и шлюхи.

Бурши гуляют: их-то
не урезонить, – как-то
слишком неделикатно
они обсуждают Канта
и осуждают Фихте.

Всякий у века в доле,
филистеры и повесы –
кто отстоявши мессу,
кто освиставши пьесу –
все премного довольны.

Есть какая-то тайна
вырождения в мордах
обывателей, гордых
тем, что на клавикордах
фрау играют Гайдна.

Все, что было когда-то
будничным, стало знаком
романтизма, однако
залитого, словно лаком,
старым медом заката.

2. подозрение чудес

Темной воды напиться, –
там, где стоят веками
кирхи с особняками
из кирпича и камня,
крытые черепицей, –

мог ли я быть там? мог ли
где-то когда-то как-то
слышать, как в такт заката,
раскатившись в стаккато,
музыка в замке замолкла...

Стало пусто и тихо.
В должной мере таланта
сыграна доминанта
императива Канта
в аранжировке Фихте

в темпе времени; это
пролегомены к тайне –
той, что пройдет летально
трещинкой мирозданья
через сердце поэта.

Разделить бы – да не с кем, –
полный туманной неги,
как пролог менингита,
этот вид Геттингена,
конгениальный книге,
пересказанной Ленским

Ольге...

ЗИМА В ГИПЕРБОРЕЕ

*О гипербореях ничего неизвестно
ни скифам, ни другим народам...
(в существование гипербореев
я вообще не верю).*

Геродот кн. IV

*Не будучи в состоянии сообщить
ничего определенного... относительно
гиперборейцев Мегасфен сообщает
то же, что и другие рассказчики мифов.
Страбон кн. XI; кн. XV*

*Смерть приходит к гипербореям
как избавление от пресыщения жизнью,
и они, испытав все наслаждения,
бросаются в море.*

Плиний Старший кн. IV

1. определение хронотопа

Там, за северным ветром,
там, за меркнущим светом, –
место тем, кто отвергнут, но не знает об этом;

кто, пережив крушенье, заново и непраздно
выйдет в поле сраженья
времени и пространства;

в поле, где знаки зреют, пепел идей вбирай, –
там и Гиперборея – как гипербола края.

Это бред Геродота, это скепсис Страбона:
за чертой горизонта, за границей резона.

Это царство Кащея, периферия мифа:
вечное возвращенье к жизни – и вечно мимо...

Шел человек за ветром, смирно жить не умея;
был упрыга и вепря, санкции не имея;

ножик о камень правил, ставил силки и сети;
был исключеньем из правил
(так же, как все на свете);

бесов тешил по будням, в праздник кадил иконам;
если пил – беспробудно, если любил – бессонно.

В море сирена пела, в поле земля гудела.
Не переделать дела, не разделить удела:

сила перегорает, только тоска не тает.
Так он дошел до края – и через край хватает...

Там, где огонь не греет, там, где труды бесплодны, –
там и Гиперборея: родина всех безродных.

2. белое безмолвие

Зона зимы. Осиянные – с просинью – дали.
Прост и протяжен пейзаж после долгой метели.
Сказочен снег, что на вздорные ветки собрали
сосны и ели.

Тащатся дни – словно древние дороги – по будням.
Все замедляется, – даже процессы старенья.
Семь сексуальных гигантов от сна не пробудят
мертвой царевны.

Все основания жить вымерзают незримо.
Не оттого ли хандрю и душевно болею?
Быт не наложен, понеже избыточны зимы
в Гиперборее.

Эти места не особенно любы туристам;
аборигены венчают колумбов не лавром и миртом, –
в качестве почести странника потчуют чистым
краденым спиртом.

Хоть говорят, что язык доведет до Пекина,
я от наречия места местами дурею
и забываю себя; я уже никогда не покину
Гиперборою.

Хочется жить и работать! ...работать вполсильы:
польза труда не всегда соразмерна затрате
там, где на каждого жителя множество кило-
метров в квадрате.

Эта страна отродясь человеку не впору;
в долю таланту даются tantalовы муки.
Глаз не найдет горизонта – и тягостны взору
белые мухи.

Гипербороя! ... не родина, – саморастрана;
кладбище мамонтов: чудищ, не вынесших тяжесть
существованья на грани; задолго до Сартра
тема все та же.

Снежные вихри проходят смятеньем по сердцу
и – не поверите! – после неясных инверсий
преображают либидо у гипербoreйцев
в тягу на север.

Вот и уходят они по ветрам задубельим, –
где пропадает граница меж снегом и небом;
где человек исчезает в безмолвии белом,
словно и не был.

3. х о л о д н ы е в р е м е н а

Есть событие слова: от замысла до запрета.
Есть пределы глаголу: от термина до тюрьмы.
Если сжаты в границах страны старого света,
сперты души делятся в четыре стороны тьмы.

Кто мы? зачем? откуда? – заключенные в скобки
общего горизонта – попросту говоря,
высланные из рая с пайкой и скарбом скорби,
с разрешением речи, под ярмом словаря.

В гиперборейские дали не добраться по картам;
разве что – по призванью, разом – и без следа, –
на заклятую землю, где изотермой марта
заперта в карантине вечная мерзлота...

Вот и все, что я знаю о себе и о мире.
Что выходит из рамок, все выходит не так.
Как я узнаю время? Ходики, как хромые
ходоки по этапу, не попадают в такт.

Сердце бьется неровно, неподвластное ритму
графика, марша, плана. Век мой – то век, то миг.
То, что уму неясно, то, что очам незримо,
тянет и тянет в нети, а темнота томит.

У полярного круга нет ни конца, ни края.
Лед перекрыл протоки, снег проходы забил.
Участь гиперборейца – ностальгия по раю,
по волшебному слову... словно знал – и забыл!

Надо жить, не умея – странно, смешно и страшно.
Ничего не поправить; ни сейчас, ни потом.
Ходит пурга по кругу и прядет свою пряжу.
Ледниковый период. А после нас – потоп.

4. на войне как на войне

Первая мировая тянется слишком долго;
если копнуть поглубже – в слое палеолита
те же останки павших при исполнении долга.
Долг еще не погашен. Зло еще не излито.

Это еще не вечер – сумерки мирозданья...
Что ж, бывает и хуже, – скажет, урон итожа,
обыватель эпохи, испытатель страданья,
обитатель окраин (это одно и то же).

Это только цветочки, – как говорил Нострадамус.
На повседневный ужас не установлена квота.
Бог пострадал и умер. Люди не настрадались.
Испытатель страданья, – это ли не работа?

Это ли не призванье – быть в разнарядке первым
претендентом на право быть козлом отпущеня
через минное поле – и обнаженным нервом
через лезвие бритвы... острые ощущенья!

То оглушен мольбою, то оглушен пальбою –
никудышный романтик, нерадивый работник –
каждый, кого поставят крайним на поле боя,
хочет или не хочет, а совершаet подвиг.

Милая медсестрица! солнышко полевое! –
это еще не вечер: будь во мне незакатна;
останови мгновенье – это (как и любое)
мирная передышка между вчера и завтра.

Это ли не причина быть оптимистом? – разве
мало мгновенья, если столько в нем уместится:
след подковы на счастье, приглашение на праздник,
клик журавлиный в небе, клетка из-под синицы...

5 . с т о с т р о к

В наших широтах вечер главное время суток:
меж каждодневной тяжбой небытия и быта
и беспределом ночи – медленный счет минуток
выстраданной свободы, непонятной для быдла.

Тает неверный свет; воздух кажется карим.
Город, которого нет, стекается из окраин.

Вышедший из тумана месяц стоит на стреме.
Отяжелевший воздух давит лиственный ропот.
Где-то собака воет, словно знает о смерти
то, что не вхоже в разум и не вместимо в опыт.

Не охвачен умом, круг бытия убывает.
Каждый в себе самом кого-нибудь убивает.

Город – как сон не в руку, как неудачный выход из безнадежного дела, – словно тупик в пустыне: прошлое не уходит и, помянуто лихом, откликается эхом по миру и поныне.

Врозь фонари горят; светит месяц, не грея.
Это Новгореград, столица Гипербореи.

Улицы и проезды. Подземелья и своды.
Стены, стены и стены. Окна, окна и окна.
Тупики лабиринта, где излишки свободы прячутся в закоулках от избытка закона.

Здесь невиновных нет: все сопричастны бездне.
Скука скученных лет заразней дурной болезни.

Самогон своеvolья крепок зело и горек.
Словно чертою дроби я разделен со всеми;
единица – числитель, а знаменатель – город:
он стущает пространство и поглощает время.

Каждый сам по себе; правила уравнений
сводят к общей судьбе и злодейство, и гений.

Некому здесь гордиться отческими гробами;
все надежды остались перед вратами ада.
Я уже и не помню – как, какими судьбами
я получил прописку в Новгореграде... Ладно;

я не изгой в роду, а узелок в сплетенье.
Я во втором ряду не первый и не последний.

Нет, за душой не пусто, просто на сердце кисло.
От загустевшей скуки не откупиться строчкой.
Я обращаюсь к небу: над головой зависла
оловянная тучка с серебряной оторочкой.

Путая низ и верх, месяц зыбится в луже.
Это неважный век, но как бы не стало хуже.

Падает тень сомненья; досадна, словно простуда
духа: ведь жизнь проходит, и непонятно – та ли?
Жизнь вообще прекрасна, а в деталях паскудна.
Данность божьего мира разобрана на детали.

Из превентивных мер надежнее обходная.
Это неважный мир, но я другого не знаю.

Мир как система сложен, – я никогда не слажу
целого из деталей; сам себе поперечен
на перекрестке текста: блудному персонажу
синтаксис не позволит выйти из рамок речи.

Как непригляден герой, верный казенным перьям
там, где каждый второй хочет считаться первым.

В собственной шкуре стало неуютно; порою
линия нашей жизни как в кулаке зажата
в обстоятельствах места и времени: всем героям
у романиста не хватит ни фабулы, ни сюжета.

Ибо всему свой срок; открытье равно утрате.
Исповедальных строк не пишут в общей тетради.

Я прописался в прозе: жил и тревожил женщин,
в пятых углах ютился, ел не имевшее вкуса;
я все больше и больше менял на меньше и меньше
и не жалел. Но в прошлом – пусто, куда ни ткнуся.

Боль окликает боль: вдруг да и повезло бы
ей распознать любовь под оболочкой злобы.

Быть, коли так случилось, решение нулевое.
Как наделить значеньем то, что не стало знаком?
Дом, устроенный мною, – производное воли:
временное жилище сходно с воздушным замком.

В мире, где все течет, время надежнее места.
Дом закрыт на учет. Я торчу у подъезда.

Как чехарда событий, эпоха проскочит мимо
прогнозов и ожиданий, ибо с какого бока
ни глянешь, что очевидно? – дыры в картине мира
там, где нищие духом лезли за пазуху Богу.

Но не спрятать пути в рай по крапленым картам,
ибо (как ни крути) Бог нам не папа Карло.

История как стихия рассудком не укротима.
Каждый век продолжает хронику бед и бедствий.
Мещане и аферисты, мудрецы и кретины –
все захвачены сетью связи причин и следствий.

Выйти из ряда вон можно только однажды:
плыть по течению волн и умирать от жажды...

Все, что сказано выше, для искушенного слуха не представляет в целом ни пользы, ни интереса: как философия – смутно, как поэзия – сухо; ни деревьев не видно, ни (тем более) леса.

Издавна и вовек тема одна и та же:
выбывший человек в выморочном пейзаже.

Будущее наступит на восьмой день недели:
свистнет рак, возвещая морковкино заговенье...
Временный совладелец временного надела,
запоздало воскликну: остановись, мгновенье!

Так я постигну суть, наконец озарен-то! –
так истекает путь под обрез горизонта.

Вдоль столбовой дороги всякого лиха вдоволь,
а поперек движенья нет ни моста, ни брода:
только долгие дали, данные в долг и в долю,
и взамен благодати – мужество и свобода...

.....

6 . б е з в р е м е н н и к

Наконец ты достиг единства
безвременья и бездействия.
Канон классицизма в утопию
канул как свет во тьму.
В месте, которого нет,
причины вещей подследственны,
но не подсудны уму.

Место, которого нет,
в отмороженном бреде картографа,
который пошел на полночь
и заблудился во снах, –
плоское до горизонта,
как поле из-под картофеля,
неколебимо зиждется
на четырех слонах.

Эта земля, кое-как заселенная
беглыми или опальными,
богата полезной флорой:
в плодах алкалоид тая,
безвременник (или зимовник)
вытравляет без больно из памяти
все, не идущие к делу,
условности бытия.

Ибо как быть средь небыли?
Иже как жить меж нежити?
Как ни раскинешь взором –
всюду бедлам и льды.
Зацветает безвременник
поздней осенью; ежели
не обманется в оттепель,
к лету дает плоды.

Память – это пространство,
где минувшее неким
невероятным образом *есть*, –
но как ни крути,
самое верхнее *до*,
слетая с нотной линейки,
обращается в *после*,
так же,
как *здравствуй* в *прости*.

Вся глубина молчания
выбрана речью досуха.
Кто теперь скажет слово
против теченья дня?
Кто тебе отзовется
в огороженном голосом воздухе –
не покидай меня?

Отдаленное эхо
гулом в скорлупах прошлого
дни, недели и годы
напоминает, что ты
что-то в конечном счете
вроде сосуда порожнего –
пустоты, отделенной лишь формой
от бесформенной пустоты.

Эта мысль не нова,
но бесконечно грустна,
потому что
обнаружив однажды
свой век в перезрелой поре,
вдруг понимаешь,
что ты –
меланхолическая игрушка
сам для себя –
и только! –
и нет тебе счастья в игре.

Ветер в пустой голове
отличен от ветра во поле
тем, что носит по кругу
сухую книжную пыль.
Не воссоздать молчания

ни немотой, ни воплями –
буде среди пустыни ли,
буде среди толпы ль.

В юности мир избыточен,
словно утро солнцепоклонника,
с возрастом утончается
до офорта сухой иглой;
тот, кто наступит на воду,
в которой обмыли покойника,
теряет способность к счастью...
Обделенный и злой,

ты примеряешься к пустоши,
словно из дома выселен,
миропорядок (скорее –
беспорядок) кляня, –
но кто отзовется в комнате,
из которой все вещи вынесли –
не покидай меня...

О ничей современник! –
colchicum, или безвременник
из семейства лилейных,
упорный, как чертополох, –
ты лекарство тому,
кто,
отравленный поздним прозрением,
отворяет не вены,
а двери –
и ступает
через
порог.

7. сколько ни странствуй

В этом суровом краю небосвод не высок, не низок.
Прежде не столь отдаленными считались эти места.
Вещая птица Сирин, внесенная в черный список,
выжила, но замкнула сахарные уста.

В этом краю, где к зиме осыпаются краски,
и тысячу змей поземка шуршит в пожухлой траве, –
каждый дурак мечтает пожить по-царски:
по своему хотенью, без царя в голове.

В этом сказочном месте персонажи все те же
тащат сети сюжета из глубины веков:
нелюдь выходит в люди, и заполночь уши режет
скрежет ржавых затворов, скрип тупых башмаков.

Мертвые без погребенья не могут угомониться;
отходы воображенья заражают страхом среду, –
примордиальные демоны и призраки коммунизма
в равной мере ответственны за погоду в аду.

Кровь застывает по жилам, а кровь не водица:
в поле, ей политом, лишь упыри да репьи.
В этом краю... лучше в этом краю не родиться, –
а родился – терпи.

Можно быть недоумком, взаправду и понарошку.
Можно бежать от объятий, по первому снегу скользя.
Можно пить из копытца и заедать морошкой.
Очень многое можно. Остальное нельзя.

Сколько ни странствуй, а всюду земля как чужая:
за косогором овраг, за оврагом опять косогор –
и куриная слепота поражает зеницы, сужая
горизонт в кругозор.

Этот край человека изводит, как по кругу леший;
спросишь встречного: где здесь
счастливая сторона? –
тот указательным пальцем в затылке почешет
и дает указанье типа *иди ты на...*

Здесь ни в палатах, ни в хатах
незваному гостю не рады;
будь ты божий угодник, будь ты кум королю, –
сколько ни странствуй, вовеки не сыщешь правды
в этом краю.

В этом медвежьем углу,
в трижды проклятом царстве,
все, что могло случиться,
случилось давным-давно:
сколько ни ставь на карту, сколько ни странствуй –
всюду глухому тихо, слепому везде темно.

Многие здесь пропали. Прочие уцелели.
Выбрали крест по росту. Нашли по нраву жену.
Ведь сколько ни странствуй в мире,
а на вопрос о цели
что ты можешь ответить, кроме: я *здесь живу*.

Тянется злая сказка... и ни шатко, ни валко
тащит медведь корзину с машенькой на горбу;
свежемороженой рыбой стынет во льду русалка,
и весна как царевна спит в хрустальном гробу.

8 . о да к х о л од у

К вечеру подморозило, и немногая снежная
осыпь лежит как выпала: между сухими травами
по пустырям и пустошам, – волею ветра смешана
с пылью, мусором, листьями и дребеденью гравия.

Полномочия холода кажутся нам особыми:
соответственно графику приступить к испытаниям
на морозоустойчивость... Скоро зима – с ознобами
вьюг, приходящих с полночи оголтелыми стаями.

В спектре предзимних сумерек
примеси невечернего
света, который исподволь обозначает трепетом
границ потустороннего, и полутьмой очерчено
между былью и небылью место чему-то третьему.

Между вдохом и выдохом сердце во власти древнего
страха скользит по лезвию... страх не имеет облика.
Лед оделяет холодом дом, дорогу и дерево;
бледный месяц скрывается под одеяло облака.

Чьи-то тени сгущаются в отсветы темного пламени;
так от серого к черному в пепле мертвеют уголья, –
и подголосок вечности в остывающей памяти,
вороша сожаления, не восполняет убыли.

Отложения времени дух лишают подвижности,
душу – воображения... но в минуты смятения
архетипичные образы через завалы книжности
воплощаются в призраки и мешаются с тенями.

В одушевленном холоде что-то уже не страшное.
В отмороженном голосе что-то еще не слышное.
Мертвые возвращаются, –
только не надо спрашивать:
как вы там поживаете? – это, пожалуй, лишнее.

Там, за пределом опыта, если следовать Плинию,
не озаренье истины, а, скорее, мерцание
гиперборейских сумерек, где параллельные линии
жизни и смерти сходятся точкою замерзания.

Помраченье сознания – это не метастазы ли
той изначальной вечности,
связи с которой порваны
на пороге рождения? все, что о ней ни сказано –
все неправда, особенно то, что сказано мертвыми.

Нет в этом мире мудрости выше простого мужества
выдержать, что положено, вынести, что отпущено,
зная, что крайним холодом,
этим античным ужасом –
к лучшему или к худшему – не кончается сущее.

Все еще образуется, если хватит терпения.
Первый план мироздания –
ретроспектива заднего.
На полях поражения примечанье репейника:
все еще перепашется, перепишется заново.

Скоро зима, но, кажется, прежде случится оттепель;
по прогнозам синоптиков, будет сыро и ветreno.
Вот и душа оттаяла... но остался на отмели
обретенного времени отпечаток бессмертия.

9. письма до востребования

* * *

Вновь пришла зима в Гиперборою.
Все пути-дороги опустели.
Дверь затворена, а там, за дверью,
головокружение метели.
Соскочив с иглы минутной стрелки,
время, не подверженное ломке,
движется, как муха по тарелке,
краешком сознания, по кромке...

* * *

Хочется, чтоб в доме было чисто
и тепло. Тепло, насколько можно.
Я надеюсь, больше не случится
ничего плохого. Мне тревожно.
Там, где лето холодно и кратко,
где земля печальна и поката,
солнце растворилось без остатка
в темно-золотом вине заката.

* * *

Если впрямь материя первична, –
искру Божью как укрыть от ветра?
Надо отрешиться от привычки
говорить с собой и ждать ответа.
А тоска захватит по-медвежьи
пустоту под сердцем, как берлогу, –
вплоть до Благовещенья. По здешним
навыкам терпенья – ненадолго.

* * *

На листе бумаги три черешни...
как отточие строки оттуда,
где я был так беззаботно грешен,
где я больше никогда не буду
вольный дух разменивать на нечто
плотское; судьба сыграла в ящик
с выцветшими образами вечно-
женственных и скоропреходящих...

* * *

Книги и стихи – мои пожитки.
Так я жил, и не хотел иначе.
Вспоминаю прежние ошибки,
словно старый ловелас удачи.
Отчего же сердцу не потрафить,
прошлые грехи перебирая
под осенний шорох фотографий –
листопад потерянного рая.

* * *

Ты так далека и безответна,
словно я просил тебя: не надо
исполнять ненужные обеты, –
но однажды, в пору листопада,
когда сумерки видений полны,
вспомни обо мне и улыбнись мне,
отвечая прошлому: *я помню...*
Сны – как неотправленные письма.

* * *

Век к концу, и дни мои короче:
время ускоряется по ходу
от причины к следствию, – а ночью
я иду назад сквозь непогоду.
Огибая ели-недотроги,
зарываясь в снег на каждом метре, –
выюга развивает по дороге
как сквозную тему ноту смерти.

* * *

Не кляни ни время, ни погоду.
Кто сердит на век, неправо судит.
Разложи потертую колоду,
Погадай на то, чего не будет...
А полярным кругом ходит стужа
и в живое сердце щели ищет...
Этот мир без нас не станет хуже,
как от нас не стал теплей и чище.

п р я м а я п е р с п е к т и в а

*... но раздвинутый мир
должен где-то сужаться, и тут –
тут конец перспективы.*
Иосиф Бродский

187

1.

Улица, уходящая
вдаль, в глубину перспективы,
медлит на каждом углу;
теряется, уходя –

ибо, чем дальше с глаз,
тем гуще ретушь дождя,
тем глупше сбивчивый ритм
городского мотива.
Рев милицейской сирены
раздвигает гомон толпы.
Пароксизм тормозов
как безумие виолончели.
По закону прямой перспективы,
установленному Учелло,
удаляясь, сходятся рельсы,
и мельчают столбы.
В две неравных шеренги
построенные дома,
как по команде *равняйся!*
подтягивают фасады.
Пародия на парадиз,
осадок райского сада –
выжившие деревья:
выжившие из ума, –
ибо как сохранить
верность своей природе
там, где природа-мать
лишена родительских прав?
Разные варианты
соборности перебрав,
род образует город:
общежитие, вроде
огромного муравейника.
От зари до зари
вдавлен лицом в толпу,
индивидуид привыкает к отраве;

осознавший свою отличность
от прочей разумной твари,
раздвигает пространство,
чтобы спрятать себя внутри.
Трудно быть инородным
телом в толпе. У лиц
общее выраженье –
отраженье в витринах улиц,
и подозреньем клеймен
тот, на кого оглянулись:
иностранный турист
или ушлый странник Улисс.
Улица как река,
как строка по кривому крою;
хоть перспектива задана
точками на прямой,
те, что ушли из дома,
и те, что вернулись домой,
врозь – как венозная кровь
с артериальной кровью.
Город пропитан (как торт
смесью из меда и яда)
прелестью сладкой жизни
и отвращеньем к ней;
дрожь отраженных в луже
воспаленных огней –
словно в зрачке слепого
наваждение взгляда.
Это знак без значенья,
которым нельзя пренебречь.
В междометиях – *ах!* –
обretается гений места.

Уходя в глубину,
выходя за пределы текста,
улица продолжается,
словно прямая речь.

2.

Тем незаметнее грань,
за которой процесс ухода
теряет начальный пафос.
Улица сходит к реке.
Прямые линии жизни
сходятся в тупике;
далее через Лету
нет ни моста, ни брода.
Последняя остановка.
На берегу реки,
где кончается улица
с односторонним движеньем,
временная победа
сменяется пораженьем.
Ставка на жизнь проиграна.
Старые игроки
рвут ненадежные карты
и возвращают билет,
получая проценты,
почести, дифирамбы.
Что такое культура?
Возведение дамбы
от половодья Леты,
от наводненья лет.
Для пролетного ангела
город вроде простой

проекции ада на плоскость.

Для предержащей власти
улица лишь канава
стечения обстоятельств
в русло истории, или...
или крови в застой.

В апофеозе площади
церковь: *Спас-на-крови*, –
храм, увенчавший веру
в непогрешимость державы.
На свет поминальной свечки
находит тень Окуджавы,
и у часовни сменяются
часовые любви.

Вера, любовь, надежда:
три ипостаси в одном
чувстве, лишенном меры –
желании быть счастливым, –
в остром, неодолимом
вечном, неутолимом
поиске постоянной
функции в проходном
аргументе, – однако
ответ каждый раз иной:
образ воображенья
не идентичен иконам;
по расхожему мнению,
ставшему над законом,
корень добра считается
мнимой величиной.

Ум заходит за разум,
словно коса на камень.

Полной мерой движенья
служит вечный покой.
В метафизическом плане
города над рекой
улицы лабиринта
названы тупиками.
Истина без иллюзий
как-то слишком гола;
ей, словно красной девке,
надо бы набелиться.
Трезвый мыслитель в Афинах,
Париже, Москве, Тбилиси, –
где ни жил – не прижился
и не нашел угла.

3.

Каждому страннику в мире
где-то должен быть кров;
угол в конце дороги,
невелик и укромен, –
чтобы в нем было тихо,
только тикал хронометр;
чтоб оседала память
и остыvalа кровь.
Полной копной покоя
завершатся труды
сева себя и жатвы –
цикл житейского круга;
помыслы и сомнения
переходят друг в друга, –
так в природе свершается
круговорот воды.
В мире всему есть место.
В мире всему свой срок.

Каждый закат – как отсвет
крайнего дня творенья.
Павшие духом герои
учат урок смиренья,
пропись двойной морали
читая меж красных строк.
Сколько других ни слушай,
сколько себе не лги,
суть теряется в сущем,
словно иголка в стоге.
Так Одиссей на Итаке
подсчитывает итоги,
складывая пожитки
и отдавая долги.
Так талант разошелся
звоном мелких монет.
Скучный остаток жизни –
ожиданье парома;
на берегу надежды
пристань ладьи Харона.
История необратима;
альтернативы нет.
Чем утешится сердце,
пройденный путь итожа? –
догадкою, что бессмертье –
фиксация, вроде сна,
где река Гераклита,
Лета, Сена, Десна
в среднем теченье жизни,
в общем, одно и то же.
Время – русло сознанья;
разуму не дается
ни истока, ни следствия, –
только след на воде.

Если верить Эвклиду,
вечности нет нигде.
Если прав Лобачевский,
в вечности все сойдется.
Наглядная очевидность
глаз никому не проест.
После успешного опыта
(испытанье Иова)
Бог, сходясь с Сатаной,
уверяет снова и снова,
что *homo sapiens*, в общем,
перспективный проект.
Его оппонент кривится;
он в этом не убежден, –
человек в перспективе
ставит проблему сходства
невоплощенного слова
и неизжитого скотства
в точке, которую надо
ставить в конце времен.

наст оящее врем я
Ale

В соты стихотворенья
время стекает вчуже –
время его прочтения
или время создания –
потому что поэзия
проходит мимо сознания
и западает в душу;
разум подвержен порче –

для исчисления сущего
ему не хватает времени –
а самородное слово
подобно добруму семени
и вырастает в образ
на плодородной почве.

Я пишу эти строки
о времени посредине
предпоследнего года
второго тысячелетия
от Рождества Христова;
истина, то бишь aletheia,
не в лексиконе и не
в лейтмотиве эпохи.

Наши труды и дни
лишены величия эпоса:
прогрессирует техника,
что же касается этоса,
то воровства и варварства
как при царе Горохе.

В сточных каналах прессы
истина тонет в пене;
по разливанному морю
эфирному аки посуху
можно открыть Америку,
оккупировать Косово, –
только толпе до фени –
ближе свои заботы;
ни закона, ни совести:
все равняют по доллару.

Говорят, демократы
Россию Соросу продали...
Видно, их облапошили –
там же не идиоты.

К вяющей славе эпохи
отменена цензура.
Что же читает нация?
объявленья и вывески.
Разве что долг филолога –
выискивать всякие изыски:
в данной строке цезура
ломает форму октавы;
примененье синкопы
критик сочтет оправданным,
иже художник слова
тот же торговец краденым
воздухом эмпиреев
с примесями октана.

Эту заявку на оду
не подпишет Гораций:
перечень несуразностей!
какая, к черту, поэзия?
присочинить идиллию
было б куда полезнее
и приятней гораздо...
да видно пламя погасло;
на священные жертвы
все лимиты исчерпаны;
постмодернисты склоняются
над лошадиным черепом,
предъявленным к опознанию
как останки Пегаса.

Определение вещи
по облюбованной части –
способ самоохранения;
выбирая из крошева
будней проблески светлого
и прожилки хорошего,
понимаешь: ты счастлив!
код надежды прочитан:
вещи в закладе памяти
не подлежат старению;
выйдя из дебрей бреда
по тропам стихотворения,
ты сам себе не следствие,
а навсегда – причина.

Счастье – войти в теченье,
теряя опору в иле
и зачерпнув за глаза
золы золотого сияния, –
чуть очутиться в детстве,
в колыбели купания –
плыть почти без усилий –
как выходить из комы:
не сожалеть ни о чем
и не жалеть о краткости
дня, который сложился
косвенно в оду к радости;
рифмуя святое с грешным,
нечаянное с искомым –

плыть, бормоча блаженно
имя Господне всуе...
Зеленоватые воды
с пузырьками и листьями...

баламутные волны...
и холодные мглистые,
но прозрачные струи
из родников придонных...
рыбы, личинки... частицы
глины, гумуса, кремния
в непрестанном движении...
Это метафора времени
по Гераклиту. Сознанье
тоже реке подобно.

День, золотой, как волос,
выпавший с маковки лета
и унесенный временем
в общее место прошлого,
растворяется в памяти,
рассыпается в крошево,
кружево тени и света:
ивы глядятся в воду;
их мозаичные тени
перемежаются бликами;
рифмы кружат над мыслями,
как пчелы над повиликами,
и меланхолия медом
собирается в оду

к повседневности, с ходу
посвященную Але.
Вечер над Козьим парком
сцеживал тени в сумерки,
и над ухом зудели
комариные зуммеры:
срочный вызов? едва ли...
что-то в нас опоздало;

наше время проходит,
словно реки течение –
настоящее, личное,
отпускное, вечернее –
нам его впредь отпущено
исчезающее мало.

Время прогулки вышло.
Кот, лысеющий с пузы,
на три октавы мява
гонит негодование
тем, что его оставил
одного на диване я,
а одному так пусто,
скучно и жрать охота;
он не просит, а требует:
к ужину не запаздывай!
Мне бы тоже хотелось
жить у Христа за пазухой
или, во всяком случае,
надеяться на кого-то.

В открытую дверь балкона
проходит волной прохлада,
напоенная свежестью
и речными туманами,
оседающей пылью,
сеном, снами и странными
запахами распада, –
как тревогой забота:
ключья табачного дыма,
едкость чего-то потного

и – как последний выдох
вымершего животного –
выход старого чада
с заброшенного завода.

Этот текст не поэма,
а протокол допроса
данной мне в обобщениях
макро- и микроистории
в поисках очевидности
(*aletheia*) – той, которую
не фиксирует проза
факта и документа;
понеже муга анализа
не удостоена имени, –
если не аналогия,
может быть, метонимия
хоть ненароком высветит
подоплеку момента.

По мелочам, по мигам –
вот и растратил день я...
Повседневность, как женщина,
не привержена логике:
там, где яставил крестики,
образовались нолики –
как круги от паденья
в гераклитову реку
кислых июльских яблок,
не угодивших Ньютону
в темя. Как тайна тяжести,
так же спонтанно–путано
тяготенье танатоса
свойственно человеку.

Счастье в России скрыто,
как соучастие в краже.
Видно, мы ладно скроены,
да шиты ветхими лыками.
Впрочем, я не об этом...
Кот своими мурлыками
вяжет нежную пряжу –
и латает прорехи
в метафизической ткани
повседневного вечера,
тайный пафос которого
в восхищении вечного –
вопреки очевидной
правде фразы про реки.

День, проведенный даром –
профилактика спина;
модус беспечной радости
с примесью меланхолии –
этот настрой целебнее,
чем настой коланхоэ;
клин вышибают клином:
счастлив, кто обнаружит
посредине течения
островок безмятежности,
где гонимый забудется,
где печальный утешится,
где ветерок эротики
сладко голову кружит.

Правда ума и сердца
скрыта единым кодом.
Эрос – это свобода
вещи-в-себе от веществности,

смутный, сиюминутный
образ желанной вечности, –
и расколдованным входом
в эдем окажется лоно
обыкновенной женщины,
по произволу эроса
ставшей и.о. Венеры –
в эту богиню верится
ныне так же неистово,
как и во время оно.

Ночь пропитала тьмою
поры Новгореграда,
с неких пор населенного
ангелами опальными,
чье духовные ценности
заложены в банке памяти;
вера в надежность вклада –
это все, что осталось.
Наше время стекает
в таинство сновидения, –
словно гений без места
находит место без гения...
далее неразборчиво:
эрос или танатос...

ожидание прошлого

*Когда вы будете в Спасском,
поклонитесь от меня дому,
саду, моему молодому дубу,
родине поклонитесь...*

Иван Тургенев (из письма)

Я знаю, что ты с годами
не обо мне жалела,
просто душа, как кошка,
с голоду ошалела.
Ты наведалась в прошлое,
но там никого не застала,
только, забытые в спешке,
свалены как попало
тени,
и прелые листья
засорили ступени
дома, где мы когда-то
жили... нет – обживали
пятый угол в избушке,
в нашенском Буживале.

О моя ненаглядная!
О моя золотая!
Анальгин аналогий
от ностальгии глотая,
ты в зеркалах гадаешь,
бледные губы крася,
на тургеневских женщин:
Лиза? Елена? Ася?

Ты бы хотела спрятаться
в маску и оголиться, –
но поводок морали
с годами укоротили
урывения совести.

(*Страшный сон нигилиста
о цафевне-лягушке,
делавшей харакири*).

Карты воспоминаний
раскладывая пасьянсом,
ты гадаешь о прошлом
с сожаленьем неясным:
как же так, между прочим,
выперли нас из рая?

Карты воспоминаний
бережно перебирая,
словно послушник четки,
словно пастух гармошку,
запоздало смакуешь
каждую сладкую крошку...

Не знаю, как остальные
вмещают былое, – я бы
сравнил свою ностальгию
с вареньем из райских яблок.

В старости, выцветая
в тон потускневшим краскам,
классик писал в печали:
Когда вы будете в Спасском...
Мы там были с тобою;
проторенной тропою
топали по аллеям, смешиваясь с толпою

поклонников старого стиля,
в полупоклоне тупо
обмиравших у дуба;
а в закоулках парка,
в углах глухих и тенистых,
литературоведы
прятались от туристов.

Когда вы будете в Спасском
читается, между прочим,
как обращенье к потомкам:
Когда вы будете в прошлом.
Синтаксис не позволил
сказать о том откровенно.
Медленно истекало
время, как кровь из вены.
Солнце померкло в полдень,
и скептик вспомнил о Боге.
Боже правый, зачем же
нет обратной дороги
в сад, где райские яблоки
ворохом, возом, кучей...
На имение времени
негде составить купчай.

Ностальгия не выход;
это тупик, в котором
эхо низводит музыку
к паузам и повторам,
телодвижения к позам,
выражения к маскам:
когда вы будете в Спасском...
когда вы будете в Спасском...

что, заело пластинку?
Боже мой, сколько пыли
в застоявшемся воздухе!
Исподволь подступили
дни на голодной диете, ночи на анальгине.
Ожидание прошлого –
вот синдром ностальгии.

Эти места, где раньше
мы, как умели, жили,
заселили другие,
не такие, чужие.
Минное поле памяти –
особая зона риска.
Невозвращенцев в сознание
вычеркнет врач из списка
подлежащих лечению
и выпишет справку: *умер*.
Напряжение тока
крови в висках как зуммер;
это вызов. Ты скажешь:
– Да, это я, – на это:
... ждите ответа...
ждите ответа...
ждите ответа...

Смутный внутренний голос
врет нам как сивый мерин, –
голос, лишенный горла,
посторонним не слышим:
лучше терпеть лишенья,
чем оказаться лишним...

Только тот настоящий
рай, который потерян.
Так полагал Набоков,
ностальгений столетья.
Боже, сущий в молитве
на правах междометья –
Боже, дай сил изгоям,
сделай полегче путь им!
Когда вы будете в Спасском...
Мы-то уже не будем.

Не звони мне с вокзала.
Как сие ни прискорбно,
физика доказала:
время анизотропно,
то есть,
нигде не купишь
билет на обратный поезд
до остановки Бастьево;
от нее через поле
версты четыре, не боле...
Что ж ты кусаешь локти?
Страсти отбушевали.
Легче на встречной телеге
добраться до Буживаля.

Я почему-то верю,
что в вертограде рая
вечность как день в деревне,
где наша хата с края,
где “возлюбите” помадой
подчеркнуто на скрижали,

где ангелы, как махаоны,
перелетают лужайки,
где ни слезы, ни печали,
ни вздохания ветра
от Лутовинова поля
и до Кобыльего верха, –
лишь перекличка птичья
да в перелеске крики:
– Господи, земляники-то!
Господи, земляники!

Варенье из райских яблок
не бывает прогорклым.
Сон по завалам памяти
бродит, как по пригоркам
края, где в перспективе
сходятся кой веки –
в зарослях иван-чая,
там, на Кобыльем верхе,
на перекрестках парка,
в голубых луговинах,
или в аллее, где в полночь
является Лутовинов...
Когда ускорение времени
выбросит нас из круга,
наши с тобой фантомы
там будут искать друг друга.

Мы потеряли время,
словно просрочили вексель.
Грустно, дружок; ну что же...
мир не так уж и весел;

если в его основе
россыпь случайных чисел,
жизнь удалась хотя бы
тем, что она случилась.
Но, может быть, ностальгия –
это предоощущенье
не возвращенья к старому,
а нового превращенья?
Спи, дружок, доверяя
сон свой волшебным сказкам:
жили-были однажды...
когда вы будете в Спасском...

квартет для сэра исаака

В данном пространстве и времени...
Исаак Ньютон

1.

Кучевых облаков
гигроскопическая вата
медленно розовеет
там, где, сходя по куполу
неба, солнце старается
соответствовать глупому
описанью заката.

2.

Музыка сфер зависима
от механики небосвода,
ибо в изнанке пейзажа
неизбывный закон мироздания,

ибо передний план
уступает заведомо заднему
горизонты свободы.

3.

Если только сознание
не разновидность транса,
если оно способно
трезво судить о времени, –
время как категория –
побочное следствие трения
вечности о пространство.

4.

На празднике озарения –
во мраке ли, на заре ли –
нет ничего таинственней
и прекраснее явного...
Как согрешившие ангелы
на землю падают яблоки...
Наверное, перезрели.

КАК БЫ КНИГА

в этом краю...

В этом краю сиротливых берез
и лебединых разлук,
что ни находишь, что ни берешь –
все ускользает из рук.

В этом краю, где лишь Бог без греха –
здесь тебе жить суждено,
сердце скрепя красной нитью стиха,
чтоб не порвалось оно.

Этот ли край, что свой гений сгубил,
место красивой тоске? –
капельку меда слижешь с губы ль –
деготь на языке.

Долготерпения край твоего,
данный в недолю, чтоб ты
мог бы за многие беды его
вызволить из немоты.

весна воды

Жизнь разошлась на мелочи;
что ни возьми – пустое.
Жить бы и жить! – да незачем;
быт потерял устои.

Что-то вершилось исподволь,
размывало границы.

Жизнь уложилась в исповедь
на полторы страницы...

Вот и зима кончается.
Солнечный луч с обрыва
ловит на блики зайчиков
сердца вялую рыбу.

Бодрой капели музыка –
дивертишмент свободы.
Господи, сколько мусора
носят вешние воды!

Легким, пустым – ограбленным
временем или роком –
плыть бумажным корабликом
по весенным протокам.

с т о ч к и з р е н и я в е ч н о с т и

Ночь над Окой;
покой...
из-под
высоких облаков
на купу
дерев находит тень;
сквозь лупу
Луны
в Оку
глядит
Господь, –

залюбовавшись местом,
где
в излучине
тумана глыбы,
а рядом маленькие рыбы
играют с рябью на воде...

попытка к бегству

Сон ли не в руку,
хожденье по кругу не в ногу...
Не совпадает
течение времени
с календарем...
То, что дается легко,
то и стоит немного.
Жизнь не сложилась, – и ладно.
Давай, удерем
в брошенный край,
где рассеянный месяц ночами
тихо всплывает
над пустошью выжитых мест, –
чтобы начать все сначала,
и чтобы в начале
было не слово,
а жест удивления,
жест...

Шелест густой тишины
утешает по-женски,
словно и впрямь небеса
снисходительны к нам;

яблоки падают озерь,
и в сонном блаженстве
зябкие яблони
кутают ноги в туман...

ночь перед рождеством

Творя непотребства и благотворя,
сочельник вошел во врата января, –

и снежные призраки падают ниц, –
и звезды мерцают сквозь трепет ресниц,

и взор озаряет таинственный свет –
как знаменье чуда, которого нет...

меж небом и снегом ни стыка, ни шва,
но в наши пенаты звезда не зашла;

ночь колется искрами черного льда...
а по околотку идет коляды:

огни загораются, тени снуют,
хозяева ряженым щедро дают –

где сала, где денег, где горстку конфет,
кто сальную шутку, кто добрый совет;

а в стеклах мерцает неясная мгла:
невесты и вдовы глядят в зеркала

с надеждой и страхом – и с трепетом жгут
церковные свечи и суженых ждут...

сквозь все ожидания, мимо молвы,
неслышно, незримо проходят волхвы, –

в овечьих дубленках и масках волков,
веселые лохи пугают волхвов;

поземка заносит цепочки шагов
по синим откосам осевших снегов...

бывть поэтом

Один из шести бессмертных
великих поэтов Ямато,
Кисэн жил в VIII столетье;
он был буддийским монахом
и жил как обычный отшельник
в местечке по имени Удзи
недалеко от Киото.
Уже через три поколенья
о нем ничего не знали,
и лишь в *Кокинсю* остались
два маленьких стихотворенья, –
не хуже других, и не лучше.

Но слава его не померкла.

215

Кисэну не снилась слава.
Ему ничего не снилось.
Ночь щупала хилое тело
сквозь щели в непрочных стенках
холодными сквозняками;

в жаровне мерцали угли, –
багряные, золотые...
(о чем огоньки шептались
ехидными язычками
поверх голубого пепла?), –
а в шорохе криптомерий,
сгущавших осень над крышей
простуженной хижины, слышал
Кисэн чужое дыханье, –
и лунная пыль садилась
на тихотекущие воды,
на полупожухшие травы,
на вытоптанные дороги
и на огородные грядки,
где только что и осталась
одна недозревшая тыква, –
а в чашу для подаяний,
забытую на пороге,
с навеса падали капли:
короткий вечерний дождик,
свернувшись, дремал в соломе...
и пряча ветхое тело
в прорехи ночного халата,
Кисэн сравнил себя с каплей
и, может быть, улыбнулся.

*Я думаю, быть поэтом –
не значит: бредить стихами,
но значит нечто другое,
о чем словами не скажешь*

в о с п о м и н а н ъ е о ...

Воспоминанье о ...

дыркою от баранки
не утоляет грусть,
и, поди, разберись –
что тебе буркнул рок
поперек перебранки? –
то ли, пеняя: *брось...*
то ли, шпыняя: *брьись!*

Ветер блудит в саду

и, набирая наглость,
хочет раздеть жасмин;
слабо трепещет куст...
В соты календаря
сладко стекает август –
медлен, словно закат,
и, словно масло, густ.

Воспоминанье о

том, что томило, или,
если назвать точней:
утомляло – теперь
перетекает в сон...
время, что мы любили,
входит в чертог теней
и закрывает дверь.

конспект стихотворения

Из ненаписанного

Жизнь состоит из пропусков,
прогулов, прогалин, проплешин,
в коих копится мусор:
 неоплаченный долг,
письма мертвых людей,
 остановленные мгновенья,
опустошенность будущим
 и пресыщенность прежним...
Тихий сквозняк склероза,
 забвения холодок,
входит озабочом в сон,
 что недобрыйм ветром навеян.

Чем дальше, тем больше можешь;
 чем ближе, тем меньше хочешь.

Август. По скучным улицам
 шатается рыжий дождь,
гоняя собак и кошек.

Над головой зависли
дребезги солнца и брызги...
 словно шампанским, щекочешь
воображенье... бестолку:
 разве что легкая дрожь
перебежит дорогу
 центростремительной мысли.

Гамлет в сцене на кладбище
 держит собственныйй череп.
Тот, кто считает иначе,
 дурак или оптимист.

Зная о неизбежности,
стоит ли мучиться из-за...
Лимит на прописку в классике
задолго до нас исчерпан.
Внутренний цензор читает,
морщится, комкает лист.
Что ухмыляешься, муз?
Тоже мне, Мона Лиза...

д ж а з н а к о с т я х

Памяти шестидесятых

Музыка копится в памяти
и вылетает в трубу.
Липы скрипят на кладбище,
и кости стучат в гробу:
мертвые музыканты
во тьме отбивают такты, –
наверно, уже не страшно,
но скучно им – ждать суда, –
им хочется выйти из вечности,
уйти все равно куда,
во всем положившись на время,
на ноты, на музыку. Так-то...

А ты в себе цепенеешь,
в сердце холод тая, –
как будто наледь на ребрах,
как будто душа твоя
ошиблась, то есть – ушиблась,
и на отшибе немеет.

Ты много го в жизни добился,
но вспомни – какой ценой...
ты научился свободе,
но поздно... так пес цепной,
оказавшись на улице,
далъше жить не умеет.

А липы скрипят и шепчутся...
наверно, будет гроза.
Мерцают и гаснут звезды.
Серебряная фреза
луны полирует небо
до вороненого блеска.
А ветер, шаря по улицам,
мешает музыку в шум,
и всякие вечные пошлости
приходят тебе на ум,
и что-то в тебе кончается –
не больно, но очень резко.

поэт в деревне

1

Бездельничать, не чувствуя стыда.
Как мимолетны дни! На то и лето, –
потерянное время для поэта,
понеже музу ленится, когда

в прозрачных водах тонут облака,
и золотым дождем омыта зелень;
настоем трав, как приворотным зельем,
опоены окрестные луга.

Как ни суди и сколько ни крути,
здесь все на месте – лишь поэт некстати.
Несспешная тропинка на закате –
метафора окольного пути.

Прохожие, слегка навеселе,
насмешничают, сплетне потакая:
мол, что за баба у него такая?
и сам, видать, немного не в себе.

Но спит собака в недрах конуры,
и не созрели яблоки раздора, –
а музу утомляют разговоры,
и ночью донимают комары.

2

На безымянной малой высоте,
где луг беспечный плугом разворован,
на кое-как сколоченном кресте
пустой пиджак воздет на страх воронам.

Туда, откуда вышел поутру,
другой дорогой возвращаюсь вспять я, –
где пугало трепещет на ветру
нечаянной пародией распятья.

Кругом такая тишина и благодать! –
все расцветает, чем сады богаты...
и я не знаю – как истолковать
явление евангельской цитаты:

во благо ли мои труды и дни,
и храм любви восстанет из развалин?
А может быть, я пугалу сродни –
и не распят, а попусту распялен?

Переплетая таволгу выонком,
перемежая пижму иван-чаем, –
чудная муза вычурным венком
трагическое чучело венчает.

поэт в городе

1.

О, Музы! С риторических вершин
сойдите в просторечье и восславьте
мерцающие лужи на асфальте,
шершавый шорох торопливых шин,

самопознанье женщин и мужчин,
разнообразье лиц, личин и ликов,
разноголосье шепотов и криков,
неразбериху следствий и причин,

последнюю копейку на кону,
бензина серый запах и сирени
смиренный дар, истерику сирены
кареты скорой помоши ... кому

понадобилась помощь? И о ком
поет гармонь, прохожих удивляя?
Куда летит кибитка удалая –
автомобиль с беспечным ездоком?

О, Музы! Не оставьте в суете
без милости своей – без вдохновенья,
пока не соберу в стихотворенье
слова, слова, слова... всегда не те.

2.

Что значит в мегаполисе рапсод
сам по себе? Согласно протоколу,
Пегас задержан и отпущен под
подпиську о невылете. Такому...

такому унижению поэт
не подвергался со времен Гомера:
для быдла муза – блядь, Пегас – химера,
поэзия – пустопорожний бред.

Обиженный, поэт ушел в запой;
пой, муза, или вой – теперь не скоро
возьмется он за лиру... сам с собой
поэт ведет бессмысленные споры;

он пуст, надломлен и почти готов
признать на языке презренной прозы,
что на земле полно шипов без розы,
но не бывает розы без шипов, –

и, чтобы время выразить полней,
пощечиной общественному вкусу
поэт свою потасканную музу
выводит на газетную панель.

поэт на земле

1.

Здесь, на Земле – земле изгнанья, где мы должны свой жар душевный остудить, все так похоже на сады Эдема... но только внешне, – если не входить

в подробности, в детали и в заботы познания в себе добра и зла: здесь столько крови, столько слез и пота должно пролиться... и пролиться зря:

здесь все умрет, и станет тело грязью, бумага пеплом, а слова ничем, все образы сведя к однообразью небытия... а если так, зачем,

зачем, зачем, гоняя кровь по жилам, так бьется сердце? – исстари и впредь, все то, что живо и доколе живо, противится соблазну умереть...

Здесь, на земле, где бедного поэта так просто обездолить и сгубить, – зачем нужна поэзия? – чтоб это небытие понять и искупить.

2.

Кастальский ключ иссяк, и к стакану['] поэт припал обмякшю губою, – оставлен Музой, обделен судьбою, на всей земле не нужен никому.

Коли гореть – так уж сгорать дотла,
а из него ни мастера, ни мужа;
не потому ли ветреная Муза
помыкалась – и к рэперу ушла.

Такое горе не залить вином;
стезя поэта в старости позорна;
весна прекрасна, и земля просторна,
но на земле хозяин – агроном.

Уйти в запой или пойти в народ,
с которым связан (узами? узлами?)...
да только меж ослами и козлами
Пегас – мутант (а попросту – урод).

Поэт, не спорь и не судись с судьбой,
но, если искра божья не погасла, –
порви черновики, порви с собой,
порви аорту – напои Пегаса.

уроки истории

Перед взором Гомера равны
ветераны троянской войны.

Спят испившие славы герои.
Корни трав тянут воду с лица.
Но стучит белый посох слепца
по камням обезлюдевшей Трои.
Дух геройства нисходит на спад,
переложен на римское право.
Спят герои, испившие славы,
а хлебнувшие лиха не спят.

По дорогам проходят века.
Горделиво проходят под арку
сибарит, заслуживший подагру,
паразит, не достойный плевка.
Дух остывший едва ль разогреешь.
Ход истории не поменять.
Этим – жадным до хлеба и зрелищ –
бремя рока уже не поднять.

Между прочими разницы мало
на критический взгляд Ювенала.

с о н е т о х о ж д е н и и в о т ъ м е

Я не ищу сиюминутных выгод
и преходящей славы не хочу, –
как мотылек, летящий на свечу,
наивно принимает свет за выход,

так я, нездешним светом одержим,
с младых ногтей и до зеницы ока,
хожу во тьме, заглядывая в окна
и в лица посторонним и чужим.

Зачем я так живу? Не знаю... чтобы
дыханием дырявый воздух штопать,
из шатких шансов выбирать не те;

меняя упования на опыт,
не откликаться на призывный шепот,
идти на свет – и медлить в темноте.

сонет о летящей стреле

Нет лучше выражения пока
для пониманья жребия земного,
чем неподвижная стрела Зенона,
летящая во тьме через века.

Не совпадая с собственной судьбой,
испытывая страсти и лишенья, –
быть луком, быть стрелой и быть мишенью
одновременно – значит: быть собой;

быть на посылках у свободы воли,
в заложниках у доли и недоли,
единым мигом в веренице лет, –

и выразить в предсмертное хрипенье
страх промаха и трепет нетерпенья,
и подозрение, что цели нет.

над рекой времени

Падает дождь золотой;
катится гром вдалеке;
баба идет за водой
к черной реке.

Перекрестясь на гром,
баба, сгибая круп,
ловит в реке ведром
посеребренный круг,
блики и облака
перемешав в воде...

Время, словно река,
тихо течет *нигде*,
тихо, едва-едва,
ржавчиною вреда
гложет года...

Вода

лижет края ведра.
О, как она черна,
пойманная вода! –
сладкая, как *вчера*
с привкусом *никогда*.

ч а с м е ж с о б а к о й и в о л к о м

Бежать: куда-то, куда-нибудь;
бежать все равно куда, –
насколько хватит охоты,
сколько достанет мочи;
ломая дрожащей лапой
грязную корку льда,
лакать холодную воду,
впитавшую тяжесть ночи.

Для озверевшей собаки
семь верст до небес не крюк.
В октаве волчьего воя
ветер да божья воля:
где-то за частоколом
посохов, палок и клюк
дикое поле,
чистое поле,
широкое поле, –

там меж землей и небом
больше нет ничего –
ни поводка, ни повода
быть привязанным к месту, –
там можно скользить во мраке
сгустившимся сквозняком,
неодолимым страхом,
неотвратимой местью.

Пока белый свет не застила
багровая пелена,
бежать: туда, где пропавшего
не достает до стаи;
в поле собачий холод,
а над полем луна –
близко, а не укусишь;
низко, а не достанешь...

закат

Не слышать гул времен, не слушать вечный гам...
Как следует вопрос к конечному ответу,
плыть по течению волн реки, текущей в Лету,
и не принадлежать надежным берегам.

Желанье вечно жить теряет свой резон:
так меркнет белый свет за синими лесами;
так тяжесть на душе смывается слезами;
так медленная боль стекает в долгий сон.

Неведомый уму и невидимый страж
стирает мягкой тьмой случайные приметы;
раздельные цвета и разные предметы
на горизонте дня сливаются в пейзаж.

Пора потратить все, что сердце сберегло –
чем было и еще чем не было богато –
по курсу разменяв, как золото заката
на слезное в горсти речное серебро.

из пустоты проступая...

Из пустоты проступая,
вступая в связи и склоки,
в междуусобицу тезисов,
состязанье не тех не теми, –
осознать себя сущим,
перебирая осколки,
не имущие смысла,
потерявшие место в системе.

Мышь под сенью опавших листьев
собралась в комочек и внемлет
тишине, замерев от счастья,
отороченного неясной
то ли скучой, то ли тревогой:
чувством временности, – а в небе
по тропинкам ветра гуляет
роковая птица неясТЬ.

Отрывая сущность от сути,
обрывая концы и связи,
заблудиться в высоком небе,
затеряться в широком поле, –
исходя из того, что было,
уходя из себя восвояси,
ничего не возьмешь с собою,
ничего – ни любви, ни боли.

о себе, вкратце

Жил как мог – и вот я дожил
до пятидесяти лет:
никому рубля не должен,
и копейки лишней нет.
Нет ни славы, ни коровы,
мочи нет – и мне под стать
малахольный кот, который
стал под старость облезать.
Нет ни цели, ни интриги
вместо цели... Все, что есть –
это книги, книги, книги
(за полвека не прочесть), –
эталоны стиля, слога,
сплетни, летописи, сны...
в бесконечность каталога
и мои занесены:
сожаления о годах,
от которых ничего
не осталось в мелких водах
вдохновенья моего.
Впрочем, я доволен данным
положением, зане
образованные дамы
снисходительны ко мне.
Я не жалуюсь, не ною
и не требую рожна:
коротает век со мною
терпеливая жена.
Значит, все не так уж скверно
для пятидесяти лет:

чай цейлонский, томик Стерна,
полуночной лампы свет.
Значит, можно отстраниться
силой слов от злобы дня, –
жаль, что лучшие страницы
написали до меня.
Жаль, что бедное жилище
обветшало... *c'est la vie.*
Кот мурлычет... спи, дружище,
и во сне мышьей лови.

прощание, прощение...

Ale

Ты можешь разлюбить меня, и все же...
Притихнет, оробев, ветров орава,
опилки солнца потускнеют в травах...
И все же ты забыть меня не сможешь.

И в суете, и в праздных разговорах
тебя настигнет странное молчанье:
ты в нем расслышишь музыку печали –
стихов моих косноязычный шорох.

А в прошлом все прозрачнее и проще:
никто не упрекнет и не осудит, –
лишь холодок прощения остынет
тревогу, воспаленную на ощупь.

Неслышно, невидимо, невесомо
в тебя вернется изгнанная память, –
и сердцу горя тайного не хватит,
и сумеркам не хватит горизонта.

с е н т я б рь

Марье-Леене Миккола

Настанет день – и вновь потянет
бродить окольными путями,
свет собирая на заре
в сентиментальном сентябре;

крошить грачам сухую корку,
гуляя лесополосой;
не обрывать рябины горькой
с ветвей, сверкающих росой.

А там, вдали за поворотом,
по деревенским огородам,
осенний дым: едва-едва
горит намокшая ботва.

Еще светла в лесу прохлада,
и весела в реке вода...
и человеку мало надо,
но только надо навсегда.

п с а л о м в п о л г о л о с а

*Светлой памяти
Ларисы Камышаловой*

233

Неяркими лучами
лампадного огня
не просветить печали
сорокового дня, –

она неизречима,
густа и холодна,
как темная кручина,
как тайная вина.

Не закрывают будни
пробоины в судьбе, –
и надо все подспудней
таить беду в себе:
в душе ли, на уме ли –
то, что не входит в речь;
то, что мы не умели
от тлена уберечь.

За числами пустыми,
за смертною тоской, –
о Боже! со святыми
усопших упокой...
Свет застrevает в шторах,
и тихая молва
размалывает в шорох
уставшие слова.

п е ч а л ь о б у ш е д ш и х

Прошлое... – водоем
(озеро или пруд)
мертвой воды. Войдем,
освободясь от пут
опыта: каждый шаг
легче; не жмет уже
возраст, словно башмак,
стоптанный по душе.

Там, за водою, жгут
хворост, и у огня
все собрались и ждут, –
ждут одного меня;
тихие голоса –
эхо издалека, –
словно прощенье за
то, что я жив пока.

Все, что из ряда вон,
чересчур, через край, –
 заново сводит сон...
может быть, это – рай:
берег времени, где
вместе, по одному
вновь сберутся те
дни, что ушли во тьму.

Облаком в вышине
мимо плывут года;
было – и больше не
сбудется никогда...
Жить, сквозь себя скользя
за вереницей лет, –
ведь умирать нельзя,
зная, что рая нет.

элегия на смерть кота

Надо себе не врать
и, отбывая быт,
надо у мертвых брать
мужество в мире быть.

Трудно было смотреть
друг на друга, когда
в дом заходила смерть,
чтобы забрать кота.
Чем мы могли помочь
в час, когда он зачах?
Тихо густела ночь
в красных его очах;
стыла по жилам кровь;
слонка текла на плед...
С нами делил он кров
целых пятнадцать лет.
Столько уже утрат
было – и ничего,
пережили... С утра
мы закопали его.
*(Сглатывать в горле ком
и, завершая труд,
сыпать тупым совком
комья земли на труп).*
Жалуясь и винясь,
живь и знать наперед,
что когда-то и нас
смерть вот так заберет...
Если нам поп не врал,
если наш Бог всеبلاغ, –
значит, он пустит в рай
всех котов и собак.

старость буратино

Время необратимо
плоть поражает тленом;
старому Буратино
хочется быть поленом, –

чтобы не знать в помине
сердцу судьбы и воли;
чтобы пылать в камине
весело и без боли...

Время стучит по стыкам:
годы летят в составах
лихо, как гоп со смыком,
лихо, как боль в суставах, –

в глуби хворобы карма
тащит корягу тела;
боже мой, папа Карло! –
что ты со мною сделал...

обними меня

...Обними меня, пока,
размыкая наши плечи,
нас не унесла далече
вековечная река;

все напрасней и скорей
пролетают дни недели;
что-то зябко... в самом деле,
обними меня, согрей;

тихий ангел за плечом
вспоминает все сначала:
все, о чем ты умолчала
(все равно уже – о чем);

лицезрением сплошным
пустоту в зрачке заполни, –
ты таким меня запомни –
не веселым, а смешным:

не рассыпаным в молье,
от напраслии ошелевшим,
с небольшой ученой плестью
на упрямой голове...

ночной листопад

Из безраздельного мрака,
черного чрева ночи,
кто-то проехал мимо
остолбеневших деревьев, –
в шепоте вялых листьев
глохнет тихое эхо:
что это было? если...
это что-нибудь было:

через застывший воздух,
мимо чужого взгляда,
в мантии из тумана,
в короне из паутины –
едет прозрачный всадник,
но седло его пусто,
и лошади нет в помине,
и чуду нет очевидца...

*все, что ни есть, то наше –
но ничего не очень...
шли к нам благие вести,
да пропали на почте...
ночью из темного леса
в люди выходит осень...
в памяти заморочки...
заморозки на почве...*

п а м я т н и к

Я не воздвиг монумента между пиитов прочих;
я не выслужил даже мемориальную доску, –
ибо в разноголосье моей написанных строчек
мало сладкого меда, больше сухого воску.

Что сказать мне о жизни? Нечего. Я не знаю
ничего, что могло бы стать моралью и мерой
между черным и белым – доля моя земная
не делилась на части и оставалась серой.

Вот мое слабое тело, не отягченное салом;
вот мое добroe имя, не уличенное славой:
зря муга дальних странствий рыскала по вокзалам,
и неизвестное нечто стояло во тьме заставой.

Что сказать мне о жизни? Что оказалась лишней, –
словно прошел по краю и не пришелся впору:
там, где ни зги не видно и ни звука не слышно,
я не сорвался в пропасть и не поднялся в гору –

просто исчез из виду где-то... А в это время
(или во время оно) кто-то словами своими
 заново перескажет это стихотворенье:
 выберет мед из воска – и помянет мое имя.

РАЗНОГОЛОСЬЕ

разноголосье

Смирная божья коровка карабкается по стеблю криво торчащей травинки, переползая робко на предоставленный палец. Как там? – божья коровка, улети на небо, там твои детки... Небеса опустели.

*Ангелы влаги в отпуске, или
антициклоны не подфартили –
столб атмосферный стоит над страною
тонким стаканом крепчайшего зноя.
В роще, под сенью зеленого крова,
круг паутины потерянным нимбом;
в редкой тени развалились коровы
томные, как разжиревшие нимфы.*

Гуденье и стрекотанье насекомых и трели разноголосицы птичьей дырочки провертели в неподвижности зноя, и через них продеты тонкие паутинки – тайные токи лета, связи всего на свете. Чувство локтя – шестое чувство, ведь все живое поглощено кропотливым делом существования... Знаю, что я не стою счастья, но почему-то хочется быть счастливым. Что-то в душе размякло и на жаре прогоркло; умиление скисло в непонятную зависть к деревенскому быту, – иже сельским хозяйством городской обыватель сыт по самое горло.

Если б уйти от мира технологии, где мы
так оскудели духом, и душа на износе, –
выкупить у природы место в биоценозе
для последней попытки воссозданья эдема.
Хочется опроститься до естества... Едва ли
что из этого выйдет, ибо не слышу зова;
кажется, что природа – мать всей и всякой твари –
чует во мне чужого.

Идеал Просвещенья, цепкий концепт *природа*
давит сразу на оба полушария мозга,
ведь теория рая к практике непригодна –
в обнаженной натуре блаженства не так уж много.
Хватит развесистой клюквы. Исстари не пестра ли
палитра сельских приволий? – это не то, что ложь, но
там, где нужда возникнет в подлинной пасторали
справить нужду несложно.

Взять бы тех утопистов, что в словах выражали
прелесть крестьянской доли – Гесиода, Руссо ли –
чтобы явили доблесть в битвах за урожай,
чтобы хитон и рубаха дыбом стали от соли.
Хватит чирикать строчки *лютики-блин-цветочки*.
Лирики проиграли физикам старые споры.
В идеальном пейзаже взгляд доходит до точки
схода условных линий – и не находит опоры.

*Где-то вне времени, в тихом затоне,
парки, вздрогнув, перепутали нити;
Гелиос вспомнил о Фаэтоне,
и колесница застыла в зените.
Высшие цели нам не по средствам...
Путая мысли, дальше по теме
разноголосица разума с сердцем
и разноречье солнца и тени.*

Белое и золотое, зеленое и голубое...
Вот я стою болваном, одурев от настоя
зрелого разнотравья. Я не знаю, не стою
большего счастья, чем это – попросту быть собою.
Изнывая от зноя, я знаю, что где-то между
небом и вечным небом припрятан пряник надежды
на перемены к лучшему (*оным вряд ли наешься*).
Орел в опустевшем небе ищет пропавшую решку,
нарезая кругами голубизну. И кругом
идет голова; я тоже чувствую недостаток
самости. Оттого ли – не по зубам, а сладок
пряник надежды? *Жалость жалит, как овод.* Лугом –
к речке, чей рыхлый берег, нисходящий полого
к неглубокому руслу, облюбовали ивы,
арендовав у осоки, многолетней крапивы,
лопуха сложноцветного и прочего чертополоха.
Заводь убрана ряской, как серебро финифтью.
В омуте ходит щука, зла и зело зубаста,
и карась задремавший не заметит... *finita la comedia; basta!*
Хочется жить иначе. Вздумаешь: опущу-ка
окаменевший пряник в чистые воды... зависть
в глубине подсознанья затаилась, как щука;
эрос тире танатос ждет, что я зазеваюсь,
и полуденный демон рыщет в небесной глуби –
он, выбирая цели, не допустит промашки...
Может, мне на удачу погадать по ромашке:
любит – не любит... любит!
Может, еще не поздно... может, мне надо снова
попытаться... Кукушка, сколько мне лет осталось?
Только... такая малость!
Ладно... лишь бы с тобою не случилось дурного.

Съежились все желанья, и утихли хотенья,
словно дано все сразу – и ничего не надо,
кроме простого права быть твоей темной тенью:
для утомленных солнцем всякая тень – отрада.
Я не услышал зова и не увидел жеста,
а на душе покойно, как не бывало сроду,
и ничего не надо мне, *помимо блаженства*
пить из твоих ладоней родниковую воду.
Я ничего не знаю – правильно я иду ли,
наугад называя травы, цветы, колосья? –
словно внутренний голос заблудился в июле
в разноголосье...

Медные звоны, медовые соты...
Через уродства, через красоты –
будь то розарий, кладбище, свалка –
катится лето ни шатко, ни валко.
Там, за лесами синими где-то
проговорилось небо громами,
что собираются грозы над нами...
К чертовой матери катится лето.

Кто ловец человеков? Если не ангел, – пуще
тот, кто не так уж страшен (*лучше сказать: скандален*).
Удаленье от мира в ближние райские кущи
для горластых приматов как удаленье миндалин.
Вон их наехало – прорва! Дети кричат, и сами,
перекликаясь в роще дикими голосами,
собирают валежник на шашлыки, и вторят
эху – и тащат, тянут, рубят, ломают, сорят...
В шею бы их отсюда! Лишь собаки и дети
счастливы здесь, на воле, сами собой, – а эти
стихли: разлили водку; заорали: “Тамара!”, –
а та у воды задремала купальщицей Ренуара.

Если б не зной да кабы не комары да мухи!
Средь истекающих медом и молоком буколик
истинный горожанин, как записной алкоголик,
удрученный похмельем, будет алкать сивухи.
Умирая от жажды над родником в овраге,
бедный паломник выйдет на большую дорогу, –
у сердобольной селянки в тапках на босу ногу
за условную цену купит полбанки браги.
Если пройти подальше (*напрямик, по тропе ли*) –
ржавая железяка на три-четыре пуда,
рядом лужа мазута в чистом поле... откуда?!
вероятно, пришельцы аварию потерпели.
Как говорится, с неба вдруг привалило счастье!
Мужики разобрали двигатель на запчасти;
и тарелка сгодилась: бабы заквасили силос...
Многое есть на свете, что мудрецам не снилось.

*То ли минуты замерли, то ли
долгие годы во сне пролетели:
сладко и страшно тянет на волю
из заключенья в собственном теле.
Преображенье – это слиянье
с истинно сущим... и без остатка
тает душа в невечернем сиянье,
как в невесомости – страшно и сладко.*

Прежде родная природа полнилась чудесами
добрых гениев места и злыми кознями прочих, –
но и те, и другие на оскудевшей почве
истреблены дураками или вымерли сами.
Здесь человек проходит как хозяин; а чтобы
выжить разную нежить, средства нашлись простые:
осушили болота, вырубили чащобы –
солнце разума стало... над духовной пустыней.

Это цена прогресса. Только снятся доныне
пересыхающим рекам русалки и водяные;
лешие уцелевшие служат нашим и вашим;
прочие затаились и грезят черным реваншем.
Шорох: лист оборвался или осыпался колос.
Где-то валежник хрустнул, тяжкой стопой раздавлен.
Сколько разноголосья в музыке мирозданья...
Слышен ли дирижеру каждый отдельный голос?
Слышится ниоткуда флейта, но музыканта
не угадать... В оврагах воздух густеет. Вечер
наступает на пятки. Народившийся ветер
гонит облачко пыли в направленье заката.

*Если бы вдруг замыканьем коротким
в миге едином могли совместиться
все одиночества – божьей коровки,
и человека, и зверя, и птицы!
Хочется верить вместе со всеми:
Бог нас жалеет, Бог не осудит:
кончится лето, и кончится время
благополучно, и смерти не будет.*

Через горнило зноя рождается нечто иное;
книга пророка Исаи обещает навечно
преображенную землю, где волк возляжет с овечкой
рядом... *а я – с тобою.*
С первой звездой на небе проступает прохлада.
Серебристая влажность ложится на незабудки.
И пропыленный ангел гонит вечернее стадо,
как и во время оно, наигрывая на дудке.

п р е д в е ч е р н е е

Холодный воздух заоконный
вверяется вечерней мгле,
и отражаются в стекле
цветы, внесенные с балкона;
когда, открыв окно, наружу
я выдворяю вялых мух, –
невольно напрягаю слух,
как будто жду беду и трушу.

*Нет, не слыхать и не видать...
Кругом все тихо и дремотно,
и дома тишь и благодать
после тяжелого ремонта.*

Сигнал тревоги не заглох;
скорей заглушен... а потом как? –
как бы грядущему в потемках
не дать застичь себя врасплох...
Собраться с духом, и в тепло
собрать свой невеликий космос –
и в ограниченности комнат,
где в книгах время затекло,
живь день за днем ... не лучший метод
живь – так... но верится с трудом,
что смерти нет, и вечный дом
надежней и теплей, чем этот.
А этот надо подмести,
убрать... куда убрать? – не помню...
Уж третий год как кот мой помер.
Другого мне не завести.

*А голос разума все глупе;
а за окном все гуще мгла, –
и от угла и до угла
слоняются и бьют баклужи
те неприкаянные души,
в которых жизнь изнемогла.*

н е д о с к а з а н н о е

Бледный месяц выбрался, крадучись,
из тумана – и стало ясно:
серебро твоей бедной радости
не растрачено понапрасну.

Чуешь? – пахнет прелью и порохом...
Слышишь? – музыка без мотива...
Это время с нарочным шорохом
раскрывается в перспективу.

В этой прорве, проседи, просини
дни таинственны, сны печальны, –
в фаворитах неверной осени
что ни день, то другие тайны.

Из тумана сова заохала,
и душа замерла на вдохе:
что-то бродит вокруг да около,
а на божий свет не выходит.

В этом синем холодном пламени,
в этом трепете запоздалом,
не забыть бы: самое главное
человеку дается даром.

Пусть достанет тебе терпения
на тоску – и еще немного,
чтобы вызволить из забвения
зачарованную тревогу.

закат над окой

Але

Желтым медом заката полны золотые шары,
и пресыщены сладостью синие сумерки сада;
после щедрого ливня и жадной до влаги жары
наступает прохлада.

Словно есть в благодати воды и покое земли
то, что больше чем чудо
любому живущему надо, –
то, чего мы друг другу из гордости дать не могли:
не прощенье – пощада.

Опускается солнце, нечаянно ветку задев
беглым бронзовым бликом
(примета к хорошей погоде);
одинокая птица цитирует Ветхий Завет:
все на свете проходит.

Скоротечное время наполнит пустые умы, –
и захочет жары, кто теперь изнывает от жажды...
Ты запомни, дружок, этот день,
где счастливые мы
жили-были однажды.

ad marginem elysi¹⁾

*Будем, Лесбия, жить, любя друг друга!
Пусть ворчат старики, –*

что нам их ропот...

Гай Валерий Катулл

Жаль, что у века в чести лишь дураки да пройдохи.
Цели у жизни нет... что ж, надо жить по средствам.
Что обижаться на жизнь? она так и так проходит –
рябью по вечной воде, дрожью робкого сердца.

Только и света в окне, пока свечу не задуло.
Скрипя песком на зубах, время проходит мимо.
Будем, Лесбия, жить, читая на ночь Катулла
и предаваясь любви – ей до поры хранимы.

Будем, Лесбия, жить! мы ведь других не хуже,
даже если одни такие на всю округу:
как две капли тепла в гиперборейской стуже, –
глубже уйдя в себя и прижавшись друг к другу.

Цель у жизни одна: радость среди рутины.
Пусть старики ворчат, – те, что свое прозевали.
Тени идут из тьмы и населяют руины...
На елисейских полях началась посевная...

¹⁾ Заголовок представляет собой не вполне корректное соединение двух известных латинских выражений; контаминация допускает возможность различного прочтения, как то: *на полях елисейских; на окраине рая; без права на блаженство и т.п.*

ц е н а с в о б о д ы

Когда иссякнет ключ святой воды,
из искры божьей возгорится пламя,
и прокаленный ветер над полями
пройдет тревожным вестником беды, –
и как тоска, опасна и остра,
из глуби взбаламученного быта
восстанет застарелая обида, –
бессильной злобы сводная сестра;
в угаре своееволия она
не разбирает – наш или не наш ты;
но кровь во рту не утоляет жажды –
уж очень горяча и солона...

Куда ж нас, горемычных, завело
слепое безрассудство? Раз от раза
свобода начинается с отказа
быть сторожем для брата своего.
Как мы могли ударить в грязь лицом?
Зачем теперь мы землю носом роем?
Кто был еще вчера для нас героем,
сегодня вышел полным подлецом.

*А дни идут – ни шатко и ни валко,
и надо сеять хлеб и строить кров...
За что ж мы проливали свою кровь?!
Чужую – ладно; но свою-то жалко...*

Свобода не судьба, не благодать;
от первых слез и до седьмого пота
рождается из мужества свобода:
не выстрадать – век воли не видать.

Не брать чужого, но нести свой крест, –
вот суть свободы; ни рабам, ни барам
ее плоды не достаются даром,
и тут – кто не работает, не ест.
Невольники свободы! Впереди
непаханое поле, а за вами –
усеянное мертвыми словами...
А жизнь прожить – не поле перейти.

п е й з а ж с п е р с о н а ж е м

Лишних людей орда
перебралась в города,
чтобы сжиться и спиться;
в брошенные дома
тихо заходит тьма
и поселяются птицы.

Легок и неказист,
в речку падает лист
и плывет по теченью;
ветер веет золу,
и от села к селу
бродит дурак ничейный.

Может быть, это я
сослан в эти края
общее горе мыкать, –
чтоб собирать в зрачки
высохшие ручьи
с выцветшой земляникой.

Въелась в пейзаж печаль;
кажется, что печать
этака неизгладима, –
сорные травы в рост,
и на десятки верст
нет ни огня, ни дыма.

В небе осколком льда
высветилась звезда –
ярко и незнакомо;
в горле печаль полей
горше и тяжелей
хлебного самогона.

А над пустым селом
ветер поет псалом,
ноты перевиная;
ангел читает псалтырь,
перелетая пустырь
на полпути от рая

ПЕСНИ ЛИШНИХ ЛЮДЕЙ

1. оборванная песенка

Кончились прения против рожна,
и не осталось в стране ни хрена
добрый и мудрым;
дурью хронической поражена,
как неприглядна она и страшна –
родина утром.

Всем пожеланиям не угодив,
мир проявляется как негатив
рожи с похмелья;
на душу мутной волной накатив,
крутится-вертится старый мотив –
Боже! в уме ль я? –

Вышло неладно, и стало судьбой –
быть дурачиной, быть голытьбой
сроду до смерти;
падаешь духом – а над тобой
крутится-вертится шар голубой,
крутится-верти...

2. п е с е н к а л и х о г о ч е л о в е к а

Дайте рубаху голому!
Дайте битому плеть!
Что клонишь буйну голову?
Есть ли о чем жалеть...

Эх, оторви да выброси!
Нищим не стать бедней.
И никому не выгrestи
против теченья дней.

Век бы не слышать посвисту
ветра и кистеня, –
лихо бродило по свету
и набрело на меня.

Вряд ли теперь увижу я
сызнова белый свет;
в мире полно обиженных,
а виноватых нет.

Благо гуляке праздному,
коему срам не в страх.
Клонится солнце разума...
Не привыкать – впотьмах!

3. песенка маленького человека

Тучки по небу плывут,
кошки по сердцу скребут...
огляделся в этом мире –
не понравилось мне тут.

Плачет капля по песку,
плачет пуля по виску...
всюду близкие, – да не с кем
поделить свою тоску.

Посадили птичку в клеть,
повелели птичке петь...
меру глупости и злобы
никому не одолеть.

Жизнь уходит как вода,
забывая навсегда
тех, кому уже не будет
ни прощенья, ни суда.

Невечерняя заря
догорела в сердце зря...
человек во мрак уходит
ничего не говоря.

а х е й щ и н а

Медленно, как слеза,
тянется мед гекза-
метра
под заунывный вой
пойманного трубой
ветра.

Время Гомера; столь
гордо движется вдоль
строя
Агамемнон, – пора
грекам брать “на ура”
Трою...

Музা, являясь мне,
воображенъя не
трудит, –
мерный шаг от бедра,
и (словно два ядра)
груди

щедро обнажены, –
и уже не нужны
гимны...
Эта ли страсть вела
греков вершить дела
дивны?

Кто их теперь поймет...
Льется ахейский мед
 МИМО
уст, онемевших от
слезоточивых щедрот
 дыма.

Сердце тоска щемит;
печка опять дымит
 (падла!);
пряча в подол дома
гиперборейская тьма
 пала.

Холод ползет с окна.
Здесь все дороги на
 север, –
разве что ближний путь
в лапы какой-нибудь
 стерве.

Там огонек горит,
там мне нальют в кредит
 брагу-с;
знают пути мои
Эрос, Танатос и
 Бахус.

В небе дрожит луна;
промерзают до дна
 реки, –
и нестройной толпой
джужно идут в запой
 греки.

Голову опустив,
слушай в себе мотив
ретро
под заунывный вой
пойманного трубой
ветра.

з а д о л г о д о в е с н ы

Начинается оттепель...

Наважденье сползает с куста
серым клоком тумана –
расплывчатым, призрачным, грязным;
разветвленные черные тени
охраняют пустые места,
отведенные в воздухе
зачарованным липам и вязам.

В этом мутном, обманчивом,
в этом случайном тепле
пустота от тебя –

словно льдинка молчанья в укоре.
Не довольно ли быть
на посылках у старого горя?

Начинается оттепель –
вот и повод забыть о тебе.

257

О душевная слякоть,
в которой теряется твердь!
Сожаленье, как голубь,
летит над оттаявшим прошлым...

Несмотря ни на что,
надо прямо на факты смотреть –
невзирая на лица,
узнавать себя в каждом прохожем.

Календарь лихорадит;
эта ложа недолго продлится,
и прохожие прячут поглубже
шальные порывы тепла.
Этот ветреный вечер
сортирует простудой тела,
но немножко надежды
нисходит на стертые лица.

в легком жанре

Этот мартовский денек
всем хорош! – и каждый волен
позабыть, что стар и болен
или глуп и одинок.

Под шагами льдистый хруст:
крепко-хрупко-кротко-кратко...
золотая лихорадка –
тайный жар холодных уст.

Круговорть и куролесь
света снега, влаги, света, шума;
свежий воздух... это умо-
помрачительная смесь!

Хорошо, что спал мороз.
Хорошо, что дружно тает.
Но чего-то не хватает –
то ли счастья, то ли слез...

День как вечность напролет.
Грусть и радость, страх и трепет.
Слава Богу – время терпит,
солнце светит, жизнь идет...

под музыку дождя

Але

Дождик в мусорные баки
барабанит на три такта,
и влюбленные собаки
под дождем танцуют танго.

Сад заигрывает с ветром,
сад его порывы терпят, –
лишь по напряженным веткам
пробегает легкий трепет.

В этой сутолоке вешней,
в полуслучае-полугоре,
не растаявшая нежность
застревает комом в горле.

Холодок бежит по жилам,
место страсти занимая, –
как же я прошел по жизни
ничего не понимая? –

мимо сада, мимо чуда,
как озnob через простуду,
между куполом и криптоj,
между сциллой и харибдой, –

через строчку в оглавлеnье
не прочтеноj в спешке книги,
сквозь прекрасное мгновенье
в убегающие миги...

глубина пейзажа

Гроза ушла за горизонт,
простор прозрению открыв:
нет, вызов времени не зов,
скорей – позыв, верней – порыв

уйти, покуда в силах мы,
бесповоротно и всерьез,
куда-нибудь... за те холмы
в прозрачных перышках берез, –

так странник по святым местам
несет в себе благую весть
на край земли – быть может, там
все то, что быть не может здесь...

а здесь размытые поля,
и тень вечерняя густа –
как в те года, когда земля
была безвидна и пуста...

н е ч т о и н о е

Из нездоровья, по непогоде
нечто иное тенью находит, –
въяль проступает жаром простудным,
делом постыдным, словом паскудным.
Зной прорезая лезвием стужи,
нечто иное в затылок подышит;
нечто иное скажет: *поди же*
 прочь (почему?!) – ты здесь больше не нужен.

Смутные тени берегом буден
бродят – как серые кони пасутся;
через мытарства, через паскудства
брежит иное... знать бы, что будет
там, где вовеки ни стужи, ни зноя,
где ни печали, ни вздыханья,
где муки совести, не затихая,
перетекают в нечто иное...

Ныне – повержен, порушен, пристыжен –
я не скрываю горечи в речи:
Господи Боже! слышишь? прости же...
Все остальное – лично, при встрече.
Сумрачный воздух сгущая в гортани
в малопонятное темное слово,
словно лазутчик – вчуже и втайне –
я прохожу сквозь немые заслоны.
С чистой душой и пустыми руками,
все забывая, грубость и робость,
я возвращаюсь – как зазеркальный
Твой искаженный страданием образ.

(Там, где вовеки ни зноя, ни стужи,
жизнь по мгновениям перебирая,
радужный ангел, дежурный по рану,
бережно гладит измятые души).

о да к старости

Вот ты и вышел лишним,
по пустякам растряся...
Словно под зад коленом вышибли с поля боя...
Здравствуй, больная совесть, здравствуй,
терпимость к боли, –
здравствуй, старость! –

пропасть времени... нет, не пропасть, а осыпь
мелких последних лет; не золотая осень,
а железная, ржавая, с плохой позолотой...

Зерна от плевел в уме отделив
и в муку размоловши,
те, кто моложе,
нас провожают не плачем, не смехом – зевотой.

Вольному воля, спасенному рай... и куда я
должен, скажите на милость, податься? – не знаю:
тут тебе книги в развале – да память худая;
там тебе водка в разливе – да печень больная.
Вспомни, что добродетель сама по себе награда, –
выпей, дед, валерьянки и закоси под Сократа.

Дремлется чаще и глубже, а спится меньше и хуже.
К ночи косточки ноют и нарывают обиды –

те, что были залечены и благополучно забыты,
вдруг проступают в памяти,
как мусор в мелеющей луже.

В старости есть своя странность.

Приходит свобода

(*Здравствуй, свобода! Заждался. Ну где ты шаталась?*) –
а куражка не хватает даже на мелкую шалость:
думаешь, будет потеха, а выйдет стыдова.
Опыт нас учит тому, что нас ничему не учит
опыт. Как ни печально, старая дурость крепче
в голову бьет, – к примеру, наш мышиный жеребчик
Федор Иванович Тютчев...

Возраст выходит боком, и не поправить крена.
Опера «Курам на смех»: ария старого хрена.

Остановись, мгновенье! ... как задержанный выдох,
в деревенеющем теле бьется тоска живая,
переполняя сердце... блуд для тоски не выход;
можно любить всех женщин, ни одной не желая.

С возрастом образ божий во человеках редок:
на теле следы износа и на лице изъяны;
нет, видать, не из рая вышел наш общий предок;
все-таки прав был Дарвин... все же из обезьяны.

Старость – это болезнь, которую время не лечит;
год за годом идет, час от часу не легче.

Что же... надо жить проще, великодушней, добрее, –
чтобы земле не в тягость и в ладу с небесами, –
нежно-лиловые тени трепетного апреля
собирая в зеницы и в мешки под глазами.

Только что и умея, беды чужие нянча,
мысль понять с полуслова, боль узнать с полуслога, –
бережно и бесцельно перебирая на ночь
избранные страницы Диккенса и Толстого.

Горький опыт терпенья – все, что тебе осталось.
Хочется поделиться наболевшим – а не с кем...
Старость эгоцентрична; тем и немощна старость,
что неразумный довод ей не кажется веским.

Старость – это пустыня. Пустошь в конце дороги.
Один за другим исчезли те, кого знал в начале, –
и некуда, некуда, некуда спрятать свои тревоги,
и некому, некому, некому поведать свои печали.

Старый сам по себе; он и в толпе отшельник.
Он, заложник судьбы, носит ее ошейник.

Круг общенья все уже, ближе к нулю, – и с кем же
дни теперь коротать? длить вечера под лампой?
Старость приходит тихо в сером плаще аскезы, –
без звонка, без подарка.

Здравствуй, почтенный возраст
с лавровым привкусом супа
протертого... Кроме шуток,
теперь себе можно позволить
то, что раньше называл бы слабостью:
вот, к примеру,
писать презренную прозу строфою стихотворенья.

О мерин времени! Что ж ты на рысь перешел? –
помедли...
В час меж собакой и волком, дороги не различая,

собрав все ценные вещи, надежда ушла последней, –
и птицы над ней кричали, кружа, как чаинки в чае...

*О сестра моя, старость! – повремени со мною,
не торопи расстаться с тем, что все еще живо...*

Жизнь, как снежок в ладони, тает неудержимо
и затекает в сердце лужицей ледяною.

Белый свет на тебе скоро сойдется клином,
клином сырой земли в четыре квадратных метра, –
и черепок вернется к первоначалу – в глину,
а душа не картошка... может, и впрямь бессмертна.

ч е л о в е к , н е х о т е в ш и й с ч а с т ь я

Он был чужим человеком,
никчемным и неуместным.

Работал посыльным к черту
и сборщиком сожалений.

Он жил меж людей ненужно.

Он был никому не ровня.

Земля его не держала, закон сбивал с панталыку,
и тучи над ним сгущались порой до цвета маренго, –
а он искал просветленья во глубине запоя,
где крохи здравого смысла
меняют на капли блаженства.

Архангелы прилетали и звали его на небо,
а он, не хотевший счастья, неверный и несогласный,
швырял в них огрызки яблок и всех посыпал обратно:
– Да на хрен мне ваше счастье? – оставьте меня в покое!

Престолы, силы и власти

склонялись над темной бездной
души, не принявший мира – ни этого, ни иного,
и тихие херувимы, придуманные из радуг,
кружили над ним и пели сугубую аллилую, –
и наглые ангелы не смели пугать его Богом;
тяжелые серафимы садились на грешную землю
и пили с ним серую водку и грызли корочку хлеба.

Его не брала ни холера, ни перепись населенья.
С какой-то особой силой его не любили бабы,
зато собаки и кошки, делившие с ним недолю,
вылизывали под утро прозрачные сладкие слезы;
когда подвальные крысы на кромках мусорных баков
сидели, изображая химер готических храмов,
и жилы ветвей деревья вытягивали из мрака,
он гладил паршивых кошек

и псов трепал по загривкам,
и как апостол к изгоям учил на собственной шкуре,
чтоб жить они не боялись и умирать не страшились.

Ведь каждый из нас когда-то получит повестку ночи,
но тот, кто не хочет счастья, живет – и горя не знает.

Однако однажды утром ему не хватило духу
быть дальше и дальше, или

ему не хватило водки,
и он от этого умер, – а, может быть, от другого, –
но больше его не стало... и меньше, пожалуй, тоже.

Я знал его. Или думал, что знаю – на самом деле
я так и не понял: какого

рожна ему было надо? –
но только в гробу впервые я видел черное чудо...
наверное, сучье счастье его наконец постигло.

Что мне до того? однако с тех пор меня точит зависть
к тому, как он жил мятежно и как безмятежно умер;
как вспомню – твержу сквозь зубы

как заговор, как заклятье:

– *Да на хрен мне ваше счастье?* оставьте меня в покое!
но нет мне покоя, нет мне покоя покоя нет мне

рассвет на оке

Темень нашла на город, как сплошная помарка
на рисунок пером; тени во мрак собрав,
ночь развела тревогой сны осеннего парка,
отданного во власть дикорастущих трав.

Утро не торопилось. Долго не рассветало.
Просто редела тьма... тьма становилась редка.
Что-то переменилось. Что-то иначе стало.
Это вода замерла... это замерзла река.

Где-то меж днем и ночью на полосе ничейной
под вольнодумством воды подведена черта:
схваченная морозом наперекор течению
стала вода тиха, тяжела и черна.

Выдох как мат в два хода, как человек по-латыни.
Черт ли все холода в наши пенаты свез?

В обсидиане льда крапинки золотые –
дребезги ломких лучей неосторожных звезд.
Наледь на пальх листьях, словно потеки воска;
шорох в сухой траве: кто-то тихо прочел
заклинание снега – и ощетинился воздух
множеством тонких жал гиперборейских пчел.

Всходит нечто иное, брезжа, мерцая, мрея –
неповторимый звук? непостижимый знак?
Где-то меж тем и этим светом застыло время...

Как это может быть? – черт его знает, как...
В мозг ледяным ознобом входит нечто иное,
все аргументы ума одолевает шутя;
где-то заблудшая кошка воет в жутком миноре,
как на холодную смерть брошенное дитя.
Боже, зачем мой разум червем тоски источен! –
он не удержит дух, как негодный сосуд,
в час, когдай ангел всучит повестку ночи...
черную метку? – нет: вызов на Страшный Суд.
Ночь дает человеку первые навыки ино-
бытия вне себя; правду сказать, не мед, –
ложивый язык немеет, как от новокаина:
то, что чует душа, бедный разум неймет.

Если стереть различья, мир везде одинаков:
он хранит в темноте память о status quo;
зря ли ангелу ночи крылья помял Иаков? –
тьма разделилась в себе... кто там? нет... никого
нет... отлегло от сердца; ничего не случится
с этим миром и мной – в этот раз как всегда –
из тающей глыбы ночи начинает сочиться
зыбкий неверный свет бледной водой со льда.

Птицы таились в деревьях, но ни одна не взлетала...
Ясно как божий день стало внезапно, где,
вылизав серый сумрак в зарослях краснотала,
красный язык зари к черной припал воде.

Когда с утра распогодится и станет тепло, когда
веселый ветер развязет удавку шарфа на шее,
из ледяного плена серебряная вода
избавится, утекая в промоины и траншеи,

когда сквозняки из комнат сбегают на слет ветров из форточек, и на окнах колышутся занавески, – апрель, наглотавшись гари от санитарных костров, уходит выплакать слезы в прозрачные перелески.

Ни паводка, ни потопа не будет в этом году; хотя снега задержались, и заморозки нередки, но солнышко пригревает, и в городском саду доверчивые деревья уже распускают ветки. Морозные испаренья сгущаются в облака; все сразу – на лбу испарина и холодок в затылке. Как будто после запоя, измученная Ока несет куда-то за город сдавать пустые бутылки.

Уловки душевной лени наивны и не новы; придуманное несчастье легко развести руками, – и вместе с зимней мигренью из стриженою головы уходят черные мысли и прочие тараканы. А сердце маётся, словно от не прощеной вины, то замирая от радости, то от тоски шалея, – хоть ни персидской кошки, ни паршивой княжны я не топил, понеже всякую тварь жалею.

За мною довольно всякого, но совесть моя чиста; я роюсь в анналах памяти, по строчке перебирая, – как будто читаю рукопись с попорченного листа... Наверное, это топос литературного края. Наверное, где-то иначе... Не знаю. Но здесь мой дом, и годы не давят на душу неодолимым грузом, когда луна прохладдается над Дворянским гнездом, и сквозь кисейные сумерки проходит юная муз.

СОЗЕРЦАНИЕ РУИН

созерцание руин

*Первое, с чем сталкиваешься,
созерцая прошлое, – это руины...*

Георг Вильгельм Фридрих Гегель
«Философия истории»

Мы, оглядываясь, видим лишь руины...

Иосиф Бродский
«Письма римскому другу»

1.

Словам предположена мудрость,
а где ж мне было набраться? –
смысл быстротечной жизни
не ловится в сети ratio.

То, что понятно – пусто,
а что непонятно – зыбко.
Как ни закидывай сети...
где ж золотая рыбка?

Жду у моря погоды,
годы попусту трачу, –
не приплывет, не спросит:
– Чего тебе надобно, старче?

Как умом ни раскидывай,
с неизбежностью споря, –
черта лысого выловишь
из житейского моря.

Как мне быть в этом случае –
понятия не имею;
одолевают сомнения,
ползучие, словно змеи:

того, кто спорит со временем,
ждет участь Лаокоона.
Как мне назвать свой возраст?
разве что – непреклонным:

все, что идет – неладно,
все, что пришло – немило;
оправдание старости –
создание мифа.
Пламя гнева пылает,
а лед обиды не тает;

и не сова Минервы
в сумерках вылетает,
а черный ворон реет,
гордо расправив перья,
над пустырем, поросшим
репейником и пыреем;

и трепещет березка
на развалинах церкви,
слыша, как хор собачий
репетирует лунный реквием...

Если живешь по случаю,
а случай послушен року,
от методичного разума
много ли будет проку?

Все суeta, томленье
духа и ловля ветра
в оболочки понятий:
родина... воля... вефа...

для трудного дела жизни
нет подходящего слова,
а для того, что дальше,
вообще никакого.

Что-то меняется в мире;
это слепому заметно.
Кумиры прошлого рушатся
с кафедр и постаментов,

а те, что ныне восславлены,
если судить их строго, –
не горячи и не холодны –
и тем неугодны Богу;

выродки голой прагматики,
они всех прочих херовей:
в них ни холодной мысли
нет, ни горячей крови...

Стучитесь, и вам откроется;
ломитесь, где заперто крепко:
и вы познаете истину,
как непотребную девку.

Лбом прошибайте стены,
душу рвите на части –
и вы познаете истину...
но не найдете в ней счастья.

И не вернуть наивность,
сетуя и стеная...
– Чего тебе надобно, старче?
– Да я уж и сам не знаю.

Как ни рядился я в тогу
классического покроя, –
видно, не вышел рылом
в лирические герои.

3.

*Мы созерцаем в прошлом
лишь руины, – примерно
так сказал как-то Гегель
Бродскому возле таверны.*

(Где еще можно въяве
дух истории встретить,
если не по дороге
из Первого Рима в Третий?).

Жизнь как процесс – сплошное
отклоненье от нормы,
истощение сути
и разрушение формы;

но если все сущее в мире
подвержено энтропии, –
в принципе я не против...
лишь бы не торопили!

Надо семь раз отмерить,
чтоб от себя отрезать

все, что неисцелимо;
так наступает трезвость.

Поводы к счастью все реже,
а сердце бьется все чаще;
сахар в крови повышен,
а жизнь не кажется сладче.

Сходятся все тревоги
в думу одну и ту же:
думать или не думать...
уж и не знаю, что хуже...

Страх рвет сети рассудка,
словно постремки лошадь;
не удержать его волей
и логикой не стреножить.

Выход из этого мира
всегда остается открытым...
Муза с разбитым сердцем
над разбитым корытом

плачут в сорванный голос,
утешеньям не внимая;
как вода из корыта,
истекло наше время.

Словам предположена мудрость,
в которой много печали.
Знаки – руины знаний,
а что они означали,

не постигнуть иначе,
чем через горький опыт;
пламя боли однажды
лед обиды растопит

в сентиментальные слезы,
в ностальгию по свету:
как же было прекрасно
то, чего уже нету!

И, просветляя память,
из ничего нисходит
на воспаленный разум
нежный нездешний холод.

Сказано ж: не стяжайте
и заслуг не копите...
Солнце правды садится
за горизонт событий;

дорога жизни тернистей
похода и променада.
– *Чего тебе надобно, старче?*
– Уже ничего не надо...

Только б насытить душу
мужеством отрешенья,
чтобы хватило силы
перенести лишенья;

обезболить потери
веры целебным ядом,
надеждой на то, что будет,
любовью к тому, что рядом;

знать, что в конце дороги
то же, что и в начале,
и, созерцая руины,
утолять все печали...

Если смежить ресницы,
ангелы и херувимы
радугами во мраке
сходятся на руины.

п р е д з и мъе

Але

И бархат лужи с кружевным ледком,
и облаков разрозненное стадо,
и воробы, застывшие рядом
на паперти обобранного сада,

и снегом опущенные листы,
опавшие, лежащие навалом,
и смутная, как приступ суеты,
тревога о своем, привычном, малом, –

все сковано сознанием зимы;
надолго ли? – почудится: *навеки...*
и сердце дрогнет на пороге тьмы,
как яблоко, забытое на ветке.

осенний блюз

Владимиру Витюкову

Птичий переполох
ближнего поднебесья,
нервная дрожь воды,
снежный озноб земли...
Осень приходит в лес,
и звери уходят из леса;
деревья тоже б ушли,
если б только могли...

Дни позади – как пни
за топором дровосека;
далыше быть и не быть
падает то ж на то ж...
Чем утолить печаль? –
поскреби по сусекам, –
может, что и найдешь,
может, что и найдешь –

не утешенье, нет!
может быть, отрешенье
и от былых обид,
и от пустых хлопот...
Осень тихо дохнет
на свое отраженье –
и помутнеет туман
над зеркалами вод.

ночной дождь

Что-то вошло под закрытую дверь,
тише и ниже травы, –
и заворочался мысленный зверь
в логове головы.

Что он учゅял во мраке ночном?
Что он увидел во сне?
Глухонемая боль о былом
ищет поживы во мне.

Как ни ищи, ничего не найдешь
в поле, поросшем быльем...
На ухо ночи настойчивый дождь
шепчет о чем-то своем.

В тихие омыты счастья тесним
странной его ворожбой,
если я выдержу – стану иным,
стану, быть может, собой;

стану мишенью любому стрелку,
зверем в дремучем лесу...
Капли бегут и бегут по стеклу –
черные по серебру.

СОННИОЧЕМ

Странный сон увидел я сегодня...
Николай Гумилев

... Через сон мой пролетали птицы,
птицы радости и птицы печали:
сойки в голубых пелеринках,
снегири в багряных манишках,
синицы в желтых жилетках;
я не знал значенья этих знаков:
может быть, это скрытые цитаты,
строки памяти в крыльышках кавычек?
может быть, это вестники иного
настоящего, стоящего в горле,
но еще не сказанного слова?

... но имеющий уши да услышит!

... а за сном – заснеженное поле,
чистое, как чистый лист бумаги,
а по краю крикливы вороны, –
как корявые знаки препинания, –
словно пробовал перо и забылся
ясновидец, пораженный склерозом –

... и пока неясно, в поле зренья
надо выйти с разутыми глазами,
и покажется то, что без названья,
и несказанное слово воплотится –

... но взметаются птицы черным вихрем,
разлетается картина сновиденья, –
и от сна ничего не остается, –
только холод, задержавшийся в сердце,
да слепое пятно на сетчатке...

с т а н с ы н и к ч е м у

Всякого в мире много,
но из даров земных
трепетная тревога
стоит больше иных...

Деснами дней изжеван,
вымучен бредом ночей, –
свой посреди чужого
собственный и ничей –

странник и соглядатай,
я меж людей хожу:
с нежностью виноватой
на божий свет гляжу.

Жить в человечьей чаще,
не заходя во тьму –
счастье или несчастье?
я уж и не пойму...

Господи! все принимаю,
что говорит о Тебе:
лет одуванчиков в мае,
листопад в октябре,

благо летнего ливня,
ужас выюжной зимы, –
издавна и доныне
все, что познали мы:

детства сладкие муки,
горя неровный крой,
гордость первой разлуки,
горечь любви второй;

радуги, своды, арки,
реки, броды, мосты,
улицы, храмы, парки,
перекрестки, кресты...

Всякого в мире много –
вдоволь на каждый грош;
сам выбирай, а Бога
попусту не тревожь.

Время рвется на части:
каждый тащит к себе...
счастье или несчастье –
это уж по судьбе.

К тем, кому жить не скучно,
случай благоволит...
Сбрендившая кукушка
мне тыщу лет сулит.

ода одиночеству

Неуживчив, неловок, скован,
на суровую нитку сшит, –
я ушел от суда людского
в одиночество, словно в скит.
Мне земного немного нужно;
сердце бьется веку не в лад.
Забываю великодушно,
перед кем и чем виноват.
Год от году обид все меньше.
В тихом свете прощеного дня
я прощаю красивых женщин,
проходивших мимо меня.

Я судьбу ни к кому не ревную –
ни резона, ни куражу –
и на музу глухонемую
я на сердце зла не держу.
Возраст вяжет узлы на венах,
и как старый черт без рогов,
я прощаю друзей неверных
и до гроба верных врагов.
Забываю, кого как звали,
сколько зим прошло, сколько лет –
так в начале сеанса в зале
гаснет память и тает свет.

*Но щемящее, словно жалость,
и хранимое, словно честь, –
чувство вечности мне осталось,
как залог того, что я есть.*

*Меж моей судьбой и твою
неделимое статус кво...
о любовь моя! – удвоенье
одиночества моего.*

Одиночеству не помеха
шум и ярость в моей стране;
в настороженной тишине,
от насущного в стороне,
злоба дня не разбудит эха;
по ту сторону страха и смеха,
недоступно взгляду извне –
как раскаяние в вине,
как ядро в скорлупке ореха,
созревает время во мне.

п о м н и о б о л х о в е

сестре Валентине

По размеренным километрам
через считанное число
нас однажды попутным ветром
в город юности занесло.

*Ветер времени, пыль столетий...
Город – донор большой страны:
разошлись его блудные дети
на четыре чужих стороны.*

Мы вернулись, словно украдкой
за глотком утекшей воды:
двор, заросший гусиной травкой,
не запомнил наши следы.

Две старушки глаза закатили,
долго роясь в мусоре лет:
– Ермаковы? Были такие;
да, поди, никого уж нет...
А другие? Кто-то уехал,
кто-то умер, а кто пропал
безвозвратно – и только эхо
тонет в лужах пустых зеркал.

Что ж дыхание так спирает
едким дымом дурных вестей?
Сожаления, как пираньи,
сложут прошлое до костей.
Поминай, кого нет, как звали...
В паутине сплетен, в пыли –
в нашей памяти, как в подвале, –
все, что мы на жизнь запасли.
Хоть собакой скули, хоть волком
вой на выцветшую луну –
нету отклика... город Болхов
у несбывшегося в плenу.

*Когда холод лунного света
наполняет тоской сердца,
по руинам прошлого века
бродит бледная тень отца.*

Ах, как жаль, что жизнь однократна...
Спасо-Преображенский храм
тянет время – и бой курантов
раздает четырем ветрам.

день в октябре

Где-то бродит беда по городу –
неприкаянная волчица;
но пока я не нужен Господу,
ничего со мной не случится.

День недвижный – как оклодованный
несказанною синевою,
кружит голову, кружит голову,
как безумный порыв на волю.

Осень, осень! стань ко мне передом:
я исполнен печалью светлой –
так листок, охваченный трепетом,
долго медлит, прощаясь с веткой.

Я не вижу противоречия
в том, что временно все на свете,
и влюблуюсь в первую встречную
на мгновение как навеки.

Но как ранний мороз по озимы –
не укрыться и не согреться –
нежный холод последней осени
бродит в жилах в поисках сердца.

Оттого от волненья острого
слезы стынут в глазах до рези –
это жизнь, созревая с возрастом,
как вино, о празднике грезит.

с т и х и о с ч а с т ь е

Але

Тяжелой неволей замучен,
не видевший света во тьме,
застенчив, забывчив, задумчив,
я был сам себе на уме, –
и кровь холодела по жилам,
когда по суду своему
я жизнь отдавал на поживу
холодному злому уму;
и не было радости слаще,
чем пить ледяное вино,
и плакать, и грезить о счастье –
не зная, какое оно
нелегкое и непростое...
но сколько души не труди,
все кажется: это – пустое,
а счастье еще впереди:
оно ниоткуда лучится,
читается между строк, –
и если сейчас не случится,
то, значит, припрятано впрок...

Но в общей судьбе поколений
нет места для добрых вестей;
все меньше неясных явлений,
все больше ненужных вещей...
и в сердце стущается старость, –
пора дорожить каждым днем...
а счастье? а счастье осталось –
как ложная память о нем:

я прошлое вижу иначе
сквозь призму потерянных лет, –
и я вспоминаю... и плачу
от счастья, которого нет.

в о з в р а щ е н и е б л у д н о г о с ы н а

Валентину Курбатову

По низовьям проходит ветер,
медленный ветер и тяжелый;
на границе Леса и Степи
часовые чертополоха.

Это родина моя или чужбина?
Это жизнь или сон длиннее жизни?
Бесконечное Дикое Поле...
Безнадежный путь навстречу ветру...
А куда я иду – еще не знаю,
и откуда иду – уже не помню.

Здесь у каждого душа нараспашку,
чтобы не задохнулась от угара;
а за пазухой тяжелые камни,
под которыми сокровища духа.
Чтобы здесь укорениться чужому,
надо быть злей и цепче крапивы,
потому что в земле обетованной
много пролито и крови, и желчи.

В одиночку здесь просто не выжить,
а как встретятся двое – так на горе;
быть счастливым одному не под силу,
на двоих же одного счастья мало...

Ветер медленный и словно нездешний
опускается в излучину речки, –
гладит бережно прохладную воду
и серебряные космы полыни...

на заходе солнца

*И свет во тьме светит,
и тьма не объяла его.
Евангелие от Иоанна: 1;5.*

Голос родины... волчий вой
над дорогами, с карты стертymi...
Я нигде в этом мире не свой.
Я в родстве только с мертвыми.

Здесь, где зверь на ловца бежит,
всем я чуж и во всем сомнителен, –
словно недолговечный жid
среди вечных гонителей.

Душу тянет в иные края,
где сойдутся вопросы с ответами,
где сойдутся такие, как я –
волчьим воем отпетые.

По пути, заметая след,
рыщет ветер вокруг да около,
и нисходит таинственный свет
из-под темного облака.

Тихий свет скользит по лесам,
по верхушкам дерев, по вырубкам, –
так, как гладят по волосам
напослед – слезы выплакав.

А деревья шумят, ропща,
и растерянно машут ветками...
Слышу голос: *прощай, прощай...*
А прощать уже некому.

Никого уже рядом нет.
Невозвратная точка пройдена.
Озарил незакатный свет
горизонт, за которым – родина...

в з г л я д с о с т о р о н ы

Кто рогом прет против рожна,
кто вторит злобе дней, –
а наше дело – сторона;
со стороны видней,

что позади и впереди,
куда ни заступи,
опоры нет: как ни ряди,
а кривы все пути;

что впереди и позади
беда навеселе;
что правых нет... как ни суди –
нет правды на земле;

что все не мир несут, но меч
измученной стране...
а все же в землю надо лечь
на правой стороне.

ОСАДОК ДНЯ

м е ж д о у с о б н о е

То правители делят на части,
то кромсаёт в куски голытьба...
У России еврейское счастье
и татарская злая судьба.

Птица-тройка по весям несется, –
и от края до края земли;
затмевается ясное солнце,
и дороги не видно в пыли.

Мы хотели взять время нахрапом,
шли вразнос, не считая потерь, –
но все жертвы развеялись прахом –
как и не было... Вот и теперь

поднимается брат против брата:
тот державник, а тот либерал...
Не страна, а сплошная утрата;
не работа, а вечный аврал.

Все активнее подлые люди,
все наглее воруют и врут, –
и за то, что так родину любят,
непомерную плату берут.

Сучье племя! крапивное семя!
Тихой сапой войдут в каждый дом,
чтобы всех перессорить со всеми
и устроить всеобщий содом.

Не надейся на царствие божье,
не теряйся – хватай и владей!
Время вяжет циничною ложью
разуверенных в жизни людей.

Тьма густеет от мухи до мрака,
и уже не понять нам во тьме –
на своей ли земле мы, однако,
и, тем паче, в своем ли уме...

стансы ненастья

Дождь развозит дорогу,
и размокают пашни...
Тянется понемногу
нынешний день кчерашним.

Нет никуда проходу, –
да и желанья вышли;
в этакую погоду
сам себе выйдешь лишним.

Не на что опереться;
круг пустоты все шире...
Что остается сердцу
на прожитие в мире?

Нет ничего на свете,
стоящего доверья...
Свищет разбойный ветер,
обдирая деревья...

Дождь гремит по железу,
ветка стучит по раме...
Время, что в нас исчезло,
было любимо нами.

Завтра нечто иное
явит и цель, и стимул, –
но отчего так ноет
то, что невозвратимо...

Что же, примем на веру
то, что поймем едва ли, –
глядя вслед злому ветру
в недостижимые дали.

а пр ель с к а я пр е л ю д и я

Этой ночью снова не спалось.
Что-то в этой жизни не сбылось.
Что тревожит, мимо сна скользя?
Ни избыть, ни осознать нельзя.
Сердце западает в пустоту...
Быть собой почти невозможу.
Что тому причиной и виной?
Словно кровь отравлена весной...

Эта ночь течет как черный мед,
словно время замедляет ход,
наполняя память, словно сон...
снится город; с четырех сторон
улицы идут из темноты,
обретая формы и черты;
спящие собаки у дверей,
меркнущие нимбы фонарей...
Ни одной живой души окрест;
только серый сумрак очи ест;
тротуары тянутся к утру,
и деревья стынут на ветру
хладнокровном, – воздуха глоток
тает, как целебный холодок;
призрачное бремя тишины...
так вершится таинство весны.

Ты не знаешь, правда или нет,
этот полусон и полу碌ед...
ты не понимаешь, что с тобой –
сбой в судьбе и в мыслях разнобой,
а в душе, как талая вода,
сладкий трепет страха и стыда...
оттого ты словно сам не свой, –
от того, что ты еще живой.

когда распогодится

По крышам, как будто сомнамбула,
дождь шел через ночь налегке,
и тайны природы выбалтывал
на тайном своем языке;
внимая его откровению,
я думал: зачем я живу?
и помнил до самозабвения,
о чем забывал наяву –
что сальдо по жизни не сходится,
а время выходит уже...

Надеюсь, на днях распогодится,
и станет ясней на душе –
и солнышко станет над лужами,
и ветер пройдет над жнивьем,
и все образуется к лучшему...
Бог даст, мы еще поживем!
И жить будем вольно и медленно,
не думая век ускорять –
и дни, словно денежки медные,
то тратить, то даром терять...

В ПОИСКАХ УТРАЧЕННОЙ МЕТАФИЗИКИ

текст в поисках темы
стихосоставление

Через границу ночи
едет на сивом мерине
в сизом плаще тумана
некто, ветхий летами...
Слово *скоро* похоже на крысу,
грызущую корни времени...
Скоро утро. Светает.

Женщина пишет мужчине;
вот она вывела: *Вскоре*
после нашей разлуки...

Словно девица на выданье
разбирает приданое:
все устарело! В горе
время течет как нечто...
нечто неочевидное.

Мужчина читает: *Вскоре*
после нашей разлуки... –
и вспоминает женщину:
сначала лицо и руки,
потом и все остальное,
что, казалось, забыто начисто –
кончено так решительно,
будто и не было начато.

Нечто смутное брезжит
и обретает контуры.
(— Ты узнаешь меня? — Да.
— А я бы тебя не узнала...).

Счастье, сколько ни длись,
кажется, слишком коротко.
Горе, сколько ни будь,
не покажется мало.

В скудельном сосуде тела
стынет смола усталости;
словно свет в янтаре,
надежда на то, что deus
conservat omnia.¹⁾

Джульетта, дожив до старости,
пишет Ромео: Милый,
я все еще надеюсь;

ты обещал вернуться —
значит, вернешься, правда же?
Шорох пера, в котором
трепет душевной тревоги...
Что ты, душа тревожишься?
Что же ты, сердце, празднуешь?
Ни в любви, ни во времени
нет обратной дороги.

Жизнь случается в каждом
словно свет среди ночи —
как возможность свободы
в царстве необходимости;
привалившее счастье
в одиночку не вынести,
а на двоих его мало...
ВОТ И ЖИВИ, как хочешь.

¹⁾ (лат.) — Бог сохраняет все.

Переживаний кружево,
воспоминаний крошево...
Теплый лед сожаления,
горький мед ностальгии...
Для того, кто познает
то, что не знают другие,
в темной изнанке времени
открывается залежь прошлого.

Все, что тлением трачено,
к жизни не возвращается.
Только иносказательно –
в образе, в рифме, в метре.
Но наша потребность в поэзии
стихами не утоляется, –
доколе еще не найдено
другое имя для смерти.

Бог с тобою, родная, –
так, тайком от Тургенева,
пишет Лаврецкий Лизе, –
Бог с тобою, голубка!
А со мной ничего.
Я все думаю, – глупо как
все вышло в нашем романе... –
и рвет послание в гневе.

Призрак тургеневской женщины
таится в руинах дома
(бывшей дворянской усадьбы)
над мелководным Орликом;
здесь можно грезить о Лизе
и сглатывать в горле ком
при мысли, что (Богу богово)
она отдана другому.

Потусторонние образы
приходят тайными тропами
через мосты метафор –
так путь к сердцу короче;
створенье стиха продолжается...
строчка за строчкой
оснащаются рифмами
и становятся строфами.

В стихах, как в горах,
меняется точка зрения.
В стихах теряют уверенность –
и не жалеют об этом.
Если поэту понятно
собственное стихотворение,
значит, это прозаик,
прикинувшийся поэтом.

В мире так много холода.
Скажи, тепло ль тебе, девица?
Или сердце иссохло?
В мире так много зноя.
Истинная поэзия
дает возможность надеяться,
что жизнь, пройдя сквозь метафору,
станет совсем иною.

Странно порой подумать,
какие словесные мелочи
утоляют духовную жажду
или сердечный голод!
Кому все ясно по жизни,
тому поэзия незачем.
Там, где все очевидно,
там все пусто и голо.

Там люди без свойств
пишут тексты без качества.
Стихийная энтропия
со временем возрастает
в душе, не нашедшей темы...
Наверно, пора заканчивать.
Скоро утро. Светает.

СТИХИ О СТИХОВОМ СЛОВЕ

Пусть не слюбилось или не сбылось,
не было стало – болью... стало сложно
распутать время с горем, правду с ложью,
и на себя нельзя глядеть без слез –

и все же эта участь высока,
и все же эта жизнь была недаром –
когда над ней фаворский свет метафор
мне открывал глубины языка,

где смысл таился... и сквозь тьму грехов,
я видел путь к себе, – и знал при этом:
чтоб стать собой, я должен быть поэтом...
и попусту не сочинять стихов –

чтобы слова, что в речи измельчали,
вновь набирались силы из молчанья.

СВОБОДНЫЙ СТИХ

299

У фразы, взятой в кавычки,
меняется суть: довлеет
семантика – вероятность
превратиться в цитату,
то есть чучело мысли.

А поэтический образ –
неведомый зверь из сказки,
попавший в силок браконьера –
рвется из текста на волю –
в речь, где язык хозяин,
в речь, где словам не тесно,
в речь, где мыслям просторно...

Хранитель тайного смысла,
поэт, словно кот ученый,
что сам по себе гуляет
по риторическим тропам, –
ничто ему не преграда,
никто ему не указчик:
то он пойдет налево,
под нос мурлыкая песню,
то он свернет направо
и, походя, сказку расскажет,
не просто так, а с намеком –
и понимай, как хочешь, –
а сам он ушел куда-то,
и поминай, как звали...

А красноречивому слову,
отпущенному на волю,
быть может, выпадет участь
крылатого выраженья, –
бог знает, чем станет фраза,
в которой все ладно и складно, –
присловьем, зачином песни,
а может, строкой молитвы...

ФИЛИН НА РАЗВАЛИНАХ

н а т ю р м о р т
из старой тетради

Холст на подрамнике,
древен и дивен;
на драном холсте
под слоем въевшейся пыли
виден
стол; на столе
вещи,
что лучшее время видали:
хрустальный бокал,
шпага без ножен,
огарок в шандале,
а по бокам
старые вазы
застыли, раззявив
щербатые рты
.....
Вещи,
утратившие хозяев,
дважды мертвы.

ночь в чужом городе
вторая редакция

Желтый пульс светофора
тени на перекрестке
уткнувшись носом в мобильник
человек без всякой надежды
повторяет одно и то же
•
почему ты молчишь
почему ты молчишь
почему ты молчишь
•
в обступающей тьме
тихо тлеет окурок
•
не зная что делать дальше
человек без всякого смысла
идет вдоль ночных магазинов
где в освещенных витринах
есть все что ему не нужно
•
шуршит бумажный пакет
с обрывком шалого ветра
•
почему Ты молчишь
почему Ты молчишь
почему Ты молчишь
•
человек без всякой причины
потерявший предназначенье
слышит Божье молчанье
и верит что где-то рядом
есть выход из этого мира

МЕЖДУ ПРЕЖДЕ И ПОСЛЕ

СТИХИ, НАПИСАННЫЕ В БОЛЬНИЦЕ

*Мне не спится, нет огня;
Всюду мрак и сон докучный...*

Александр Пушкин
«Стихи, сочиненные ночью,
во время бессонницы»

Тишину ночную чутко слушая,
замыкая в сердце круг земной, –
не держу обиды на минувшее –
принимаю все, что было мной.

Я забыл, что было до рождения.
То, что после, помню вразнобой.
Жизнь прошла, как будто наваждение.
Просто так прошла, сама собой.

Я не знаю, сколько мне отмерено,
как не знает колос о серпе, –
только сердце бьется неуверенно...
словно сомневается в себе.

Жизнь моя, записанная начерно,
близится к концу... и что теперь?
Вспоминая все, что мной утрачено,
я осознаю масштаб потерь.

Что прошло, то не случится заново.
Как от века в мире повелось,
по земной стезе дойти до главного
никому еще не удалось.

Отстоялась глупость несусветная,
выдохлось влюбленное вино,
и зашла звезда моя заветная, –
в сердце пусто, и в душе темно...

Этой пустоте и этой темени
меры нет... Но с некоторых пор
слабый свет в конце пустого времени
различает просветленный взор.

Замерла душа, и сердце ожило...
Будто по ту сторону беды
будет счастье, чистое, как озеро,
и простое, как глоток воды.

Главное само собою скажется;
разум озарит благая весть:
там, за тем, что грезится и кажется,
есть иное... Непреложно есть.

Пусть судьба свершается и трудится
в русле жизни, как в реке вода...
все, что суждено, однажды сбудется
непременно – раз и навсегда.

СТИХИ В КОНЦЕ ЛЕТА

*Ох, лето красное! любил бы я тебя,
Когда б не зной, да пыль,*

да комары, да мухи...

Александр Пушкин

Эти смешные муки
праздной летней поры! –
днем досаждают мухи,
вечером комары...

все проходит; от лета
лишь квартал до зимы;
скоро пройдет и это
время, в котором мы

суетились, скитались,
забывались до грез,
сгоряча увлекались –
страстно, но не всерьез;

сплетничали, скучали,
спорили о пустом –
сетовали вначале,
сожалели потом,

что благодатное время
с мая до сентября
каждым из нас и всеми
нами тратится зря, –

и, как во тьму аллеи,
тянутся тени с полей, –
все, о чем я жалею,
жмется к душе моей...

СТИХИ В НАЧАЛЕ ОСЕНИ

*Все эти дни стояла
отвратительная серая погода,
располагающая к унынию и злобе.*

Антон Чехов «Записные книжки»

Собаки пасти разевают:
выть иль не выть? – вот в чем вопрос...
Как осень, всех одолевают
хандра и остеохондроз.

В уставшем теле нету мочи;
в остывшем сердце нет огня.
Дни все мрачнее и короче,
все холоднее злоба дня.

Темно внутри, темно снаружи...
Чтобы не тратить время зря, –
пьют алкоголь и бьют баклуши
в трактире три богатыря.

Холодный сумрак лег на землю;
в унынье впала вся страна...
Три парки сиротливо дремлют
у своего веретена.

Чем дальше в жизнь,
тем мысли страньше,
тем злей тоска стесняет грудь...
– *Что делать? – То же, что и раньше.*
– *Как быть? – Как можешь, так и будь.*

Судьба душе дана на вырост, –
и пусть живем мы вкривь и вкось,
все обойдется: Бог не выдаст –
тоска не съест. Аминь. Авось.

чаепитие с достоевским
вторая редакция

*Нет, шифок человек,
слишком даже шифок,
я бы сузил.*
Дмитрий Карамазов

Горит голубоватый венчик газа...
Мерцает телевизор... Мир, уют.
Ворчит, но поглощает, что дают
сговорчивая глотка унитаза.
Тепло, светло – и чайник закипает.
Какого же рожна мне не хватает?
Какого черта нарываюсь я
подглядывать в подвале бытия?

307

Моральный пыл, накопленный веками,
доселе не сгустился в благодать:
земным страданьям края не видать...
а вечность – словно банька с пауками.

Цель жизни, если есть, недостижима;
весь мир – барак особого режима:
дежурный ангел выжил из ума
и раздает надежды задарма.

А чтобы вера не казалась медом
и не ввела в блаженство невзначай,
недаром пил ночами черный чай
игрок, пророк и эпилептик Федор
Михайлович – как Вий, поднявший веки,
он выглядел такое в человеке,
что моралисты впали в немоту:
ни спорить, ни признать невозможоту.

Всему ли миру разом провалиться
или не пить мне чаю? – вот вопрос,
который из ухмылочки возрос
и как духовный кризис присно длится.
По существу вопрос нерелевантен:
здесь Гегель спотыкается на Канте,
и прав прагматик, споры прекратив, –
категоричен, как императив.

Однако – чай... беспечно и безгрешно,
душе во благо, терпкий и густой
почти красно-коричневый настой
тянуть неспешно – и смотреть небрежно
программу «Вести»... катастрофы, кражи,
насилия... а после репортажей
ток-шоу; тема – как любить козла,
чтобы из любви такой не вышло зла.

Быть может, это подсознанье массы? –
живая тьма, в которой спрятан свет...
но я хотел бы возвратить билет
в утопию, не отходя от кассы;
евклидов ум, рассчитывая дело,
эпоху режет по живому телу –
наводит морок и наводит страх...
и, одержав победу, терпит крах.

Развитие проходит по спирали:
история свершает поворот,
и снова люди строятся в народ...
Соборный дух дыхание спирает;
соратники, прикованы друг к другу,
идут вперед... по замкнутому кругу;
перед началом нового витка
всем пайка хлеба, кружка кипятка...

Ну нет! меня не выманишь из дома,
когда народ сбивается в толпу;
единой пяди не отдам во лбу!
Я пью свой чай... но идеал Содома,
расписанный по лозунгам и фразам,
стоит передо мной, смущая разум:
Христос нас чистой истине учил,
но Оккам, сволочь, бритву наточил

и все, что в разум не вошло, отрезал –
отрезал от закона благодать,
и, значит, счастья людям не видать...
оставь надежду, рассуждая трезво.

Всей тяжестью минувшего раздавлен
кончается наш век среди развалин
социализма... поднимает вой
лишенный пайки пес сторожевой.

Утопия уходит, хлопнув дверью,
а мир не изменился ни черта.
Я Канту верю (хоть его читал
с сомнением), а Гегелю не верю;
ведь каждый человек живет как может,
и каждого своя забота гложет;
и завтра будет то же, что вчера:
нужда, надежда, страх *et cetera*.

Мир снова устоял, а чай остыл.
И закипает возмущенный разум:
доколе всяким умственным заразам
вводить нас в грех, и, разлагая тыл,
угарный эрос называть любовью?!

доколе длиться в нас средневековою?!

я оставляю возглас на лету
и снова ставлю чайник на плиту.

История запуталась, и узел
затянут до конца календаря.
Быть может, прав насмешник, говоря,
что человек широк, и он бы сузил...
Но – как сужать? Вопрос неразрешимый, –
ведь каждый мерит всех своим аршином
и продает излишки ни за грош...

А чай хорош! Воистину – хорош.

СОН О ВОЛНЕ

*Мы созданы из вещества того же,
Что наши сны. И сном окружена
Вся наша маленькая жизнь...*
Вильям Шекспир «Буря»

Я видел во сне прилив.
Замедленная волна
текла тяжело в извив
залива, вползая на
песок, покорный волне...
К чему это снилось мне?

Сияла над морем луна,
дробясь по каплям воды,
и ласковая волна
смывала мои следы,
идущие наискосок –
и тихо шуршал песок...

В окне, в пустоте стекла
вставала заря; бледней
сукровицы ночь стекла
в забвенье, и вместе с ней
развеялся сон на свету,
оставив во мне пустоту.

Быть может, это был знак?
Сигнал к перемене вех?
Я сонник взял и узнал,
что сон сулит мне успех
в делах, – но к творенью дел
напрасных я охладел.

Как будто вокруг меня
замкнулся жизненный круг...
И лишь на закате дня
меня озарило вдруг,
что жизнь, как она дана,
не вещь-в-себе, а волна.

Сменяются времена
года... в одну из ночей
с размытой границей сна
я, сам не свой и ничей,
исчезну, подобно волне,
уйдя изнутри вовне.

МЕДИТАЦИИ

1. настроение маренго

Странное настроение. В серебряном поднебесье сумерки, и норд-оста не отличить от зюйд-веста. В сети ресниц улова не разобрать... Не здесь ли дом, что оставлен втуне в поисках лучшего места?

Взгляни другими глазами на то, что видишь. Итожа мир чертой горизонта, взгляни другими глазами: место, куда ты шел, и место, которое занял: то и это – одно, но не одно и то же.

И ты родился в Аркадии. Не здесь ли? – благодаренье ларам, пенатам и музам, идущим из мрака по звуку флейты пастушьей. Руины храма в кавычках деревьев, словно цитаты из Тацита, навевают высокую скучу.

Место, где тени минувшего ложатся на постаменты
перелицованных идолов, это

порожнее место надежды;
разве что... нет, пустое, померещилось: где ж ты
видишь нечто иное, чем старые сантименты?

Здесь пустота тяжела, здесь тишина невесома,
а вместо мысли – печаль о себе и густая истома;
тихий внутренний голос нашептывает невнятно:
дезертиру из рая уже не вернуться обратно.

Нет, не Аркадия. Это... это просто иное
место, где дух изгнанья, всхлипывая и ноя,
кружит над старым домом, логовом ностальгии,
и загоняет под сердце блудному сыну иглы.

Возможно, это Аид – отхожее место смерти.
Сумерки. Время сомненья.

Для безнадежности сверьте
ваши часы с античностью. Видите: *время вышло,*
и не имеет значенья все, что сказано выше.

* * *

Свет иной, отделяясь от мрака,
тихо сеется, словно в решета
сквозь недвижные тучи, кучи воздуха цвета маренго.
Больше здесь нет ничего. Потому что, наверно,
это лишнее место истории. Вот хорошо-то

жить, ни о чем не жалея и ничего не желая,
там, где все уже было и больше больно не будет,
там, где все нищие духом насыщены жвачкой буден,
там, где в осенних лужах стынет вода живая.

Вешишьли? – Нет, не верю... Помнишьли? – Да, конечно...
Ты дошел до предела, но, оказавшись возле,
сердце застряло в щели между *прежде и после...*
По горизонту разума сгущается тьма кромешна.

Где же нашло себе место то, что не стало нами?
Время в ретроспективе – тропка зимнего сада,
где, словно нежный иней, след осажденной досады
чертит во тьме забвенья контуры воспоминаний.

Такое вот настроение – томление серой крови:
растерянность перед миром, переходящая в чувство,
что все, присущее вечности, человечности чуждо;
блудному сыну времени нечего вспомнить, кроме

сладких мучений юности и горьких радостей детства.
В этом есть что-то жалкое (*или фатальное, скажем*):
так заблудившийся путник, окруженный пейзажем.
сдается на милость природы. А куда ему деться?

Ведь все явленья природы и все события мира,
если судить по сути, между собой так схожи –
разные отражения одного и того же
бога, идущего мимо.

Начинается вечер. Сгущаются сумерки. Даже
на проезжей дороге человек исчезает в пейзаже:
человек погружается в тень,
с высот опускаясь в низины,
бормоча: *невозможно... немыслимо... невыносимо...*

Боже мой... (он зовет) Боже мой...
и, не слыша ответа,
умирает от страха – и с болью рождается снова.
Только тьма выявляет начальную стоимость света.
Лишь молчанье дает настоящую цену за слово.

То сгущаясь до тайного горя,
то прячась за прочим,
через годы терпения тянутся тени за нами, –
это лишнее время, стекая в пустое сознанье,
разъедает как ржавчина и поражает как порча.

А когда от тоски выцветают красоты и краски,
от науки любви остается лишь навык прощаться:
из вчерашнего мира пора уходить по-аркадски –
забывая дорогу назад, забывая про счастье.

Оставаться собой –
это значит всегда быть не равным
никому и неверным себе: ни мальчишкой, ни мужем.
В предвечернем пейзаже,
пропитанном тенью нирваны,
невозможное счастье покажется сердцу ненужным.

Дух изгнанья как ворон летает над нами, надменно
с точки зрения вечности нашу тщету озирая.
Жизнь мала для любви. Так гравюра на меди
неспособна вобрать акварельное облако рая.

Возвращается ветер, тревожа дубы вековые.
Звякнет цепью собака, хранящая голос для воя.
В темной полости рта нарывают слова роковые,
чтоб хватить через край
и растечься недоброй мольвой.

* * *

Человеку в толпе одиноко, потому что от века
среди многих он равен нулю и с любым одинаков;
самого же себя для него слишком мало, однако
ничего не поделаешь – это судьба человека.

Возвращается ветер на круги, – с тех пор и поныне
слезы Екклесиаста першат в обезвоженном горле;
возвращается ветер – и в нем растворенная горечь
иудейского йода и печаль половецкой полыни.

Через тысячи лет возвращается ветер на круги –
плачем ерусалимским в мелодию венского вальса:
это зов никуда, это голос пропавшей подруги...
но сердечные узы упали – и круг разорвался.

Ни на зов, ни на вызов я уже ничего не отвечу;
что таращить глаза в непроглядное нечто? тем паче,
чтобы выразить эту печаль, эту суть человечью,
у меня ничего не осталось – ни слова, ни плача.

Блудный сын никогда не воротится к отчemu крову,
где цепная собака однажды завоет по-волчьи,
где седая тоска истекает отравленной кровью, –
дух изгнанья слабеет, жалея последнюю сволочь.

Жизнь кончается – и – начинается нечто иное,
для чего нет названья, о чем не случается вести...
Вдоль неторных дорог отчужденно лежат под луной
не безлюдные, нет – нелюдимые русские веси,

где земля тяжелеет, и воздух густеет по рощам,
и вода засыпает, сиротски свернувшись по лужам;
неспокойные рыбы в реке ищут омут поглубже,
и неспящие птицы над нами крылами полощут.

Приложение

Неформат

Танка

Хокку

318

НЕФОРМАТ

хлеб предложений

Ничего не добавить к данному;
ничего не отнять от сущего.

*

При гаданье монета падает
не орлом или решкой, а жребием.

*

В обиходе хлеб предложения
на сухарь поученья сушится.

*

Крохи мудрости копят книжники,
собирая в бумажки бережно.

*

Правда-матка издавна режется
простецам на ломти-пословицы.

*

Хоть четыре ноги у лошади,
а и то, поди, спотыкается.

*

Без труда и без Божьей помощи
даже рыбка в пруду не ловится.

*

Кто покается, тот и внидет в рай,
а кто слаб до баб, после каётся.

*

За апостолом просвещения
мракобес надзирает пристально.

Рак-отшельник от бед спасается
в тупиках покинутых раковин.

*

Очевидность берет иллюзии
долгожданным сердечным приступом.

*

Теоретики крестословицы
уступают распятым практикам.

*

Дух, заглавной букве покорствуя,
заполняет пустые клеточки.

*

В вопросительный знак изложено все,
что разум знает о разуме.

*

Голубой омофор Богородицы
некто Мебиус рвет на ленточки.

*

Отречение мысли от истины
выражается в речи фразами.

*

Для отбора инакомыслящих
установлен режим гонения.

*

В люди выйдет из населения
разве только один из тысячи.

*

Отравив Сократа, сограждане
сократили место для гения.

*

Вся история философии –
это реквием по античности.

Свято место магнитного полюса,
очевидно, теперь на Западе.

*

По секретным данным апокрифа,
отдана Русь в аренду дьяволу.

*

Провокаторы с чистой совестью
преступают любую заповедь.

*

За семью коровами тучными
ходит тощее стадо яловых.

*

После выплаты дани кесарю
на житье остается Богоvo.

*

Хлеб, по водам вольноотпущеный,
возвратится маслом намазанный.

*

Книга судеб темна и путана, –
плагиат романов Набокова.

*

Вечный Жид, не признавший вечности,
жив доныне, ею наказанный.

*

Приговор приведен в исполнение,
хотя суть его неразборчива.

*

Для безумия нужно алиби,
а с ума очень просто стронуться.

*

Облетевшее перышко ангела
затеряется среди прочего.

В позвонках мирового дерева
отлагаются соли стронция.

*

В Вавилоне горе-строители
возвели на Бога напраслину.

*

Пересыпан солью аттической
иудейский хлеб предложения.

*

Человек должен быть в отдельности,
словно вестник беды на празднике.

*

Книга судеб почти прочитана,
но обещано продолжение...

г р а ф ф и т и ¹⁾

* * *

Билами на воде, золотом на граните,
цветным мелком на асфальте,
угольками в золе...

в восьмой главе Иоанна дано начало граффити:
Иисус, наклонившись низко,
писал перстом на земле.

¹⁾ ГРАФФИТИ [итал. graffiti , букв. – нацарапанные] –

1) древние посвятительные, магические, бытовые надписи на стенах зданий, сосудах и т.д.;

2) надписи или рисунки на стенах или стенах – характерная черта современной маргинальной культуры.

Слово переживет сказавший его язык,
только меж знаком и звуком
не сохранится связи, –
будущих археологов не раз поставят в тупик
на всех руинах истории надписи *здесь были Вася.*

* * *

Жить – значит умирать. Вот я и не спешу.
Мне нечего сказать. Поэтому пишу.

* * *

… он родился в рубашке,
а умер в чем мать родила.

* * *

Отдай земле земное, Богу богоvo –
и нечем жить, и негде обогреться:
у птицы есть гнездо, у зверя логово,
а что у человека? – только сердце...

* * *

Здесь все равно – что век, что однотасье, –
в стране, не предназначеннй для счастья;
набыясь, насобачясь, насыпняча, –
я здесь живу, и не могу иначе.

* * *

Кой черт в стоической морали,
когда вас просто обосрали?
Нет справедливости на свете:
дерньмо не тонет даже в Лете.

* * *

Веришь людям, не веришь, –
поживешь среди них – озвереешь;
выть ли волком, скулить как собака –
ваше дело, однако...

Не лжет другим лишь тот, кто лжет себе.

* * *

Если верной стезей человек влеком,
сердцу ребра тесны, а душе простор:
лучше хлеб со слезой, чем пирог с плевком;
легче кару нести, чем нести позор.

* * *

Недолг век во тьме веков:
был человек – и был таков...

13 тезисов к стихотворению ¹⁾

1. Тратящий время попусту платит, не получая.
2. Сердце томится на медленном
огне инфернальной скуки.
3. После соития всякая тварь печальна.
4. Разум, познавший истину,
терпит крестные муки.
5. Суть вещей ускользает,
словно вода сквозь пальцы.
6. Черную дырку мгновенья
не заполнить веками.

¹⁾ Текст, по поводу которого автор так и не определился – концепт стихотворения или конспект эссе?

7. Цену бесцельной радости
 знают только страдальцы.
8. Иже на сердце мудрого
 лежит философский камень.
9. Рай – это край, где утраты
 возвратятся сторицей.
10. В бесконечности сходятся изгнанники
 и пилигримы.
11. То, что однажды было,
 больше не повторится.
12. В мире всего дороже то,
 что неповторимо.
13. Ergo¹⁾, жизнь безнадежна;
 безнадежна и все же...

л е т я щ е е

Птицы.
Осенние листья.
Тучи и облака.
Вихри и ветерки. И тяжелые ветры.
Искры и клочья дыма. Легкие паутинки.
Тихие, тихие ангелы; изредка серафимы.
Встречь им веселые ведьмы,
 оседлавшие метлы.

¹⁾ следовательно (лат.)

Голоса и мелодии,
 крики и странные звуки.
Драконы (но их не видно)
 и воздушные змеи.
Мусор: клочки газет,
 обрывки стихов и мыслей.
И во множестве пули
 на посылках у смерти.
Телеграммы зпт телеграммы зпт
 телеграммы тчк
Летательные аппараты,
 рвущие голый воздух.
Жесткие дирижабли,
 мягкие монгольфьеры.
UFO/НЛО (в обиходе – *тарелки*).
Зовы. Самоубийцы. Зонды. Метеориты.
Крылатые ракеты.
Крылатые семена.
Чешуекрылые бабочки – 140 ООО видов!
И комары, и мухи::::воды::::гнус::::мошка::::
И летучие звери – рукокрылые твари.
Птицы, птицы и птицы:
 стаями и в одиночку.
Голуби. Альбатросы. Зимородки. Вороны.
Стерхи. Орлы. Фламинго.
 Сойки. Клесты. Колибри.
Дятлы. Удоды. Чайки.
 Ласточки. Попугаи.
Перелетные гуси.
Недолетные утки.
Пыжи. Дробинки.
И перья.

з а к а т

элегия

О зерце ало:

=====

О, зерцало!

ф р е й д о т д ы х а е т

По звоночку будильника
разбегаются чудища,
гложущие останки
несовершенных грехов;
это условный рефлекс:
на границе сознания
не за страх, а за совесть
служат собаки Павлова.

Х О К К У

Редкие капли дождя.

В это холодное лето
тепло подскочило в цене.

327

Долгий дождь, уходя,
оставил серость и сырость
в этом стихе.

Сколько в ручном хомячке
суетности и упрямства!
Как он похож на меня.

* * *

Как прорастают стихи?
Наверное, у поэта
таланта больше, чем счастья.

* * *

Вот и лето прошло.
В раздраженной усталой зелени
тонкая грусть желтизны.

* * *

В неспешном скольжение реки
плывущий листок –
куда ты?

* * *

В этой ненастной ночи
кто-то бредет к рассвету.
Что высмотрел кот в окне?

* * *

Такая лунная ночь!
Кажется, что соразмерны
дорога и Млечный путь.

* * *

В чем волшебство трехстишия?
Бесконечны глубины
 капли росы на траве.

Много ли надо для счастья?
Солнца в осколке стекла
столько же, сколько в алмазе.

* * *

Какое странное время!
Кажется, пересыхают
реки, текущие вечно.

* * *

Почему вдруг решился
Бог создать эту землю?
Долгая, долгая ночь.

* * *

Где-то завыла собака.
Только теперь я заметил,
как прекрасна луна.

* * *

Боже, какой восторг!
Но эхо мне возвращает
хлопок лишь одной ладони.

* * *

Берег ручья в незабудках.
Утро. Так тихо, тихо...
Господи, Ты меня звал?

329

Полыхнуло над крышами. Грохнуло!!!
И ни капли дождя.
Сердце, – всплакни же...

Будет гроза?
Или не будет грозы?
Взволнованные деревья.

* * *

На закате старик
водит гулять свою тень, -
пес-то давно подох...

* * *

Чуть живой огонек
спички в моих ладонях...
Осень; ветер и дождь.

* * *

Бочка полна до краев
темной водой. Не так ли
годы в меня натекли?

* * *

По пути в Хотынец
ветер, длиной в дорогу...
По пути в Хотынец.

* * *

Порыв холодного ветра
взметнул воробышку стайку
над россыпью серебра.

* * *

Летний дождь пробежал...
как занавеску отдернули, -
а за ней то, что есть.

Осенний ветер.
Ничего, кроме ветра,
в этих пустых словах.

* * *

Легкий снег декабря:
легкий, как пух лебяжий;
легкий, как радость моя...

* * *

За ночь голые скверы
припорошило снежком...
То ли грусть, то ли радость.

* * *

Мартовская хандра.
Словно зима прошла,
а весна не наступала...

* * *

В теле усталые страсти.
В голове унылые мысли.
А душа неведомо где...

* * *

Что нас ждет впереди?
Горизонт, озаренный закатом,
кажется концом света.

331

Хайку на веер Татьяне Блиновой

В голых ветках застрял
кружок прозрачной бумаги:
утренняя луна.

Памяти Мацуо Басе

1.

В пруду лягушка.
В тишине звук.
В поэте слово.

2.

Сумерки. Ниоткуда
мне на плечо слетает
птица печали.

Хайку-центон

Спасское в октябре.
На тысячу верст кругом
Россия¹⁾ – и листопад...

Хайку-пастииш²⁾

Старый пруд.
Прыгнула в воду бедная Лиза.
Всплеск в тишине.

332

¹⁾ Иван Тургенев «Senilia: I»

²⁾ © М. Басе, концепция, 1686

© Н.М. Карамзин, коллизия, 1792

© В.А. Ермаков, контаминация, 2002

ТАНКА

Вечер. Сумерки мысли.
Над черновым наброском
кружит сова Минервы:
ищет – и не находит,
чем поживиться...

* * *

Странную мысль,
что нехватка слов
суть настоящей поэзии,
я с сожалением
отверг...

* * *

Сказала: – Я в тебя верю, -
а после: – Я тебе верю...
Сколько живу на свете,
а до сих пор не знаю –
что для меня важнее.

* * *

– Как ты относишься к жизни?
Я не нашелся с ответом.
А вечером в ванне подумал:
как соотносятся ванна
и Мировой океан?

333

* * *

Пережидая дождь
в маленькой книжной лавке,
с одной нечаянной строчки

как мальчишка влюбился
в незнакомую книгу.

* * *

Лунной ночью,
прозрачной ночью,
мир насыщен сладкой тревогой,
словно каждая вещь на свете,
как задумчивая ракушка,
раскрывает внутренний образ.

* * *

Женщина на закате
протирает чистые стекла,
выставив на подоконник
ухоженную герань –
цветок своего одиночества.

* * *

Задремывая под пледом
в продавленном старом кресле,
пригрел,
как больную кошку,
грустное воспоминанье...

* * *

Два года как нет ее...
Преодолев молчанье,
все дружно заговорили
о прочем...
о том, что есть.

Слезы счастья и слезы горя...
словно соки из самого сердца
выжимает тяжесть земная, -
что останется от человека,
покрывается плесенью скуки.

* * *

Колокол созывает
верных в скорлупку церкви, -
но верных в приходе мало.
Священник не любит близких.
Священник боится Бога.

* * *

В темный осенний вечер
я долго глядел в окошко,
высматривая иное, -
но темнота возвращала
стеклу мое отраженье.

* * *

Кто бы сказал,
почему
некрасивые наши лица
неприветливей
век от века.

* * *

Сколько?! ...куда деваться, -
отдаю последние деньги,
в лицо продавцу не глядя, -
знаю, что *сам ты сволочь*
думает он в ответ.

Кот, у которого я
отобрал помятую птицу,
был возмущен до слез,
что я отпустил ворону,
вместо того чтоб сожрать.

Нет на свете такого героя,
чтоб сумел пересилить немощь;
в мире нет мудреца такого,
чтобы мог он наполнить смыслом
пустое множество мира.

* * *

Время уходит, уходит...
словно ангел-хранитель
чертит линию жизни
карандашным огрызком
по наждачной бумаге.

* * *

Разве кто-нибудь может поверить,
что для полной картины мира
в Божьем замысле не доставало
человеческой малости
меня...

* * *

Никого не осталось в мире,
ни души на всем белом свете,
ни единого человека,
разве только я, горемычный, –
да и то я в себе не уверен.

Будь я и вправду поэтом,
наверно, нашел бы силы
отречься от стихотворства
и стать, наконец,
собой.

* * *

Воздух сереет.
Сжимается сердце.
Сгущается время.
Ничего, — *сказал я себе...*
Ничего.

* * *

Наконец-то и я
нашел свое место в жизни, —
свое законное место
в очереди
на выход.

* * *

Чем дальше,
чем глубже в осень, —
тем безлюдней дорога...
Северо-западный ветер.
Ранняя темнота.

* * *

Как воет осенний ветер!
А я почему-то вспомнил
как шел через парк в июле —
среди неподвижного зноя
дрожал листок на осине.

Падает, падает, падает снег...
падает, падает снег...
Так ли уж важно,
чем я живу;
так ли уж важно, зачем...

* * *

Что же такое выюга?
Ветер Екклесиаста
сорвался с Полярного круга:
бешеный ветер со снегом,
ужасом и восторгом.

* * *

Оттепель... с рыхлого неба
снег идет запоздалый,
тающий на ресницах...
словно вижу сквозь слезы
юность свою шальную.

* * *

Горсть лепестков и листьев –
 сентиментальный мусор –
 воспоминанье о розе...
 Каждый, кто жил на свете,
 был – хоть однажды – счастлив.

* * *

Лунная ночь в декабре.
Тишина и тревога.
От неподвижных деревьев
тянутся черные тени
по серебру снегов.

В снежном сугробе
старый репейник, -
ветер сдуваet шорох
с мертвых колючек;
я вспоминаю...

* * *

Что от костра остается? –
бледная немочь пепла;
бабочки золотые
жар собирают с углей...
Старость – ночь навсегда.

* * *

Ничего не случилось...
напрасно
ждала природа, и ветер
бесцельно гонял по небу
вялые облака...

* * *

Ты, у кого перед носом
захлопнулись двери, –
ты, не успевший к сроку
и потерявший право –
что ж ты не рад свободе?

* * *

Тот, у кого есть воля,
но у кого нет цели, –
поневоле свободен...
все-таки смысл человека
не свобода, а радость.

Зачем это?
Зачем все?
Зачем мне?
Зачем мне все это,
если я не знаю – зачем ?

* * *

Старые добрые фильмы...
черно-белое чувство
утраты былых иллюзий;
воспоминанья, которых
мы не достойны.

* * *

Тихий ангел воспоминаний! –
разбери мою жизнь по мгновеньям,
а потом собери все как было –
чтобы мне самому стало ясно,
почему все так, а не иначе.

* * *

Давай жить легко и просто –
так, чтобы в нашем доме
не было лишнего, только
то, что необходимо,
и то, что радует сердце.

* * *

Каждый раз я хочу, чтоб стало лучше,
а хорошего выходит мало;
ничего я в себе не понимаю...
уж не я ли свой враг неуловимый?
уж не я ли чудовище во мраке?

Загляни в глубину своей тревоги, –
и не говори, что увидишь;
и не забывай, что узнаешь:
там, в магическом зеркале былого
отражается то, что с нами будет.

* * *

Я пишу пятистишие, в котором
совершенно никакого смысла,
только легкий сквознячок в подтексте –
простывающий след того мгновенья,
что исчезло, пока вы читали...

* * *

Что-то не так в этом мире;
как будто, оставшись девой,
надежда стала вдовой.
Падает, падает, падает век
в бездну между людьми...

* * *

Все, что становится лучше,
чем хорошо по жизни,
исчезает из этого мира;
все, что к добру стремится,
Бог себе забирает...

* * *

Разве можно спасти
тех, кто не верит в себя?
Дни идут чередой...
Ангел календаря
не опускает крыльев.

Все, что разуму нужно,
чтобы не потеряться
в лабиринте иллюзий –
нить путеводной мысли,
протянутой через время...

* * *

В полночь, под бой курантов,
с елки звезда упала –
и не разбилась!
Наверное, ангел-хранитель
вовремя спохватился.

* * *

Снег идет... снег идет...
Белая магия снега!
Кажется, время медлит,
словно боясь потревожить
наваждение счастья.

* * *

Грезил, глядя на снег,
сам не зная о чем...
очнулся от тихого стука:
сев на окно, в стекло
постучала синичка.

* * *

Шел в магазин за хлебом...
В сумерках снег кружился...
И было легко на сердце, -
как будто со мной случилось
все, о чем я мечтал.

То, что еще вчера
томило смутной тоской,
отошло от души...
тихо, как свет во тьме,
зачинается завтра.

Памяти Кобаяси Иесса

*Тихо, тихо ... – однажды
я вспоминаю хокку:
ползи, улитка, по склону
Фудзи – и чуть не плачу:
вверх, до самых высот...*

*Почему-то душе утешительна
старинная философема:
созерцание руин...*

Что позади? – руины;
развалины прежних иллюзий...
а дальше, за горизонтом –
воздушный замок надежды,
в который нам путь заказан.

*Долго говорили о смысле поэзии
с Валентином Курбатовым...
и где? – в Ясной Поляне!*

О если б слова сложились
в простое стихотворенье,

в котором теченье речи
стало прозрачной сутью,
словно вода в стакане...

*Однажды меня не спросили, -
как я понимаю дзэн? –
на что я не ответил так:*

Вброд перейти море жизни, –
с ясным умом,
легким сердцем
и пустыми
руками...

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОГУЛКИ В СУМЕРКИ

Автопортрет в ночном окне	7
Шаги в ночи	8
Весна света	8
Март	9
Явление весны	10
Пастораль	11
Летний вечер	12
Воспоминание о лете	13
Осень	14
ЭТЮДЫ И ЭСКИЗЫ	16
1. Старинная акварель	16
2. Лубок	17
3. Картинка а вороной и ангелом	18
4. Гравюра в готическом стиле	19
5. Место без действия	20
6. Двойной эскиз	21
7. Эскиз в серых тонах	22
ХОЖДЕНИЯ ВОКРУГ И ОКОЛО	23
1. Уход от себя	23
2. Прогулка в дожде	24
3. Прогулки в сумерки	26
4. Ангел сумерек	27
5. Ночная прогулка	28
6. Возвращение с прогулки	30
7. Променад	32
О странствующих и странных	34
Русский путь	36
Из России, с любовью	37
Триптих о чаше	39
ТРАУРНЫЙ ТРИПТИХ	42
1. Памяти отца	42
2. Памяти Иосифа Бродского	43
3. Памяти Виктории Василевской	43
Музыка	44
Женщины в октябре	45
Вскользь	46

Под знаком скорпиона	47
Летейский снег	47
Событие снега	48
СТИХИ ИЗ СТАРЫХ ТЕТРАДЕЙ	52
1. Волк	52
2. Солдатская песня	53
3. Линия судьбы	54
4. Гусарская песня	54
5. Осень античности	55
Зияние	55
Век просвещенья, оный же галантный	61
Конец философического путешествия	63

ПОВТОРЕНИЕ ПРОЙДЕННОГО

Стихи под вопросом	68
Видение тьмы	68
Пейзаж с прохожим	69
Непогода	70
История любви на фоне истории	72
День чудесный	75
Слезы марта	76
Лунность	77
Зной	78
ОСЕННИЙ ЦИКЛ	79
1. Эскиз	79
2. Двойной этюд	79
3. Осенний мотив	80
4. Листопад	81
5. Повторение пройденного	81
6. Поздней осенью	82
7. Ноябрь	83
КАМЕРНЫЙ КОНЦЕРТ	83
1. Мелодия для клавесина	83
2. Адажио	84
3. Рондо	85
4. Каприччо	86
РУССКИЙ ДИСКУРС	87
1. Тиши да гладь..	87
2. Хорошо сидим!	88
3. Посошок на дорожку	90

ANNO DOMINI	91
1. О странствующих и путешествующих	91
2. Средневековье	92
3. Ночь в порту	95
4. Чумной город	96
5. Падение столицы	97
6. Сцена в трактире	98
7. Казнь	99
8. Исход	100
9. Хронограф: последний лист	101
10. Вальпургиева ночь	103
СТИХИ БЕЗ НАЗВАНИЯ	106
СТИХИ БЕЗ МУЗЫКИ	107
1. Посвящается Платону	107
2. Разрушение руин	109
СТИХИ БЕЗ ЛОГИКИ	111
1. Сон о розе	111
2. Пробуждение	113
3. По дороге в Китеж-град	115
4. Силуэт человека в пейзаже безвременья	117
5. Город на краю времени	120
6. Сумеречное сознание	123
7. Комментарии безмолвствующего к тишине	125
Обратная перспектива	128

БЕЗВРЕМЕННИК

Генезис	129
Цейтнот	130
Снег в апреле	133
Оттепель	136
Апрельский фрагмент	137
Вечерний мотив	139
Бабье лето	140
Ветер в октябре	141
Осенний дым	142
Всякое дыхание	142
Конец сезона	143
Вечерний чай	144
Эта женщина	145

Стансы к тени	146
Эпилог	148
После музыки	149
Сумерки	150
Четыре октавы	153
Старым друзьям	154
Скверные дни	155
Ненаписанные стихи о смерти	156
Прощание	158
ГОЛОСА НИОТКУДА	159
1. Исток	159
2. Эрос/танатос	160
3. Козел отпущения	162
4. Деревенская ведьма	162
5. Разочарованный странник	163
6. Пьяный кентавр	164
ДВА СТИХОТВОРЕНИЯ ПОД ОДНИМ ЭПИГРАФОМ..	165
1. Вид города Геттингена	165
2. Подозрение чудес	167
ЗИМА В ГИПЕРБОРЬЕ	168
1. Определение хронотопа	168
2. Белое безмолвие	169
3. Холодные времена	171
4. На войне как на войне	172
5. Сто строк	173
6. Безвременник	177
7. Сколько ни странствуй	181
8. Ода к холоду	183
9. Письма до востребования	185
Прямая перспектива	187
Настоящее время	194
Ожидание прошлого	203
Квартет для сэра Исаака	209

КАК БЫ КНИГА

В этом краю...	211
Весна воды	211
С точки зрения вечности	212
Попытка к бегству	213

Ночь перед Рождеством	214
Быть поэтом	215
Воспоминанье о	217
Конспект стихотворения	218
Джаз на костях	219
Поэт в деревне	220
Поэт в городе	222
Поэт на земле	224
Уроки истории	225
Сонет о хождении во тьме	226
Сонет о летящей стреле	227
Над рекой времени	227
Час меж собакой и волком	228
Закат	229
Из пустоты проступая...	230
О себе, вкратце	231
Прощание, прощение...	232
Сентябрь	233
Псалом вполголоса	233
Печаль об ушедших	234
Элегия на смерть кота	235
Старость Буратино	237
Обними меня.....	237
Ночной листопад.....	238
Памятник	239

РАЗНОГОЛОСЬЕ

Разноголосье	240
Предвечернее	246
Недосказанное	247
Закат над Окой	248
Ad marginem elysii	249
Цена свободы	250
Пейзаж с персонажем	251
ПЕСНИ ЛИШНИХ ЛЮДЕЙ	252
1. Оборванная песенка	252
2. Песенка лихого человека	253
3. Песенка маленького человека	254
Ахейщина	255
Задолго до весны	257

В легком жанре	258
Под музыку дождя	259
Глубина пейзажа	260
Нечто иное	261
Ода к старости	262
Человек, не хотевший счастья	265
Рассвет на Оке	267
Апрель в Орле	268

СОЗЕРЦАНИЕ РУИН

Созерцание руин	270
Предзимье	276
Осенний блюз	277
Ночной дождь	278
Сон ни о чем	279
Стансы ни к чему	280
Ода одиночеству	282
Помни о Болхове	283
День в октябре	285
Стихи о счастье	286
Возвращение блудного сына	287
На заходе солнца	288
Взгляд со стороны	289

ОСАДОК ДНЯ

Междоусобное	290
Стансы ненастя	291
Апрельская прелюдия	292
Когда распогодится	294

В ПОИСКАХ УТРАЧЕННОЙ МЕТАФИЗИКИ

Текст в поисках темы	295
Свободный стих	299
Натюрморт	301
Ночь в чужом городе	302

МЕЖДУ ПРЕЖДЕ И ПОСЛЕ

Стихи, написанные в больнице	303
Стихи в конце лета	305
Стихи в начале осени.....	306
Чаепитие с Достоевским	307
Сон о волне	311
МЕДИТАЦИИ	312
1. Настроение маренго	312
2. Настроение индиго	314

ПРИЛОЖЕНИЕ

НЕФОРМАТ	319
Хлеб предложения	319
Граффити	322
13 тезисов к стихотворению	324
Летящее	325
Закат	327
Фрейд отдыхает	327
ХОККУ	327
ТАНКА	333

Владимир Ермаков
Немногое

Стихи

Художественный редактор А.А. Ермакова
Корректор А.А. Ермакова

Подписано к печати –
Формат 84x100 1/32.

Печать офсетная. Бумага офсетная.

Гарнитура: NewBaskervilleC.

Усл. п. л. – Тираж 300 экз. Заказ № –

Агентство печати литературы «АПЛИТ»
e-mail: apl_t@mail.ru

Отпечатано с готового оригинал-макета
Типография —